ISSN 3034-6932

# УЧЁНЫЕ ТРУДЫ
## РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА ИМЕНИ Г.Б. МИРЗОЕВА

№ 3 (78) 2025

РУАН

# УЧЁНЫЕ ТРУДЫ
## РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА ИМЕНИ Г.Б. МИРЗОЕВА

**№ 3 (78) 2025**

**Научно-правовой журнал**
**Издается 1 раз в 3 месяца**

ISSN: 3034-6932

**Главный редактор**
Г.Б. МИРЗОЕВ

**Заместитель главного редактора**
Р.В. ШАГИЕВА

**Ответственный секретарь**
Н.Н. КОСАРЕНКО

Решением Президиума ВАК журнал включен в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (по праву).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
http:www.info-pravo.com\
E-mail: info@info-pravo.com

Журнал основан в 1997 г. как «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата» и переименован в 2024 г. в журнал «Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева»

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-87536.

## РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**Председатель – Г. Г. ЧЕРЕМНЫХ**, доктор юридических наук, профессор, президент Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, член Адвокатской палаты Московской области, Заслуженный юрист РФ;

**Сопредседатель – К. А. КОРСИК**, доктор юридических наук, вице-президент Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, президент Федеральной нотариальной палаты РФ, Заслуженный юрист РФ, профессор кафедры нотариата и гражданско-правовых дисциплин Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева;

**Сопредседатель – Г.Б. МИРЗОЕВ**, доктор юридических наук, профессор, ректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, Вице-Президент Федеральной палаты адвокатов РФ, Заслуженный юрист РФ, Почётный работник сферы образования РФ, Почетный работник юстиции РФ, Почетный адвокат РФ;

**Сопредседатель – Ю. С. ПИЛИПЕНКО**, доктор юридических наук, профессор кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, Заслуженный юрист РФ, Почетный адвокат РФ.

## ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

**А. П. АЛЬБОВ**, кандидат философских наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и образования, член-корреспондент РАЕ, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской академии интеллектуальной собственности (РГАИС);

**М. М. БАБАЕВ**, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ;

**С. В. БАРАБАНОВА**, доктор юридических наук, доцент, Почетный работник ВПО РФ, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента Казанского национального исследовательского технологического университета;

**Л. А. БУКАЛЕРОВА**, доктор юридических наук, профессор, проректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, профессор Государственного университета управления;

**А. А. ВЛАСОВ**, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, проректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, член Экспертно-консультативного совета Министерства юстиции РФ;

**С. И. ВОЛОДИНА**, кандидат юридических наук, Президент Федеральной палаты адвокатов РФ, проректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, профессор кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, Почетный адвокат РФ, Заслуженный юрист РФ;

**А. П. ГАЛОГАНОВ**, доктор юридических наук, вице-президент Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, президент Международного союза (содружества) адвокатов, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, президент Адвокатской палаты Московской области, Заслуженный юрист РФ, профессор кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, Почетный адвокат РФ;

**Г. Г. ГОЛЬДИН**, доктор политических наук, профессор, заведующий сектором международного права кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, Почетный адвокат РФ;

**В. А. ЖАБСКИЙ**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

**С. В. ИВАНЦОВ**, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Подписной индекс
в каталоге
«Газеты. Журналы»
Агентства Роспечать» – 36802

Адрес редакции:
*105120, Москва,*
*Малый Полуярославский пер.,*
*д.3/5, стр.1.*
*Тел./факс: 917-22-39.*
*E-mail:*
*nauka-raa@mail.ru,*
*info@raa.ru;*
*http://www.raa.ru*

Компьютерная верстка –
*М.В. Бакаева*
Фото – *В.Н. Еремченко*

Перепечатка материалов
без согласования
с Российским университетом
адвокатуры и нотариата
имени Г.Б. Мирзоева
не допускается.

За содержание публикаций
авторов редакция
ответственности не несет.

© Российский университет
адвокатуры и нотариата
имени Г.Б. Мирзоева, 2025

Подписано в печать
22.09.2025.
Формат 84x108/16
Печ. офсет.
Бумага офсетная.
Печ.л. 12,0.
Тираж 500 экз.
Заказ № 3.

Отпечатано в типографии
ООО «Канцлер»
150008, г. Ярославль,
ул. Клубная, 4-49.

**А.Е. КИРПИЧЁВ**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева;

**В. В. КУЛАКОВ**, доктор юридических наук, профессор, Почётный работник сферы образования РФ, ректор Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева;

**Ю. А. КРОХИНА**, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова;

**О. С. КУЧИН**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, профессор, академик РАЕ, Почетный адвокат России;

**А. Н. ЛЁВУШКИН**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;

**А. В. МОРОЗОВ**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры компьютерного права и информационной безопасности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

**Н. Г. МУРАТОВА**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, заслуженный юрист Республики Татарстан

**В. В. РАЛЬКО**, доктор юридических наук, заведующий кафедрой нотариата и гражданско-правовых дисциплин Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, нотариус города Москвы, член комиссии по нотариату Ассоциации юристов РФ;

**И. М. РАССОЛОВ**, доктор юридических наук, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;

**Ю.А. СВИРИН,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции, академик РАЕН, Почетный адвокат России;

**А. А. ФАТЬЯНОВ**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова;

**Р.В. ШАГИЕВА**, доктор юридических наук, профессор, первый проректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Почётный работник сферы образования РФ.

**В. В. ЯРКОВ**, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.

## ИНОСТРАННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

**Ф. БЕЛО,** доктор юридических наук, член Парижской коллегии адвокатов (Франция);

**А. В. БЕЛОКОНОВ**, магистр юриспруденции, представитель Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, Гильдии российских адвокатов в Австрии, член Адвокатской палаты г. Вены (Австрия);

**В. Л. КВИНТ**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова, иностранный член РАН;

**К.В. КИМ**, кандидат юридических наук, доцент, Professor Emeritus Высшей школы права MAQSUT NARIKBA YEV UNIVERSITY (KAZGUU);

**И. МИЛИЧ**, доктор юридических наук, ассистент Юридического факультета Новосадского университета (г. Нови Сад, Республика Сербия);

**Ю. ОГУРЛУ**, доктор юридических наук, профессор, ректор Университета Эрджиес (Турция);

**Н. РУЙЕ**, доктор юридических наук, профессор предпринимательского права Школы Бизнеса Лозанны (Швейцария), партнер адвокатской конторы СвиссЛигал – SwissLegal Rouiller & Associes Avocats (г. Лозанна, Женева и Фрибург);

**К.Б. СЕЙТЕНОВ**, доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан;

**А. ЧИРИЧ**, доктор юридических наук, заведующий кафедрой торгового права, арбитража внешнеторговых арбитражей, член Научного совета общественных наук Министерства образования и науки Сербии, профессор Международного торгового права на юридическом факультете Университета г. Ниш (Сербия)

# СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЙ ЗАКОНОПРОЕКТ ИЗМЕНИТ САМУ КУЛЬТУРУ ПРАВОСУДИЯ. Интервью с Президентом ГРА, вице-президентом ФПА РФ, ректором Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б Мирзоева, профессором Г.Б. Мирзоевым, которое он дал обозревателю «Российской газеты» Борису Ямшанову . . . . . 5

## АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Г.Б. МИРЗОЕВ. К вопросу об усилении гарантии оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи . . . . . 7

## ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

А.П. АЛЬБОВ, Е.Н. ПУЗАНКОВА. Трансформация телеологического толкования права в эпоху цифровизации: конфликт буквы закона и цели законодателя . . . . . 11
А.В. АХМАТОВ, А.Н. АКИМОВА. К вопросу о правовой теории Юргена Хабермаса . . . . . 21
Г.Г. ГОЛЬДИН, Л.О. ТЕРНОВАЯ. Языковые права человека в современном мире . . . . . 26
А.Е. ЕПИФАНОВ. Из опыта организации и деятельности женских исправительных приютов в дореволюционной России (историко-правовой аспект) . . . . . 34
Н.В. КОВАЛЕВА. Выделение земельных участков для размещения промышленных объектов по законодательству Российской империи XIX – начала XX веков . . . . . 42
Л.А. ПОДОСИННИКОВА. Правовая власть как основа правового суверенитета: проблемы теоретического осмысления . . . . . 51

## ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

В.В. ВАРМУНД. Сделкоспособность как элемент правосубъектности физического лица . . . . . 58
А.Н. ЛЕВУШКИН. Денежная компенсация, взыскание убытков и неустойка как меры ответственности и способы защиты в корпоративных правоотношениях . . . . . 64

## УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Г.Б. МИРЗОЕВ, Д.И. АМИНОВ. Эволюция права: нравственный Кодекс народа – русские пословицы как предтеча уголовного закона . . . . . 72
В.А. ЖАБСКИЙ, Т.Г. СИРОТКИНА. Миграционная ситуация в Российской Федерации и её влияние на преступность . . . . . 78
М.Е. КЛЮКОВА, И.О. АНТОНОВ, А.Ю. ВЕРИН. Некоторые тактические особенности производства допроса потерпевших и оценки его результатов по делам о мошенничестве в брачно-семейных отношениях . . . . . 82
Г. С. МИШУГИС-БЕКЕР. Правовая неопределенность освобождения конфидентов от уголовной ответственности . . . . . 87
Е.Н. СЕНИНА. Восстановительный подход в отношении несовершеннолетних правонарушителей: уголовно-правовые и криминологические аспекты . . . . . 92

## ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

И.А. АРТЕМЕНКО. Становление и развитие профессионального правосознания лиц, реализующих судебную функцию в России в XV–XVII веках . . . . . 97
А. В. ДОЛГОВ. Публично-правовое регулирование в сфере адаптивной физической культуры и спорта лиц с ограниченными возможностями здоровья в новых субъектах Российской Федерации: общая характеристика . . . . . 103
П.К. ДОЛЖИКОВ. Актуальность уголовно-правового противодействия повреждению, уничтожению, утрате военного имущества (ст.ст. 346–348 УК РФ) . . . . . 107
И.С. КАМИНСКИЙ. Причины для усиления уголовной ответственности за внешнеэкономические преступления в Российской Федерации и в рамках ЕАЭС . . . . . 114
К.А. КАРАМЫШЕВ. Особенности распоряжения результатами интеллектуальной собственности . . . . . 119
Л.С. КРИМЕР. Система косвенных доказательств для принятия справедливых процессуальных решений: симбиоз прямых и косвенных доказательств с информационными технологиями . . . . . 124
А.В. ЛУКИН. Основополагающие начала уголовно-правового поощрения . . . . . 130
Д.А. ТАСОЕВ. Совершенствование государственной политики в сфере противодействия экологической преступности в Российской Федерации . . . . . 140
С.О. ХУБЕЖТЫ. Уголовно-правовое значение понятия медицинской деятельности . . . . . 145

## ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Л.А. БУКАЛЕРОВА, Е.В. СУХАРЕВА, Р.В. ШАГИЕВА. Классификация преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса как теоретико-методологическое основание для разработки мер противодействия посягательствам на объекты критической инфраструктуры . . . . . 150
А.В. ЧЕРЕМУШКИН. Проблемы использования технических понятий в качестве дефиниций в нормативных правовых актах на примере ряда терминов и определений криптографии» (Отзыв на статью доктора юридических наук профессора А.А. Фатьянова «Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. №1. 2024. С. 180–187). . . . . 158

## ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. КОММЕНТАРИИ

Т.А. КАСТОРНОВА. Эволюция и современные вызовы правового регулирования в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путём и финансированию терроризма в Российской Федерации . . . . . 163

## КОРОТКО О КНИГАХ

Н.Н. КОСАРЕНКО. Рецензия на монографию: Арзамасов Ю.Г. От классического к цифровому государству. М.: КНОРУС, 2025. 208 с. . . . . 172
В.В. КУЛАКОВ. Рецензия на учебное пособие: Горбунов М.А., Шагиева Р.В. Римское право: учебник. В 2 т. М.: Русайнс, 2025. (т. 1. 412 с.; т. 1. 392 с.) . . . . . 174

## ИНФОРМАЦИЯ

Л.А. БУКАЛЕРОВА, В.Ф. ЩЕПЕЛЬКОВ. Поздравляем с юбилеем Н. И. Пикурова, доктора юридических наук, профессора, профессора МГЮА имени О.Е. Кутафина, члена Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации . . . . . 176

# CONTENT

THE NEW BILL WILL CHANGE THE VERY CULTURE OF JUSTICE. Interview with the President of the GRA, Vice-President of the FPA of the Russian Federation, Rector of the Russian University of Law and Notary named after G.B. Mirzoev, Professor G.B. Mirzoev, which he gave to Boris Yamshanov, a columnist for Rossiyskaya Gazeta ..... 5

## ACTUAL TOPIC

G.B. MIRZOEV. On Strengthening Guarantees for the Provision of Qualified Legal Assistance by Lawyers . . . . . 7

## THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

A.P. ALBOV, E.N. PUZANKOVA. The State in the Digital Age: A Theoretical, Legal, and Semantic Analysis of the Conceptual Framework . . . . . 11

A.V. AKHMATOV, A.N. AKIMOVA. On the question of Jurgen Habermas' legal theory . . . . . 21

G.G. GOLDIN, L.O. TERNOVAYA. Language human rights in the modern world . . . . . 26

A.E. EPIFANOV. The experience of organizing and operating women's correctional shelters in pre-revolutionary Russia according to the publications of the magazine «The Prison Gazette» (1893–1917) . . . . . 34

N.V. KOVALEVA. Allocation of land for industrial facilities according to the legislation of the Russian Empire of the XIX – early XX centuries . . . . . 42

L. A. PODOSINNIKOVA. Legal power as a basis for legal sovereignty: problems of theoretical understanding . . . . . 51

## PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

V.V. WARMUND. Transactability as an element of legal personality of an individual . . . . . 58

A.N. LEVUSHKIN. Monetary compensation, damages and forfeit as measures of liability and methods of protection in corporate legal relations . . . . . 64

## CRIMINAL LEGAL SCIENCES

G.B. MIRZOEV, D.I. AMINOV. Evolution of law: the moral code of the people – Russian proverbs as the forerunner of criminal law. . . . . 72

V.A. ZHABSKY, T.G. SIROTKINA. Migration situation in the Russian Federation and its impact on crime . . . . . 78

M.E. KLYUKOVA, I.O. ANTONOV, A.YU. VERIN. Some tactical features of the interrogation of victims and assessing its results in cases of fraud in marriage and family relations . . . . . 82

G.S. MISHUGIS-BECKER. Legal uncertainty of exemption of confidents from criminal liability . . . . . 87

E.N. SENINA. A restorative approach for juvenile offenders: criminal and criminological aspects . . . . . 92

## TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

I.A. ARTEMENKO. Formation and development of professional legal awareness of persons exercising judicial function in Russia in the XV–XVII centuries . . . . . 97

A.V. DOLGOV. Public legal regulation in the field of adaptive physical culture and sports of persons with disabilities in the new constituent entities of the russian federation: general characteristics . . . . . 103

P.K. DOLZHIKOV. The relevance of criminal law counteraction to damage, destruction, and loss of military property (Articles 346–348 of the Criminal Code of the Russian Federation) . . . . . 107

K.A. KARAMYSHEV. Features of managing intellectual property results . . . . . 114

L.S. CREAMER. Indirect evidence system for fair procedural decision making: a symbiosis of direct and indirect evidence with information technology . . . . . 119

A.V. LUKIN. Fundamental principles of criminal law . . . . . 124

D.A. TASOEV. Improvement of state policy in the field of combating environmental crime in the russian federation . . . . . 130

S.O. KHUBEZHTY. Criminal law significance of the concept of medical activity. . . . . 140

E.V. SUSLINA. The nature of imprisonment at the initial stage of development of the science of Soviet criminal law (1917–1920s) . . . . . 145

## INVITATION TO DISCUSSION

L.A. BUKALEROVA, E.V. SUKHAREVA, R.V. SHAGIEVA. Classification of crimes in the field of fuel and energy complex as a theoretical and methodological basis for the development of measures to counter encroachments on critical infrastructure. . . . . 150

A.V. CHERYOMUSHKIN. Problems of using technical concepts as definitions in regulatory legal acts using the example of a number of terms and definitions of cryptography" (Review of the article by Professor A.A. Fatyanov, Doctor of Law, "Scientific Proceedings of the Mirzoev Russian University of Law and Notary. No. 1. 2024. P. 180–187).. . . . . 158

## INFORMATION

# НОВЫЙ ЗАКОНОПРОЕКТ ИЗМЕНИТ САМУ КУЛЬТУРУ ПРАВОСУДИЯ

В «Российской газете» опубликовано интервью с Президентом ГРА, вице-президентом ФПА РФ, ректором Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б Мирзоева, профессором Г.Б. Мирзоевым, которое он дал обозревателю «Российской газеты» Борису Ямшанову.

Совместная работа Министерства юстиции РФ, Федеральной палаты адвокатов, Гильдии российских адвокатов, Российского университета адвокатуры и нотариата им. Г.Б. Мирзоева и других структур позволили найти пути укрепления института адвокатуры, повышения качества правосудия и защиты конституционных прав граждан.

*Гасан Борисович, о каких переменах в работе адвокатуры идет речь, что из реформ будет самым важным?*

**Гасан Мирзоев**: Ключевая новация уже вынесена Минюстом на общественное обсуждение. Вводится единое правило: судебными представителями смогут быть только адвокаты. Это не проект на бумаге, а конкретные поправки в Арбитражный процессуальный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях и закон об адвокатуре, уже прошедшие обсуждение нынешним летом. Главная цель понятна каждому: устранить непрофессионализм и снизить риски для граждан.

*Ни один суд и теперь не обходится без участия стороны защиты, разве она не эффективна?*

**Гасан Мирзоев**: Сегодня в процесс нередко приходят юристы, которые больше вредят, чем помогают. В итоге страдают судьбы людей, дела тянутся годами, суды перегружаются. Новый законопроект меняет саму культуру правосудия: в процессе будут участвовать только те защитники, кто несет профессиональную ответственность, связан адвокатской этикой и обязан регулярно подтверждать свою квалификацию.

*Человек уже не сможет сам привести на процесс защитника, пусть и без корочки адвоката*?

**Гасан Мирзоев**: Закон не ставит жесткие барьеры. Сохраняются разумные исключения – для самопредставительства, близких родственников с юридическим образованием, штатных юристов, патентных поверенных, арбитражных управляющих. Но в целом система станет предсказуемой и прозрачной: гражданин заранее знает, что его интересы будет представлять специалист, а не дилетант.

*Высокая квалификация адвоката – дело благое, но не всем по карману. Люди прибегают к услугам сторонних юристов, а что теперь будет с ними?*

**Гасан Мирзоев**: Профессионализация имеет смысл только вместе с реальной доступностью правосудия. Поэтому реформенный проект предусматривает переходный период: юристы без статуса адвоката смогут пройти аттестацию и войти в корпорацию, расширив рынок услуг на новых прозрачных и регулируемых условиях. Это не закрытие дверей, а упорядочение доступа квалифицированных юристов, которые получают официальный статус и ответственность за качество работы. В свою очередь расширится рынок услуг и будет обеспечена конкуренция, что определит справедливое ценообразование.

Сегодня в процесс нередко приходят юристы, которые больше вредят, чем помогают. В итоге страдают судьбы людей, дела тянутся годами.

*Не секрет, что в стране еще немало людей, для кого даже невысокая цена – деньги. Кто им поможет?*

**Гасан Мирзоев**: Для социально незащищенных, малоимущих граждан сохранено и гарантировано право на бесплатную юридическую помощь в соответствии с федеральным законом. И оказывают ее в том числе адвокат -профессионалы, несущие ответственность перед гражданином и корпорацией. В субъектах Федерации создана сеть государственных юридических бюро. Помимо этого, уже сегодня адвокатура развивает бесплатные консультации, юридиче-

ские клиники при вузах, общественные приемные. Именно такой баланс – профессионализм плюс социальные гарантии – делает реформу жизнеспособной и справедливой.

Хочу особо подчеркнуть: реформа проводится не ради интересов адвокатов, а с целью повышения качества правосудия и достижения справедливости для всех без исключения слоев нашего общества.

*Не получится ли так, что новый строгий порядок подтолкнет искать обходные пути?*

**Гасан Мирзоев**: Риск серого рынка учтен. Во-первых, сохраняются названные исключения: самопредставительство, родители и опекуны, близкие родственники при наличии юридического образования, а также перечисленные выше штатные юристы и некоторые иные категории. Во-вторых, изменения не распространяются на дела у мировых судей и по административным правонарушениям.

Таким образом, сохраняется баланс между качеством и доступностью, никто не окажется за дверью суда. Бесплатная юридическая помощь позволяет пенсионерам, многодетным семьям, людям в трудной ситуации рассчитывать не на формальную защиту, а на полноценное квалифицированное судебное представительство.

*Порой человек просто не знает, как ему быть, надо или нет бежать в суд?*

**Гасан Мирзоев:** Не каждый конфликт должен доходить до суда. Существуют медиация и переговоры, они позволяют урегулировать спор быстрее, мягче и дешевле, чем судебная тяжба. Профессионализация нужна не для того, чтобы загонять людей в процесс, а чтобы обеспечить квалифицированное решение их проблем. Для граждан это означает следующее. Адвокатура развивает досудебные форматы: работают общественные приемные, центры бесплатной юридической помощи, их перечень опубликован на сайте Минюста. Действуют юридические клиники при профильных вузах совместно с палатами и муниципалитетами. Во многих случаях адвокаты бесплатно дают первичную оценку ситуации. Иными словами, адвокат – это не только представитель в суде, но и профессионал, который помогает решить спор мирно и цивилизованно.

*Тема адвокатского представительства в судах витала в воздухе многие годы. Как удалось сдвинуть дело с мертвой точки?*

**Гасан Мирзоев:** Перелом наступил тогда, когда обсуждение перешло в плоскость публичной законодательной процедуры. В июле нынешнего года Минюст официально опубликовал проект поправок и вынес его на общественное обсуждение. Тогда же совет Федеральной палаты адвокатов представил консолидированную позицию. В настоящее время так называемый законопроект об обязательном представительстве адвокатов, разработанный Минюстом, проходит процедуру официального согласования с заинтересованными федеральными органами государственной власти и организациями.

В дальнейшем он будет направлен в Правительство РФ и только после этого на рассмотрение Государственной Думы РФ. По информации минюста, вступление ключевых норм ожидается с 1 января 2028 года, с учетом переходного периода.Поправки охватывают АПК, ГПК, КАС, закон о банкротстве и закон об адвокатуре. Среди новелл – обязательная аудио- и видеозапись экзамена, продление срока принесения присяги до года, сокращение до 10 дней срока ответа на адвокатские запросы.

Таким образом, давний спор перестал быть теорией. Он превратился в последовательный законодательный процесс с ясными вехами и календарем. Впервые за десятилетия у адвокатуры и общества появился конкретный горизонт реформы - рубеж, за которым начинается новая правовая реальность.

В «Российской газете» (Федеральный выпуск, 16 сентября 2025 г. № 9747) опубликовано интервью с Президентом ГРА, вице-президентом ФПА РФ, профессором Г.Б. Мирзоевым «Новый законопроект изменит саму культуру правосудия”.

Читать интервью здесь: https://rg.ru/2025/09/15/advokatura-vremia-peremen.html?ysclid=mfnkiki5og425229610

Г.Б. МИРЗОЕВ

# К вопросу об усилении гарантий оказания адвокатами квалифицированной юридической помощи

**АННОТАЦИЯ**. В статье анализируется проект федерального закона о внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ, предусматривающий введение статьи 149.1 УК РФ «Нарушение права на получение квалифицированной юридической помощи». Особое внимание уделяется содержанию проектной статьи, её соотношению с действующими нормами уголовного законодательства и международными стандартами. Рассматриваются проблемы юридико-технического характера, связанные с неопределённостью формулировок, диспропорцией санкций и смешением понятийного аппарата. Подчёркивается необходимость редакционной доработки текста для придания проекту целостности и правовой определённости..

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** право, законодательство, адвокатская деятельность, адвокатская тайна, право на защиту, уголовная ответственность, квалифицированная юридическая помощь.

**МИРЗОЕВ ГАСАН БОРИСОВИЧ** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, Вице-Президент Федеральной палаты адвокатов РФ, Почетный адвокат РФ, ректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева (e-mail: advocat@gra.ru).

Право на получение квалифицированной юридической помощи является одной из основополагающих гарантий правового государства. Конституция Российской Федерации закрепляет его в статье 48, где прямо указывается, что каждому задержанному, заключённому под стражу или обвиняемому обеспечивается право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента фактического задержания.

Эта норма выступает в качестве ключевой процессуальной гарантии, обеспечивающей реальное воплощение принципов справедливости, равенства сторон и состязательности судебного разбирательства, являющихся фундаментом современного правосудия.

Проект федерального закона о внесении изменений в уголовное и процессуальное законодательство РФ направлен на закрепление уголовно-правовых гарантий осуществления данного конституционного права. В его основе – предложение ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации статью 149.1 «Нарушение права на получение квалифицированной юридической помощи» и соответствующие поправки в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» и УПК РФ[1].

Проектируемая статья 149.1 УК РФ структурирована в четырёх частях, каждая из которых выделяет самостоятельный вид посягательства на право на получение квалифицированной юридической помощи. В первой части закрепляется ответственность за недопуск адвоката к задержанному либо к участию в процессуальных действиях с доверителем, а равно за создание незаконных препятствий и условий, не предусмотренных действующим законодательством. Вторая часть формулирует самостоятельный состав, охраняющий адвокатскую

1. Проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления дополнительных гарантий реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи)»

тайну, предусматривая наказуемость незаконного собирания или распространения сведений, составляющих её содержание, если такие действия совершаются с целью воспрепятствовать оказанию юридической помощи. В третьей части статьи закрепляется общий состав вмешательства в адвокатскую деятельность или иного препятствования её осуществлению, что охватывает широкий круг возможных противоправных действий. Четвёртая часть устанавливает квалифицирующие признаки деяния, повышающие его общественную опасность: совершение группой лиц по предварительному сговору, использование виновным своего служебного положения, применение насилия либо угрозы его применения, а также причинение имущественного ущерба адвокату.

Вместе с тем в проектируемой статье выявляются определённые правовые и юридико-технические недостатки. Наибольшие сомнения вызывает конструкция третьей части, которая по своей сути охватывает те же случаи, что и части первая и вторая, но при этом предусматривает более мягкое наказание. Такая несогласованность нарушает логику иерархии уголовно-правовых норм и способна породить затруднения при квалификации деяний, поскольку правоприменитель окажется перед выбором: квалифицировать действия по специальной норме (часть 1 или 2) либо по общей (часть 3) с менее строгим наказанием. Это создаёт риск конкуренции уголовно-правовых норм и неоднородности судебной практики.

Дополнительные сложности связаны с первой частью статьи, где отсутствует чёткое разграничение понятий «недопуск» и «создание ограничений». Такое объединение разных по содержанию действий в единой диспозиции снижает уровень правовой определённости. С учётом системного толкования «недопуск» целесообразно трактовать как прямое и полное воспрепятствование доступу адвоката (защитника) к своему доверителю, в то время как создание ограничений охватывает ситуации, когда допуск формально обеспечен, но сопровождается введением препятствий или условий, затрудняющих реализацию права на защиту. К числу таких условий можно отнести неоправданное ограничение времени встречи, создание искусственных барьеров для общения, введение дополнительных формальностей, не основанных на законе. Именно такое разграничение позволило бы устранить неопределённость диспозиции и придать ей большую практическую применимость.

Не менее значимой проблемой представляется употребление в проекте термина «адвокат» в широком смысле. Для уголовного судопроизводства более корректным является использование категории «защитник», поскольку именно он вступает в дело с момента задержания и осуществляет ключевую конституционную функцию обеспечения права на защиту. В то же время в гражданском и арбитражном процессе адвокат выступает в качестве представителя стороны, где степень общественной опасности воспрепятствования его деятельности объективно ниже. Таким образом, смешение понятий «адвокат» и «защитник» приводит к расширительному и неопределённому толкованию диспозиции. Более того, необходимо учитывать, что в делах, рассматриваемых мировыми судьями, функции защитника вправе осуществлять иные лица, не обладающие статусом адвоката, и ограничение их прав также противоречило бы конституционным гарантиям.

Особого внимания заслуживает вопрос о санкциях. В проекте за нарушение адвокатской тайны установлено более строгое наказание (штраф до одного миллиона рублей или лишение свободы на срок до четырёх лет), чем за недопуск адвоката к задержанному (штраф до восьмидесяти тысяч рублей при той же верхней границе лишения свободы). Подобная диспропорция представляется необоснованной, поскольку именно недопуск к доверителю подрывает основу конституционного права на защиту и препятствует реализации принципа справедливого правосудия. Логично предположить, что уголовно-правовая оценка должна строиться по критерию общественной опасности деяния, а значит, недопуск

должен рассматриваться как более тяжкое преступление по сравнению с нарушением адвокатской тайны.

Историко-правовой анализ свидетельствует о том, что проблема обеспечения допуска защитника к задержанному имеет глубокие корни. В дореволюционном российском уголовном процессе участие присяжного поверенного на ранних стадиях расследования было ограничено и зависело от усмотрения следственных органов, что неоднократно подвергалось критике как явное умаление права на защиту и принципа состязательности.

В советский период формальное закрепление права на защиту зачастую не сопровождалось его эффективной реализацией: фактический допуск защитника на стадии предварительного следствия ограничивался, а участие адвоката нередко сводилось к декларативной роли.

Лишь в постсоветский период, с принятием Конституции Российской Федерации 1993 года и введением Уголовно-процессуального кодекса 2001 года, была гарантирована реальная возможность допуска адвоката к подозреваемому с момента фактического задержания.

Международные стандарты также подтверждают необходимость надёжной защиты адвокатской деятельности. В Основных принципах ООН о роли юристов 1990 года подчёркивается, что государства обязаны обеспечивать адвокатам возможность беспрепятственно исполнять свои профессиональные обязанности и защищать их от любых форм давления, угроз и вмешательства[2].

Европейский суд по правам человека многократно обращал внимание на то, что лишение лица права на ранний доступ к адвокату является прямым нарушением статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод[3]. В частности, в постановлении по делу Salduz v. Turkey (2008). Суд констатировал, что право на помощь защитника с момента первого допроса представляет собой фундаментальную гарантию справедливого судебного разбирательства, без соблюдения которой последующее рассмотрение дела неизбежно утрачивает признаки состязательности и равноправия сторон.

Таким образом, представленный законопроект в целом движется в русле международных стандартов, закреплённых как в Основных принципах ООН о роли юристов, так и в практике Европейского суда по правам человека, однако в его тексте сохраняются юридико-технические недостатки, требующие устранения. Для эффективного правоприменения необходимо чётко разграничить понятия «адвокат» и «защитник», согласовать общую и специальные нормы внутри статьи, устранить диспропорцию санкций, а также более последовательно закрепить квалифицирующие обстоятельства, усиливающие ответственность за вмешательство в адвокатскую деятельность.

Введение статьи 149.1 в Уголовный кодекс Российской Федерации имеет потенциал существенно укрепить институциональные основы адвокатуры и повысить уровень гарантированности конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи. При этом только при условии редакционной доработки и системного согласования с действующим уголовным и процессуальным законодательством новая норма сможет стать действенным инструментом обеспечения справедливости судебного разбирательства, укрепления правового государства и повышения доверия общества к судебной системе.

---

[2] Основные принципы, касающиеся роли юристов. Приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Гавана, Куба, 27 августа – 7 сентября 1990 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml?yscli d=mf8eywwyt5962751497 (дата обращения: 05.09.2025).

[3] Европейский суд по правам человека. Постановление по делу Salduz v. Turkey (2008) // СПС Гарант.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Основные принципы, касающиеся роли юристов. Приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Гавана, Куба, 27 августа — 7 сентября 1990 года// URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml?ysclid=mf8eywwyt5962751497 (дата обращения: 05.09.2025).

2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Рим, 4 ноября 1950 г. // URL: https://base.garant.ru/2540800/?ysclid=mf8f6748ap580587072 (дата обращения: 05.09.2025).

3. Европейский суд по правам человека. Постановление по делу Salduz v. Turkey (2008) // URL: https://base.garant.ru/12167975/?ysclid=mf8f7kdt53774155332 (дата обращения: 05.09.2025).

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Osnovnye principy, kasajushhiesja roli juristov. Prinjaty vos'mym Kongressom OON po preduprezhdeniju prestupnosti i obrashheniju s pravonarushiteljami Gavana, Kuba, 27 avgusta — 7 sentjabrja 1990 goda// URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml?ysclid=mf8eywwyt5962751497 (data obrashhenija: 05.09.2025).

2. Evropejskaja konvencija o zashhite prav cheloveka i osnovnyh svobod. Rim, 4 nojabrja 1950 g. // URL: https://base.garant.ru/2540800/?ysclid=mf8f6748ap580587072 (data obrashhenija: 05.09.2025).

3. Evropejskij sud po pravam cheloveka. Postanovlenie po delu Salduz v. Turkey (2008) // URL: https://base.garant.ru/12167975/?ysclid=mf8f7kdt53774155332 (data obrashhenija: 05.09.2025).

А.П. АЛЬБОВ, Е.Н. ПУЗАНКОВА

# Государство в цифровую эпоху: теоретико-правовой и семантический анализ понятийного аппарата

**АННОТАЦИЯ**. В статье представлен теоретико-правовой и семантический анализ понятийного аппарата, описывающего трансформацию государства в цифровую эпоху. Актуальность исследования обусловлена методологической неопределенностью в использовании терминов «цифровое государство», «цифровой суверенитет» и иных смежных понятий. Цель работы – формирование научно обоснованной терминологической системы в сфере цифровизации государственного управления. В результате предложены критерии разграничения инструментальных и сущностных аспектов цифровизации, определено соотношение традиционных и новых правовых категорий, сформулированы практические рекомендации для нормотворчества.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: цифровизация государственного управления, теория права, цифровой суверенитет, правовое регулирование, государственные услуги, нормотворчество, юридическая терминология, правовая концептуализация, информационное право, государственная власть.

**АЛЬБОВ АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской академии интеллектуальной собственности (РГАИС) (e-mail: aap62@yandex.ru).
**ПУЗАНКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА** – доктор педагогических наук, профессор, проректор по академической политике и учебной работе Российской академии интеллектуальной собственности (РГАИС) (e-mail: e.puzankova@rgiis.ru)

Наука на всём своём пути развития сталкивается с необходимостью постоянного уточнения своего понятийного аппарата, что особенно актуально сегодня, когда использование технологий искусственного интеллекта, больших данных и распределенных реестров в государственном управлении породило новый терминологический аппарат, вступающий в противоречие с классической теорией государства и права, создавая проблему терминологической неопределённости, при которой одни и те же понятия используются для обозначения различных феноменов, либо новые термины вводятся без должного теоретического обоснования, кочуя из публикации в публикацию и обретая неоправданную легитимность; в связи с этим представляется необходимым обратиться к истокам и развитию наших представлений о категориях и понятиях в истории и философии науки, прослеживая эволюцию их понимания от древнегреческих мыслителей до философов классической школы, что позволит не только лучше разобраться в особенностях различных подходов, но и увидеть логику развития рациональной мысли в целом.

Историческое развитие дефиниции «понятие» в философской традиции представляет собой процесс постепенного углубления и обогащения исходных определений. У Аристотеля понятие (ὅρος) формировалось в системе категорий (κατηγορίαι), где категории выступали как высшие роды бытия и мышления, к которым сводятся все остальные понятия. Например, Аристотель выделял десять категорий: сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание, действие и страдание.

Конкретное понятие у Аристотеля можно проиллюстрировать на примере определения «человек есть разумное животное», где «животное» – род, а «разумность» – видовое отличие. Аристотель различал сущность (οὐσία) и акциденции, что определило традицию выделения существенных и несущественных признаков в понятиях. Понятие у Аристотеля – логическая форма, выражающая сущность предмета через род и видовое отличие[1].

Средневековая схоластика развивала эту концепцию через проблему универсалий: реалисты утверждали объективное существование общих

1. См.: Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Т. 1 / ред. В.Ф. Асмус. М.: «Мысль», 1976.

понятий, номиналисты считали их именами, а концептуалисты (Абеляр) видели в них ментальные конструкции с объективными коррелятами. Напротив, рационалисты Нового времени (Декарт, Спиноза, Лейбниц) подчёркивали ясность и отчётливость понятия как критерии его истинности. Эмпирики (Локк, Беркли, Юм) трактовали понятие как результат абстрагирования от чувственных данных[2].

И. Кант переосмыслил «понятие» как функцию синтеза чувственного многообразия посредством априорных форм рассудка. В его философии понятие (Begriff) выступает фундаментальным элементом познавательной деятельности человека, которое представляет собой продукт деятельности рассудка, который организует и упорядочивает разрозненные единичные данные чувственного опыта[3].

Новизна теории Канта состоит в том, что понятия не просто пассивно отражают действительность, но активно участвуют в конституировании познаваемого мира, придавая единство и закономерность чувственным восприятиям. В кантианской системе понятие является не просто пассивной мыслительной формой, а активным конституирующем элементом самого процесса познания, обеспечивающим возможность целостного восприятия и понимания реальности[4].

Унаследовав от Канта идею активной роли понятия в познании, Гегель, вместе с тем, преодолевает кантовский дуализм явления и вещи-в-себе, субъективного и объективного. Если для Канта понятие оставалось субъективной формой, не способной постичь «вещь в себе», то Гегель делает шаг вперед, утверждая тождество мышления и бытия. Кантовское разделение понятий и категорий трансформируется в диалектическую взаимосвязь, где категории становятся этапами саморазвития абсолютной идеи, предшествующими понятию как высшей форме логического[5].

Гегель кардинально изменил понимание понятия и категорий: категории – это определения мышления на стадиях бытия и сущности, предшествующие понятию как высшей логической форме. К примеру, категории бытия (качество, количество, мера) и категории сущности (основание, явление, действительность) представляют собой более абстрактные и неполные определения, чем понятие. Понятие у Гегеля – не просто субъективная форма мышления, а объективная логическая структура, лежащая в основе и мышления, и бытия.

Наглядный пример гегелевского понятия – «государство», которое представляет собой конкретную всеобщность, включающую диалектическое единство всеобщего (конституция, законы), особенного (различные социальные институты и сословия) и единичного (отдельные граждане). Ключевой особенностью гегелевского понятия является единство всеобщего, особенного и единичного как взаимопроникающих моментов. Понятие обладает внутренней динамикой, развиваясь через противоречия и осуществляя переход от абстрактного к конкретному. В гегелевской системе понятие снимает (Aufhebung) предшествующие определения мысли – бытие и сущность, сохраняя их в преобразованной форме.

Сегодня в философии и теории государства и права особое значение имеет разграничение понятий и категорий как форм научного мышления, хотя, к сожалению, юристы иногда не до конца понимают их значение.

Особую озабоченность вызывает широкое распространение метафорических конструкций, таких как «цифровое государство», «электронное государство», «электронное правительство», «виртуальное государство» и т.д., и т.п.[6].

---

2. См.: Антология мировой философии, в 4-х т. Т. 1–4. М.: «Мысль», 1969–1972. (АН СССР. Ин-т философии. Философ, наследие). Т. 4. Философская и социологическая мысль народов СССР XIX в. [ред. коллегия: В. В. Богатов, III. Ф. Мамедов (ред.-составители четвертого тома и авторы вступит. статьи) и др.], 1972.

3. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 69–756; Васильев В. В. Подвалы кантовской метафизики: (дедукция категорий). М.: Наследие, 1998.

4. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 381–382.

5. См.: Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: «Мысль», 1974.

Хотя эти термины уже вошли в научную и публицистическую литературу, в средства массовой информации, однако их употребление часто приводит к методологической неточности – они неявно переносят свойства технологических инструментов на сущностные характеристики государства как политико-правового института. Такая подмена понятий создает иллюзию о якобы фундаментальной трансформации природы и сущности государства, принципов и ценностей права, в то время как речь идет лишь об изменении способов реализации государственных функций[7].

Государство нельзя сводить только к его техническим функциям, иначе теряется его подлинная правовая сущность. Сосредоточение лишь на инструментальной стороне государства искажает его фундаментальную природу как правового явления.

Исследователи, предлагающие концепции «электронного правительства» или «цифрового государства», допускают методологическую ошибку: они принимают второстепенные, технологические характеристики (способы осуществления функций) за сущностные признаки государства как такового. Тем самым происходит неоправданное смешение разнопорядковых явлений – технических средств и фундаментальной природы государства, что создает лишь видимость теоретического синтеза, но не приводит к формированию подлинно научной концепции.

Нам представляется, что более корректно в дефиниции понятий четко разграничивать сущностные характеристики государства и инструментальные аспекты его функционирования. Вместо метафорической конструкции «цифровое государство» следует говорить о «государстве, использующем цифровые технологии в управлении» или о «цифровизации государственного управления». Вместо «электронного правительства» предпочтительнее использовать понятие «информационной системы, обеспечивающей деятельность органов исполнительной власти» или «цифровой инфраструктуры государственного управления».

Такой подход позволяет сохранить категориально-понятийную чистоту теории права, не допуская онтологического смешения между государством как политико-правовым институтом и технологическими средствами, которые оно использует. При этом мы сохраняем возможность анализировать трансформации в методах осуществления государственной власти под влиянием цифровых технологий, не подменяя сущность явления его инструментальными характеристиками. Терминологическая точность в данном случае не просто академическое требование, но необходимое условие адекватного теоретического осмысления и эффективного правового регулирования процессов цифровизации.

Приписывание государству «цифрового» характера означало бы низведение его с уровня субстанциальной всеобщности до уровня внешних определений и средств. В классической теории права понимание государства выступает как действительность, а не как совокупность технических инструментов управления. Цифровые технологии могут лишь опосредовать проявления государственной воли, но не могут изменить онтологическую природу государства[8].

Термин «государство» в русском языке имеет древнеславянские корни и этимологически восходит к слову «господарь» (владыка, хозяин), что указывает на его исходную связь с фигурой суверена и идеей властвования[9].

Атрибутивное словосочетание «цифровое государство» представляет собой яркий пример категориальной ошибки в лингвистическом и логическом

---

6. Джордано Д. О., Понявина М. Б. Электронное правительство и цифровое государство // Вести научных достижений. Бухгалтерский учет, анализ и аудит. 2020. № 2. С. 74–80.

7. Золаев Э. А. Цифровое государство как новый этап развития общества // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 5. С. 1583–1594.

8. Наиболее полно эта концепция раскрывается в труде Гегеля «Философия права», особенно в разделе "Государство" (§ 257-329), где философ подчеркивает: "Государство есть действительность конкретной свободы" (§260).

9. Бученков Д.Е. Материально или идеально государство? // Философия и общество. Выпуск №4(97)/2020. / https://www.socionauki.ru/journal/fio/archive/2020_4/ (дата обращения: 22.07.2025).

смысле. Прилагательное «цифровое» относится к онтологически иному классу явлений, нежели существительное «государство». «Цифровой» – характеристика способа представления и обработки информации в виде дискретных сигналов (0 и 1), в то время как «государство» – сложный социально-политический институт с физическими, пространственными, демографическими и правовыми атрибутами.

Соединение этих понятий в едином словосочетании создает семантический диссонанс, аналогичный таким логически некорректным конструкциям, как «круглый квадрат» или «зеленая справедливость». Определение государства как «цифрового» представляет собой метонимический перенос, то есть, когда свойства одного из инструментов государственного управления (цифровых технологий, ранее: компьютерных технологий) переносятся на всю сущность государства. Такой риторический прием может быть допустим в публицистике, однако в научном дискурсе он порождает терминологическую путаницу, так как государство как «конкретная тотальность» не может быть определено через внешний, случайный признак технологического характера.

Цифровизация относится к инструментальным аспектам функционирования государственных институтов, но не затрагивает сущностных, онтологических характеристик государства. Государство может использовать цифровые технологии, но не может быть «цифровым» по своей природе, как человек, использующий очки, не становится «оптическим человеком», или имеющий телефон – «смарт человеком».

Несмотря на семантическую проблематичность, термин «цифровое государство» активно используется в современной научной литературе, нормативных актах и программных документах.

Однако в научной литературе наблюдается тенденция к онтологизации данного понятия, когда «цифровое государство» произвольно и ошибочно представляется как принципиально новый тип государственности[10]. Такая позиция создает серьезные методологические проблемы для теории государства и права, размывая границы между описанием технологических инноваций и фундаментальными трансформациями государственности. Для преодоления этих трудностей необходима терминологическая конвенция, четко разграничивающая «цифровизацию государственного управления» (допустимый термин) и «цифровое государство» (некорректная генерализация)[11].

Действительно, цифровизация государственного управления подразумевает последовательную трансформацию административных процедур, документооборота, межведомственного взаимодействия и коммуникации с гражданами на основе цифровых технологий, при этом сущностные характеристики государства остаются неизменными[12].

Важно подчеркнуть процессуальный характер понятия «цифровизация», которое отражает динамику, незавершенность и многоаспектность технологических изменений в сфере государственного управления. Это делает данный термин более точным, чем статичные конструкции вроде «цифрового государства», не явно предполагающие завершенность трансформации или возникновение принципиально нового феномена[13].

Термин «цифровизация государственного управления» также соответствует международ-

---

10. Понкин И. В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология // Государственная служба. 2021. Т. 23, № 5 (133). С. 47–52.

11. Смирнов Е. Н. Эволюция инновационного развития и предпосылки цифровизации и цифровых трансформаций мировой экономики // Вопросы инновационной экономики. 2018. Т. 8, № 4. С. 553–564; Шахновская И. В. Понятие и признаки цифрового государства // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2022. № 6. С. 134–137; Кирилловых А. А. Цифровое государство (digital state): организационно-правовые аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2022.

12. Цифровая трансформация в государственном управлении [Электронный ресурс] : коллект. моногр. / Н. Е. Дмитриева, А. Г. Санина, Е. М. Стырин и др.; под ред. Е. М. Стырина, Н. Е. Дмитриевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст. дан. (2,3 Мб). М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2023.

13. Эволюция цифрового управления в органах исполнительной власти [материалы]: (2021; Волгоград) / под ред. Т. Б. Ивановой; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021.

ному понятийному аппарату, где используются аналогичные конструкции: «digitalization of public administration», «digital transformation of government».

Терминологические конструкции «электронные государственные услуги» и «цифровые платформы государственного управления» также представляются методологически обоснованными, поскольку относятся к конкретным инструментам и механизмам реализации государственных функций, а не к сущности государства как такового[14].

«Электронные государственные услуги» обозначают особый способ предоставления публичных услуг с использованием информационно-коммуникационных технологий. Этот термин корректно отражает функциональный аспект деятельности государства и подчеркивает изменение формы взаимодействия с гражданами, принципиально важно, что услуги по своей природе остаются государственными, но меняется лишь канал их предоставления.

Понятие «цифровые платформы государственного управления» представляют собой интегрированные информационные системы, обеспечивающие реализацию управленческих процессов на основе единых технологических решений. Этот термин достаточно точно описывает технологическую логистику современного государственного управления, подчеркивая инструментальный характер цифровых платформ. Важно отметить, что платформы выступают средством реализации государственной власти, но не подменяют ее сущности[15].

Другое понятие – «цифровой суверенитет» требует дополнительно серьезного анализа, и в отличие от явно некорректной конструкции «цифровое государство», данный термин может быть методологически обоснован через расширение традиционного понимания государственного суверенитета на новое пространство социальных отношений – цифровую среду[16].

Следовательно, понятие «цифровой суверенитет» можно определить как способность государства автономно определять свою политику в отношении цифрового пространства, контролировать национальную информационную инфраструктуру и защищать данные граждан[17]. В этом контексте термин отражает не новый тип суверенитета, а расширение классического государственного суверенитета на новую сферу общественных отношений, подобно тому, как в XX веке возникли понятия «воздушный и космический суверенитет».

Важно, на наш взгляд, понимать цифровой суверенитет именно как частное проявление единого суверенитета государства[18].

Рассмотрев выше различные аспекты цифровизации в государственном управлении, логично перейти к более глубокому вопросу: как вообще понимать и описывать то цифровое пространство, в котором теперь функционирует государство? Если раньше мы говорили о конкретных терминах и процессах (электронные услуги, цифровые платформы), то теперь важно разобраться в самой природе цифровой реальности с точки зрения права. Это важно, поскольку правовое регулирование всегда опирается на определенное понимание объекта регулирования.

Семиотический анализ терминологии, описывающей цифровую сферу общественных отношений,

---

14. Уварова Г. Г. Тренды цифровой трансформации деятельности органов государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 60–64.

15. Селентьева Т. Н., Иванова М. В., Иванов М. В., Кобышева М. С. Цифровизация процессов государственного управления в Санкт-Петербурге: проблемы и перспективы // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 1 (54). С. 98–105.

16. Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право: Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215; Володенков С.В. Феномен цифрового суверенитета современного государства в условиях глобальных технологических трансформаций: содержание и особенности // Журнал политических исследований. 2020. № 4. С. 3–11.

17. Никонов В.А., Воронов А.С., Сажина В.А. и др. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216.

18. Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 4. С. 48–69.

имеет фундаментальное значение для правовой науки. Понятие «киберпространство», введенное У. Гибсоном в романе «Нейромант»[19], изначально обозначало метафорическую «коллективную галлюцинацию», но быстро мигрировало в юридический дискурс. В Стратегии кибербезопасности США (2003)[20] киберпространство определяется как «совокупность взаимосвязанных информационных инфраструктур, включая Интернет, телекоммуникационные сети, компьютерные системы, а также встроенные процессоры и контроллеры в критически важных отраслях».

В российской правовой доктрине термин «киберпространство» не получил нормативного закрепления, но активно используется в научной литературе, преимущественно в контексте информационной безопасности[21].

«Виртуальный универсум» – это созданное компьютерными технологиями цифровое пространство, которое существует параллельно физическому миру. Это совокупность всех цифровых платформ, сетей, онлайн-сервисов и приложений, где происходит взаимодействие людей, обмен информацией и осуществляется деятельность в нематериальной форме[22]. Если говорить в более широком смысле – это особая форма реальности, созданная с помощью информационных технологий, имеющая свои особенности существования, собственные правила функционирования и закономерности развития. Виртуальный универсум включает Интернет, социальные сети, онлайн-игры, виртуальную и дополненную реальность, цифровые платформы и прочие элементы цифровой среды, формирующие единое информационное пространство, доступное через электронные устройства.

Субстанциональное значение терминов «цифровая онтология», «иммерсивная цифровая среда»[23] активно разрабатывается в трудах по философии права, но практически не встречается в нормативных актах. Его сущностное содержание раскрывается через представление о цифровом бытии как особом модусе существования правовых отношений. Цифровая онтология – это философско-информационная концепция, изучающая принципы существования, структурирования и взаимодействия цифровых объектов и систем в информационном пространстве; она определяет, какими свойствами обладают цифровые сущности, как они классифицируются и какие отношения между ними возможны в цифровой среде.

Иммерсивная цифровая среда – это технологически созданное информационное пространство, которое обеспечивает глубокое психологическое и сенсорное погружение пользователя, создавая эффект присутствия и взаимодействия с виртуальными объектами через задействование нескольких органов чувств одновременно; наиболее яркими примерами таких сред являются: системы виртуальной реальности (VR), где пользователь полностью погружается в искусственный мир с помощью шлемов и контроллеров; смешанная реальность, объединяющая элементы физического и виртуального миров в интерактивном пространстве.

В российском законодательстве этот термин пока не получил закрепления, однако в Национальной

19. Гибсон У. Нейромант: Фантаст. роман / пер. с англ. Е. Летова, М. Пчелинцева. М.: Аст; СПб.: Terra Fantastica, 2000.

20. The National Strategy to Secure Cyberspace (PDF) 16. U.S. government via Department of Homeland Security февраль2003)/https://web.archive.org/web/20080212231143/http://www.dhs.gov/xlibrary/assets/National_Cyberspace_Strategy.pdf

21. Безкоровайный М.М. Кибербезопасность – подходы к определению понятия // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 1 (2). С. 22–27; Безкоровайный М.М., Татузов А.Л. Информационная безопасность в сфере образования и науки // Информатизация и связь. 2011. № 6. С. 34–39; Старовойтов А.В. Кибербезопасность как актуальная проблема современности // Информатизация и связь. 2011. № 6. С. 4–7.

22. Щербин В. Бизнес-ориентированная метавселенная // Users/aleksejalbov/Downloads/716-1508-1-SM.pdf (дата обращения: 28.07.2025).

23. Венкова А.В. Цифровые иммерсивные среды в искусстве: новый антропологический регистр // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2020. № 4 С. 649–653. URL : https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-immersivnye-sredy-v-iskusstve-novyy-antropologicheskiy-registr (дата обращения: 20.07.2025); Рыженкова В.В. Онтология цифрового мира в оптике философии медиа: от виртуального к гиперматериальному // Вестник ВГУ. Серия: Философия.2020. № 2. С. 112–117.

программе «Цифровая экономика»[24] используется близкое понятие «цифровые среды доверия», что отражает тенденцию к признанию субстанциональной специфики цифровых пространств.

Концепция «симулятивного пространства», восходящая к философии Ж. Бодрийяра[25], находит отражение в современной теории права. В.В. Архипов развивает понятие «семантических пределов права» применительно к симулятивным пространствам[26].

Концепт «виртуальной ноосферы», развивающий идеи В.И. Вернадского в цифровом контексте, получает теоретико-правовое осмысление в работах современных ученых[27]. В международном праве этот подход отражен в документах ЮНЕСКО, в частности, в «Хартии о сохранении цифрового наследия» (2003), где цифровое пространство рассматривается как часть общечеловеческого интеллектуального достояния[28].

Нормативное закрепление элементов концепции «виртуальной ноосферы» можно обнаружить в Стратегии развития информационного общества РФ, где говорится о «формировании информационного пространства знаний».

Проведенный анализ терминологии в сфере цифровизации государственного управления позволяет сформулировать ряд практических рекомендаций для формирования точного языка описания данных процессов.

Необходимо последовательно разграничивать термины, описывающие инструментальные аспекты цифровизации («электронные услуги», «цифровые платформы») и понятия, затрагивающие сущностные характеристики государства. Использование конструкций «цифровое государство» или «электронное правительство» допустимо лишь как условных обозначений, но не как строгих научных категорий.

При разработке нормативных правовых актов следует внедрять глоссарии и терминологические разделы, четко определяющие значение используемых цифровых понятий в конкретном контексте. Это особенно важно для таких многозначных терминов как «цифровая платформа» или «цифровой суверенитет».

Кроме того, следует избегать необоснованного заимствования маркетинговых терминов («государство как платформа», «правительство как сервис») без их адаптации к юридическому языку и традиции государственного управления. При переводе зарубежных нормативных документов и научных работ рекомендуется сопровождать ключевые термины указанием оригинального понятия для исключения смысловых искажений (например, «digital governance» и «e-government» часто переводятся одинаково, хотя имеют разное содержание).

Поэтому, целесообразно при изучении цифровых трансформаций права и государства применять междисциплинарный подход, сочетающий юридические методы с элементами информатики, социологии и философии техники. Это позволит избежать как чрезмерно технократического, так и излишне формально-юридического взгляда на проблему.

В научных исследованиях целесообразно четко разграничивать уровни анализа: технологический (особенности работы конкретных цифровых решений), институциональный (изменения в организации государственного управления) и ценностно-

24. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL : https://digital.gov.ru/target/naczionalnaya-programma-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii (дата обращения: 27.07.2025).

25. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция = Simulacres et simulation : [ориг. изд. 1981] / пер. О. А. Печенкина (2008). Тула: Тульский полиграфист, 2013.

26. Архипов В.В. Действие правовых норм в цифровом медиапространстве и семантические пределы права // Правоведение. 2019. Т. 63, № 1. С. 8–27; Архипов В. В. Интернет-право: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025.

27. Яшин А.А. Феноменология ноосферы: Отсчет биоэволюционного времени: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 14 / Предисл. А. И. Субетто. Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2017; Яшин А.А. Живая материя и феноменология ноосферы. К 160-летию великого русского и советского ученого, создателя учения о ноосфере, академика Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945) // Вестник новых медицинских технологий. 2023. №4. С. 146–152.

28. Хартия о сохранении цифрового наследия // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/digital_charter.pdf (дата обращения: 23.07.2025).

нормативный (трансформация правовых принципов и ценностей)[29].

При формулировании исследовательских гипотез важно избегать технологического детерминизма, предполагающего неизбежность определенных социально-правовых изменений под влиянием технологий, и учитывать, что цифровые технологии создают возможности, но направление их использования определяется политико-правовым выбором общества.

В целом, развитие понятийного аппарата теории права в условиях цифровизации должно основываться на принципе преемственности, сохраняя связь с классическими правовыми категориями, но одновременно обеспечивая возможность адекватного описания новых феноменов. Это требует не столько революционной смены терминологии, сколько ее эволюционного развития с сохранением концептуального ядра юридической науки.

## БИБЛИОГРАФИЯ


1. Антология мировой философии, в 4-х т. Т. 1–4. М.: «Мысль», 1969–1972 (АН СССР. Ин-т философии. Философ, наследие). Т. 4. 936 с.
2. Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. М.: «Мысль», 1976. 552 с.
3. Архипов В.В. Действие правовых норм в цифровом медиапространстве и семантические пределы права // Правоведение. 2019. Т. 63, № 1. С. 8–27.
4. Архипов В.В. Интернет-право: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 254 с.
5. Безкоровайный М.М. Кибербезопасность - подходы к определению понятия // Вопросы кибербезопасности/ 2014/ № 1 (2). С. 22–27;
6. Безкоровайный М. М., Татузов А. Л. Информационная безопасность в сфере образования и науки // Информатизация и связь. 2011. № 6. С. 34–39.
7. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция = Simulacres et simulation: [ориг. изд. 1981] / пер. О. А. Печенкина (2008). Тула: Тульский полиграфист, 2013. 240 с.
8. Васильев В. В. Подвалы кантовской метафизики: (дедукция категорий). М.: Наследие, 1998. 160 с.
9. Венкова А.В. Цифровые иммерсивные среды в искусстве: новый антропологический регистр // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2020. № 4. С. 649–653.
10. Володенков С.В. Феномен цифрового суверенитета современного государства в условиях глобальных технологических трансформаций: содержание и особенности // Журнал политических исследований. 2020. № 4. С. 3–11.
11. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: «Мысль», 1974. 452 с.
12. Гибсон У. Нейромант: Фантаст.роман / Пер. с англ. Е. Летова, М. Пчелинцева. М.: Аст; СПб.: Terra Fantastica, 2000. 320 с.
13. Джордано Д.О., Понявина М.Б. Электронное правительство и цифровое государство // Вести научных достижений. Бухгалтерский учет, анализ и аудит. 2020. № 2. С. 74–80.
14. Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право: Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.
15. Золаев Э.А. Цифровое государство как новый этап развития общества // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 5. С. 1583–1594.
16. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 69–756.
17. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 381–382.
18. Кирилловых А. А. Цифровое государство (digital state): организационно-правовые аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 184 с.
19. Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 4. С. 48–69.
20. Назаренко Т.С., Новикова И.С. Цифровая трансформация государственного управления как стратегическое общественное благо // Стратегирование: теория и практика. 2023 Т. 3 № 2. С. 140–157.
21. Никонов В.А., Воронов А.С., Сажина В.А. и др. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216.
22. Понкин И. В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология // Государственная служба. 2021. Т. 23, № 5 (133). С. 47–52.
23. Рыженкова В.В. Онтология цифрового мира в оптике философии медиа: от виртуального к гиперматериальному // Вестник ВГУ. Серия: Философия. № 2. 2020. С. 112–117.


29. Назаренко Т. С., Новикова И. С. Цифровая трансформация государственного управления как стратегическое общественное благо // Стратегирование: теория и практика. 2023. Т. 3 № 2. С. 140–157.

24. Селентьева Т. Н., Иванова М. В., Иванов М. В., Кобышева М. С. Цифровизация процессов государственного управления в Санкт-Петербурге: проблемы и перспективы // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 1 (54). С. 98–105.

25. Смирнов Е. Н. Эволюция инновационного развития и предпосылки цифровизации и цифровых трансформаций мировой экономики // Вопросы инновационной экономики. 2018. Т. 8, № 4. С. 553–564.

26. Старовойтов А. В. Кибербезопасность как актуальная проблема современности // Информатизация и связь. 2011. № 6. С. 4–7.

27. Уварова Г. Г. Тренды цифровой трансформации деятельности органов государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 60–64.

28. Философская и социологическая мысль народов СССР XIX в. [ред. коллегия: В.В. Богатов, Ш.Ф. Мамедов (ред.-составители четвертого тома и авторы вступит, статьи) и др.]. М.: Мысль, 1972. 708 с.

29. Цифровая трансформация в государственном управлении [Электронный ресурс]: коллект. моногр. / Н. Е. Дмитриева, А. Г. Санина, Е. М. Стырин и др.; под ред. Е. М. Стырина, Н. Е. Дмитриевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2023. 18 с.

30. Шахновская И. В. Понятие и признаки цифрового государства // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2022. № 6. С. 134–137.

31. Эволюция цифрового управления в органах исполнительной власти [материалы]: (2021; Волгоград) / под ред. Т. Б. Ивановой; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. 152с.

32. Яшин А.А. Феноменология ноосферы. Предтеча ноосферы. Ч. 2: Мышление и виртуальная реальность / предисл. В. Г. Зилова. М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2010. 280 с.

33. Яшин А.А. Живая материя и феноменология ноосферы. К 160-летию великого русского и советского учёного, создателя учения о ноосфере, академика Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945) // Вестник новых медицинских технологий. 2023. № 4. С. 146–152.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Antologija mirovoj filosofii, v 4-h t. T. 1–4. M.: «Mysl'«, 1969–1972. (AN SSSR. In-t filosofii. Filosof, nasledie). T. 4. 936 s.

2. Aristotel'. Sochinenija v chetyrjoh tomah. T. 1. Red. V. F. Asmus. M.: «Mysl'«, 1976. 552 s.

3. Arhipov V.V. Dejstvie pravovyh norm v cifrovom mediaprostranstve i semanticheskie predely prava // Pravovedenie. 2019. T. 63, № 1. S. 8–27.

4. Arhipov V.V. Internet-pravo: uchebnik dlja vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Izdatel'stvo Jurajt, 2025. 254 s.

5. Bezkorovajnyj M.M. Kiberbezopasnost' - podhody k opredeleniju ponjatija // Voprosy kiberbezopasnosti №1 (2) – 2014. S. 22–27;

6. Bezkorovajnyj M. M., Tatuzov A. L. Informacionnaja bezopasnost' v sfere obrazovanija i nauki // Informatizacija i svjaz'. 2011. №. 6. S. 34–39.

7. Bodijar Zh. Simuljakry i simuljacija = Simulacres et simulation: [orig. izd. 1981] / per. O. A. Pechenkina (2008). Tula: Tul'skij poligrafist, 2013. 240 s.

8. Vasil'ev V. V. Podvaly kantovskoj metafiziki: (dedukcija kategorij). M.: Nasledie, 1998. 160 s.

9. Venkova A.V. Cifrovye immersivnye sredy v iskusstve: novyj antropologicheskij registr // Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva. №, 2020. №4. S. 649–653.

10. Volodenkov S.V. Fenomen cifrovogo suvereniteta sovremennogo gosudarstva v uslovijah global'nyh tehnologicheskih transformacij: soderzhanie i osobennosti // Zhurnal politicheskih issledovanij. 2020. № 4. S. 3-11.

11. Gegel' G.V.F. Jenciklopedija filosofskih nauk. T. 1. Nauka logiki. M.: «Mysl'«, 1974. 452 s.

12. Gibson U. Nejromant: Fantast.roman / Per. s angl. E. Letova, M. Pchelinceva. M.: Ast; SPb.: Terra Fantastica, 2000. 320 s.

13. Dzhordano D.O., Ponjavina M.B. Jelektronnoe pravitel'stvo i cifrovoe gosudarstvo // Vesti nauchnyh dostizhenij. Buhgalterskij uchet, analiz i audit. 2020. № 2. S. 74–80.

14. Efremov A.A. Formirovanie koncepcii informacionnogo suvereniteta gosudarstva // Pravo: Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2017. № 1. C. 201–215.

15. Zolaev Je.A. Cifrovoe gosudarstvo kak novyj jetap razvitija obshhestva // Kreativnaja jekonomika. 2021. T. 15, № 5. S. 1583–1594.

16. Kant I. Kritika chistogo razuma // Soch.: v 6 t. M.: Mysl', 1964. T. 3. S. 69–756.

17. Kant I. O forme i principah chuvstvenno vosprinimaemogo i umopostigaemogo mira // Soch.: v 6 t. M.: Mysl', 1964. T. 2. S. 381–382.

18. Kirillovyh A. A. Cifrovoe gosudarstvo (digital state): organizacionno-pravovye aspekty: monografija. M.: Jurlitinform, 2022. 184 s.

19. Kutjur S., Toupin S. Chto oznachaet ponjatie «suverenitet» v cifrovom mire? // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. 2020. T. 15. № 4. S. 48–69.

20. Nazarenko T.S., Novikova I.S. Cifrovaja transformacija gosudarstvennogo upravlenija kak strategicheskoe obshhestvennoe blago // Strategirovanie: teorija i praktika. 2023 T. 3 № 2. S. 140–157.

21. Nikonov V.A., Voronov A.S., Sazhina V.A. i dr. Cifrovoj suverenitet sovremennogo gosudarstva: soderzhanie i strukturnye komponenty (po materialam jekspertnogo issledovanija) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. 2021. № 60. S. 206–216.

22. Ponkin I. V. Koncept cifrovogo gosudarstva: ponjatie, priroda, struktura i ontologija // Gosudarstvennaja sluzhba. 2021. T. 23, № 5 (133). S. 47–52.

23. Ryzhenkova V.V. Ontologija cifrovogo mira v optike filosofii media: ot virtual'nogo k gipermaterial'nomu // Vestnik VGU. Serija: Filosofija. № 2. 2020. S.112–117.

24. Selent'eva T. N., Ivanova M. V., Ivanov M. V., Kobysheva M. S. Cifrovizacija processov gosudarstvennogo upravlenija v Sankt-Peterburge: problemy i perspektivy // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2021. № 1 (54). S. 98–105.

25. Smirnov E. N. Jevoljucija innovacionnogo razvitija i predposylki cifrovizacii i cifrovyh transformacij mirovoj jekonomiki // Voprosy innovacionnoj jekonomiki. 2018. T. 8, № 4. S. 553–564.

26. Starovojtov A. V. Kiberbezopasnost' kak aktual'naja problema sovremennosti // Informatizacija i svjaz'. 2011. №. 6. S. 4–7.

27. Uvarova G. G. Trendy cifrovoj transformacii dejatel'nosti organov gosudarstvennogo upravlenija // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2021. № 4. S. 60–64.

28. Filosofskaja i sociologicheskaja mysl' narodov SSSR XIX v. [Red. kollegija: V.V. Bogatov, Ill.F. Mamedov (red.-sostaviteli chetvertogo toma i avtory vstupit, stat'i) i dr.]. M.: Mysl', 1972. 708 s.

29. Cifrovaja transformacija v gosudarstvennom upravlenii [Jelektronnyj resurs]: kollekt. monogr. / N. E. Dmitrieva, A. G. Sanina, E. M. Styrin i dr.; pod red. E. M. Styrina, N. E. Dmitrievoj; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». M.: Izd. Dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2023. 18 s.

30. Shahnovskaja I. V. Ponjatie i priznaki cifrovogo gosudarstva // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Serija D: Jekonomicheskie i juridicheskie nauki. 2022. № 6. S. 134–137;

31. Jevoljucija cifrovogo upravlenija v organah ispolnitel'noj vlasti [materialy]: (2021; Volgograd) / pod red. T. B. Ivanovoj; Volgogradskij institut upravlenija – filial FGBOU VO «Rossijskaja akademija narodnogo hozjajstva i gosudarstvennoj sluzhby». Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo instituta upravlenija – filiala RANHiGS, 2021. 152 s.

32. Jashin A.A. Fenomenologija noosfery. Predtecha noosfery. Ch. 2: Myshlenie i virtual'naja real'nost' / Predisl. V. G. Zilova. M.: Izd-vo LKI/URSS, 2010. 280 s.

33. Jashin A.A. Zhivaja materija i fenomenologija noosfery. K 160-letiju velikogo russkogo i sovetskogo uchenogo, sozdatelja uchenija o noosfere, akademika Vladimira Ivanovicha Vernadskogo (1863–1945) // Vestnik novyh medicinskih tehnologij. 2023. № 4. S. 146–152.

А.В. АХМАТОВ, А.Н. АКИМОВА

# К вопросу о правовой теории Юргена Хабермаса

**АННОТАЦИЯ**. В статье предпринимается попытка исследования учения о праве Ю. Хабермаса в контексте социологического подхода к праву. Освещаются основы теории коммуникативного действия Хабермаса и его взгляды на легитимность и демократию. Отмечается, что любая социальная коммуникация оказывает огромное влияние на любую правовую деятельность и создаёт разные коммуникативные уровни правовой материи. Авторами сформулировано собственное понятие правовой коммуникации как сложной системы обмена юридической информацией между субъектами права, направленной на достижение социальных целей в форме правовой деятельности, предполагающей следующую процедуру на уровне правового общения: возникновение потребности в достижении социального результата правовыми средствами; оценка возможности достижения результата с помощью обмена правовой информацией; достижение цели путём получения адресатом правовой информации и правильная ее интерпретация.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: Юрген Хабермас, право, социология права, социальная коммуникация, демократия.

**АХМАТОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права АНО ВО «Российский университет адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева»(e-mail: Ahmatov@bk.ru).
**АКИМОВА АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА** – заместитель директора Государственного казенного учреждения города Москвы «Управление дорожно-мостового строительства» (e-mail: ancient16wisdom@gmail.com).

В настоящее время научный дискурс в сфере проблем юридической науки развивается в условиях всемирной активной трансформации всех её главных вопросов, которые она изучает. Такие общемировые процессы, как глобализация; развитие информационных технологий (повлёкшей за собой тотальную цифровизацию права на фоне возрастания потребности в деятельности искусственного интеллекта во всех сферах социальной деятельности); усиление одновременно и взаимозависимости, и конфликтности между государствами на фоне роста геополитического и геоэкономического влияния стран Глобального Юга (Китай, Индия, ОАЭ и др.) как антипода Глобального Севера (страны Европы и Северной Америки, Япония, Израиль и др.); появление миллионов беженцев и мигрантов в результате постоянных региональных войн и т.п. в начале второй четверти XXI в. с новой силой в центр научных исследований ставят вопрос о необходимости разработки оригинальных концепций в сфере общей теории права, которые будут способны объяснить и преодолеть бесчисленные патологии социальных изменений, характерные для современного этапа развития общества.

Очевидно, что подход, при котором государство и право рассматриваются с позиции юридической догматики, уже исчерпал себя в научном плане, т.к. такой подход не способен в сложившейся ситуации обрести общественный консенсус по восприятию правовых феноменов на фоне игнорирования некоторыми развитыми (индустриальными) странами норм международного права. С учётом того, что постклассический этап развития современной науки предполагает переоценку оснований всего современного общества, в т.ч. институтов государства и права[1], такой концепцией, способной создать эффективный методологический инструментарий для концептуализации права, является учение коммуникативного действия Юргена Хабермаса, отражающее актуальное состояние философской рефлексии правовой материи.

Как известно, Ю. Хабермас (род. 1929 г.) один из самых влиятельных и известных немецких мыслителей в сфере социальной философии

1. См.: Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2. С. 5–6.

и философии права второй половины XX – начала XXI в., яркий представитель Франкфуртской школы. В своей фундаментальной работе «Теория коммуникативного действия» (1981 г.) он предложил концепцию, предполагающей интегративное восприятие и объяснений всей социальной реальности, а правовые его идеи можно найти в работе «Фактичность и значимость» (1992 год). Предлагаемая им коммуникативная модель, обозначившая новую методологическую остроту в связи с решением злободневных проблем государства и права в постоянно меняющихся исторических условиях, ориентируется на переоценку и пересмотр основополагающего понятия рациональности и критической оценки всей социальной организации. Хабермас определял коммуникативное действие как таковое, которое ориентировано на достижение взаимопонимания и согласия между людьми[2], в т.ч. в сфере государства и права. В связи с этим основной целью настоящей работы является обозначение возможного вектора применения учения Ю. Хабермаса в сфере правовой науки.

Одной из базовых составляющих теории коммуникативного действия Хабермаса является то, что он противопоставлял объективное и социальное, ибо рядом с объективным миром существующего положения вещей, в его понимании, имеется «социальный мир», состоящий из «нормативного контекста»[3], который наряду с этическими и моральными нормами предполагает в т.ч. наличие права как одного из социальных регуляторов. Адекватное восприятие теории коммуникации Хабермаса возможна на базе осознания взаимосвязи и взаимообусловленности категорий «взаимопонимание» и «рациональность». Напомним, что в конце XIX в. в разных направлениях научного знания появляется все возрастающий интерес к исследованию разнообразного социального поведения и, соответственно, механизмов, создающих основания для эффективной адаптации людей друг к другу, то есть к фундаментальной социальной способности людей коммуницировать, предполагающей наличие минимум двух субъектов коммуникации, передающих один другому разнообразную информацию: коммуниканта и реципиента. Это нашло своё выражение в т.ч. и в формировании социологии и психологии как самостоятельных наук.

В западной науке можно обозначить следующие базовые теории, объясняющие процессы социальных коммуникаций: 1) функционализм (Т. Парсонс и др.), основанный на интерпретации прежде всего функций социального феномена на базе идеи целостности и интеграции элементов любой социальной системы; 2) интеракционизм (Э. Гофман и др.), концентрирующий своё внимание на взаимодействии между индивидами и группами, в ходе которых формируются и видоизменяются стабильные социальные структуры. Нам представляется возможным опираться на позицию исследователей, согласно которой коммуникативная рациональность как важная составляющая теории коммуникативного действия Хабермаса всегда предполагает совокупность условий коммуникации, обеспечивающих достижение взаимопонимания между людьми как субъектами социальной деятельности[4]. Основу социального единства Хабермас видел коммуникацию, которая создаёт единое волеизъявление (договорённость), воплощаемое в народном суверенитете[5].

Ю. Хабермас усматривал в появлении деструктивных социальных явлений, прежде всего, следствие, кризиса режима легитимности государственной власти и снижения уровня эффективности правового регулирования. Для предотвращения этого Хабермас предлагает меры для развития правовой сферы общества, основанные на идеях его дискурсивной теории пра-

2. См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 12.

3. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М., 2022. С. 111.

4. Твардовский Д.В. Концепция коммуникативной рациональности в трудах Ю. Хабермаса. Автореф. дисс. … канд. философ. Наук. М., 2007. С. 14–15.

5. См.: Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб., 2008. С. 107–116, 187–188.

ва, согласно которой нормы права создаются по «принципу дискурса», предполагающего наличие высокого уровня социальных коммуникаций, в связи с чем право всегда опосредовано коммуникативными действиями[6]. В понимании Хабермаса современное право представляет из себя форму посттрадиционных структур сознания, а «система права – это жизненный порядок, подчиняющийся формам морально-практической рациональности»[7]. Легитимность любой нормы права напрямую зависит от организации процедуры правотворчества, от применяемых законодателем процедур как обсуждения, так принятия законодательных актов. Хабермас писал: «право «в субъективном смысле» является легитимным само по себе, поскольку, начиная с неприкосновенности личности, оно должно гарантировать «область независимого правления» (Herrschajt) для свободного осуществления индивидуальной воли»[8]. Развитие рациональности и легитимности принимаемых нормативных правовых актов связано с формированием Хабермасом т.н. «процедуральной» правовой парадигмы, согласно которой легитимны только те нормы действия, с которыми в рациональном дискурсе могли бы согласиться все те, кто испытает на себе последствия принятия данных норм[9]. Предложенная им парадигма непосредственно связана в т.ч. с развитием демократических процедур. Господствующим типам либеральной и республиканской демократии Хабермас противопоставляет своё видение т.н. делиберативной демократии, предполагающей систему свободных и равных личностей, независимо определяющих формы своей социальной активности. Основу делиберативной демократии составляет коммуникативный дискурс, основанный на процедурах обсуждения и принятия решений. Именно социальная коммуникация в многочисленных формах способна уравновесить интересы и ценности социальных субъектов, находящихся в противостоянии. Хабермас считал, что консенсус между сторонами при наличии конфликта возможен, если каждая из них признает силу аргументов другой стороны, что требует равенства участников и возможности свободного обмена мнениями. Интерпретация включает широкий контекст правовых и социальных норм, что соответствует идеям Хабермаса о необходимости учитывать жизненный мир участников коммуникации. Благодаря многообразию форм социальных коммуникаций, где достигается баланс социальных интересов и социального компромисса[10].

Центральной процедурой применительно к праву Хабермас считает необходимость совпадения авторов и адресатов норм права, а отступление от этого влечёт утрату правом своей идентичности. В этой связи развивая «процедуральную» правовую парадигму, Хабермас видит её следующие составляющие: 1) неприкосновенность прав личности; 2) легитимность; 3) политическая активность индивидов; 4) делиберативные демократические процедуры[11].

Завершая краткий конспективный обзор базовых, на наш взгляд, правовых идей Хабермаса, можно отметить, что его рассуждения объединены общей исследовательской линией, которая напрямую связана с социологическим восприятием права, оказывающего решающее влияние на реализацию любых социальных коммуникативных процессов с позиции государственного регулирования отношений между людьми. На этом основании, а также учитывая высокую значимость межнаучных трансляций

6. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 204.

7. Хабермас Ю. Рационализация права и диагноз современности // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 140, 145.

8. Habermas J. Between Facts and Norms. Cambridge, 1996. P. 85.

9. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 205.

10. Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. М., 2001. С. 391.

11. Глебова В.К. Концепция права Юргена Хабермаса. Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2020. С. 13–14.

результатов исследований как механизма развития и прогресса любой науки[12], в методологическом плане развитие идей Ю. Хабермаса в проблемном поле правовой науки нами видится в форме экстраполяции его концепции на социологию права. Так, И.Л. Честнов утверждает, что междисциплинарность «является сегодня главным поставщиком нового знания...»[13].

Напомним, что социология права получила большое распространение как в западной (О. Эрлих, Р. Иеринг, Л. Дюги, Г. Канторович, Р. Паунд, К.Н. Ллевеллин и др.), так и в отечественной правовой науке (М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов и др.). Современный исследователь социологии права В.Н. Жуков доказал комплексный и междисциплинарный характер социологии права, а также то, что социологическое рассмотрение институтов государства и права предполагает необходимость доминирования методологического плюрализма (т.е. осознания односторонности любой методологии) взглядов на общество и право[14]. Взаимосвязь теории коммуникативного действия Хабермаса, его «процедуральной» правовой парадигмы с социологией права обусловлено тем фактом, согласно которому любая теория в сфере права будет себя попирать и обесценивать, если будет пытаться объяснять бытие права независимо от социальной деятельности человека, представляющей из себя сложную систему, обладающей собственными закономерностями развития. Прежде всего социология права (которая акцентирует внимание на приоритете поведения людей и групп людей в условиях постоянной динамики правоотношений, рассматривает обратный процесс влияния социальных изменений на право, на эффективность законодательства) позволяет говорить о праве как о реальном, а не метафизическом феномене, позволяет выйти за пределы юридической догматики.

Итак, учитывая, что в социологии права общество определяется как коммуникативная система, а право видится как универсальное средство социальной коммуникации (Н. Луман и др.), а современные теоретики права развивают коммуникативный аспект права (А.В. Поляков[15] и др.), то уместно констатировать, что в таком контексте право связано с реальными жизненными процессами, находящие своё выражение в правоотношениях, и всегда предшествует умозрительным правовым конструкциям любого рода. Правоприменительная и правотворческая деятельность всегда зависит от той социокультурной среды, на удовлетворение интересов которой она направлена.

Актуальность учения Хабермаса применительно к исследованию правовой материи состоит в том, что любая социальная коммуникация оказывает огромное влияние на правовую деятельность и создаёт коммуникативные уровни в виде отраслей права, отражающие различные формы коммуникативного взаимодействия. В таком контексте социальная коммуникация субъектов права является первоисточником самого права, создаёт потребность в правовом регулировании, которое позднее формально закрепляется публичной властью.

У Хабермаса сочетаются категории одновременно как социологического порядка, так и собственно коммуникативного свойства социальных процессов, в т.ч. в сфере права. В нашем понимании, рациональность и легитимность в контексте теории коммуникативного действия Хабермаса применительно к социологическому подходу к праву находит своё выражение в понятии правовая коммуникация, под которой мы понимаем сложную систему обмена юридической информацией между субъектами права, направленную на достижение социальных целей в форме правовой деятельности, предполагающую следующую

12. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 218.

13. Честнов И. Л. Имеет ли право на существование постклассическая юриспруденция? // Правоведение. 2012. № 5. С. 19.

14. См.: Жуков В.Н. Философия и социология права: опыт плюралистического подхода. М., 2013.

15. См.: Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб., 2003.

процедуру на уровне правового общения: возникновение потребности в достижении социального результата правовыми средствами; оценка возможности достижения результата с помощью обмена правовой информацией; достижение цели путём получения адресатом правовой информации и правильная её интерпретация.

Цель правовой коммуникации как системы – упорядочивание социальных отношений для достижения делиберативной демократии на базе режима легитимности, предотвращение и устранение любых социальных конфликтов правовыми средствами и юридической терминологией («языком закона»).

Эвристический потенциал развития правовых воззрений Хабермаса связан в т.ч. с герменевтической проблемой языка, основанной на диалогической форме социальной коммуникации, концепциями «освоения жизненного мира» и социального действия, которые применительно к социологии права ждут своих исследователей.

## БИБЛИОГРАФИЯ


1. Волков А. В. Лаборатория как место и форма научно-познавательной деятельности // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 80–88.
2. Глебова В. К. Концепция права Юргена Хабермаса. Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2020. 30 с.
3. Жуков В. Н. Философия и социология права: опыт плюралистического подхода. М.: Юрлитинформ, 2013. 283 с.
4. Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход: Курс лекций. 2-е изд., доп. СПб.:Юрид. центр Пресс, 2003. 843 с.
5. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманит.ун-та, 2001. 264 с.
6. Твардовский Д. В. Концепция коммуникативной рациональности в трудах Ю. Хабермаса: автореф. дисс. … канд. философ. наук. М., 2007. 22 с.
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С.В. Шачин, под ред. Д.В. Скляднева, послесл. Б.В. Марков. СПб.: Наука, 2001. 380 с.
8. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности.Том 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Том 2. К критике функционалистского разума / пер. с нем. А. К. Судакова. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. 880 с.
9. Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. пер. с нем. Ю. С. Медведева ; под ред. Д. В. Скляднева. Изд. 2-е, стер. Санкт-Петербург: Наука, 2008. 415 с.
10. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность.М.: Academia, 1995. 244 с.
11. Хабермас Ю. Рационализация права и диагноз современности // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. 131–153.
12. Честнов И. Л. Имеет ли право на существование постклассическая юриспруденция? // Правоведение. 2012. № 5(304). С. 9–27.
13. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2(241). С. 4–16.
14. Habermas J. Between Facts and Norms. Cambridge, 1996. P. 571–593.


## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ


1. Volkov A. V. Laboratorija kak mesto i forma nauchno-poznavatel'noj dejatel'nosti // Voprosy filosofii. 2010. № 6. S. 80–88.
2. Glebova V.K. Koncepcija prava Jurgena Habermasa. Avtoref. diss. … kand. jurid. nauk. Voronezh, 2020. 30 s.
3. Zhukov V.N. Filosofija i sociologija prava: opyt pljuralisticheskogo podhoda. M.: Jurlitinform, 2013. 283 s.
4. Poljakov A.V. Obshhaja teorija prava: fenomenologo-kommunikativnyj podhod: Kurs lekcij. 2-e izd., dop. SPb.: Jurid. centr Press, 2003. 843 s.
5. Tarasov N.N. Metodologicheskie problemy juridicheskoj nauki. Ekaterinburg: Izd-vo Gumanit.un-ta, 2001. 264 s.
6. Tvardovskij D.V. Koncepcija kommunikativnoj racional'nosti v trudah Ju. Habermasa: avtoref. diss. … kand. filosof. nauk. M., 2007. 22 s.
7. Habermas Ju. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie / Per. s nem. S.V. Shachin, pod red. D.V. Skljadneva. Poslesl. B.V. Markov. SPb.: Nauka, 2001. 380 s.
8. Habermas Ju. Teorija kommunikativnoj dejatel'nosti. Tom 1. Racional'nost' dejstvija i social'naja racionalizacija; Tom 2. K kritike funkcionalistskogo razuma / per. s nem. A.K. Sudakova. Moskva: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2022. 880 s.
9. Habermas Ju. Vovlechenie drugogo: ocherki politicheskoj teorii. per. s nem. Ju. S. Medvedeva ; pod red. D. V. Skljadneva. Izd. 2-e, ster. Sankt-Peterburg: Nauka, 2008. 415 s.
10. Habermas Ju. Demokratija. Razum. Nravstvennost'. M.: Academia, 1995. 244 s.
11. Habermas Ju. Racionalizacija prava i diagnoz sovremennosti // Sociologicheskoe obozrenie. 2011. T. 10. № 3. P. 131–153.
12. Chestnov I. L. Imeet li pravo na sushhestvovanie postklassicheskaja jurisprudencija? // Pravovedenie. 2012. № 5(304). S. 9–27.
13. Chestnov I.L. Pravoponimanie v jepohu postmoderna // Pravovedenie. 2002. № 2(241). S. 4–16.

Г.Г. ГОЛЬДИН, Л.О. ТЕРНОВАЯ

# Языковые права человека в современном мире

**АННОТАЦИЯ**. Статья посвящена одному из самых ценных и одновременно хрупких достояний человечества – его языковому многообразию. Проблема сокращения числа живых языков является не менее острой, чем проблема изменения климата. Однако до настоящего времени ни на уровне мирового сообщества, ни на региональных и национальных уровнях не целостной картины языковых прав и эффективной модели их защиты.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: права человека, языковые права, языковая политика, свобода слова, Международный день родного языка, лингвистическая экология, язык меньшинства.

**ГОЛЬДИН ГЕННАДИЙ ГЛЕБОВИЧ** – доктор политических наук, Почетный адвокат РФ, профессор, профессор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева (РУАН) (e-mail: avocats@yandex.ru);
**ТЕРНОВАЯ ЛЮДМИЛА ОЛЕГОВНА** – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ) (e-mail: 89166272569@mail.ru)

Международный день родного языка отмечается ежегодно 21 февраля, начиная с 2000 г. Цель этого дня, учреждённого решением 30-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в ноябре 1999 г., обозначена как защита языкового и культурного многообразия. С датой 21 февраля эту проблематику связывают события 1952 г., когда полицейские Пакистана расправились с участниками акции, выступавшими за государственный статус бенгальского языка. Протестующие из восточного Пакистана, который в 1971 г. станет государством Бангладеш, представляли политической «Языковое движение» (бенг. ভাষা আন্দোলন; бхаша андолон).

В мире и сейчас сохраняются весомые основания для выражения обеспокоенности состоянием языкового разнообразия. По данным ЮНЕСКО, из шести тысяч языков человечества половина находится под угрозой исчезновения. Известно несколько критериев, позволяющих считать язык живым. Основной из них состоит в том, чтобы круг лиц, постоянно общающихся на этом языке, был не меньше ста человек. Угрозы языковому разнообразию затронули и Россию. В настоящее время в стране сохраняется 155 живых языков. Однако за период после распада СССР на российской территории «заснули» или полностью исчезли пятнадцать языков. Последним из них был алеутский, поскольку в 2021 г. умер единственный остававшийся в живых носитель этого языка.

Можно ли предвидеть исчезновение языка? Для анализа этого процесса специалисты предлагают фиксировать ряд стадий. На первой из них язык характеризуется прерывающимся состоянием, при котором его передача от родителей к детям ограничена лишь территорией, где проживают носители языка. Затем язык может перейти в состояние прерванного, при котором владение им уже не передается от старших поколений к младшим. При отсутствии регулярной коммуникации на языке он превращается в засыпающий. И если его оставшиеся активные носители ушли из жизни в XXI столетии, то такой язык называют заснувшим. Однако если все они умерли ещё в прошлом веке, то язык уже считается исчезнувшим.

В настоящее время в России «засыпают» четырнадцать. Это такие языки, как: кур-урмийский (Хабаровский край), караимский и крымчакский (Крым), тофаларский (Иркутская область), водский и ижорский (Ленинградская область), бабинско-саамский, йоканьгско-саамский и скольтско-саамский (Мурманская область), тундровый энецкий и южноселькупский (Красноярский край), ительменский (Камчатка), алеутско-медновский

(Командорский архипелаг), южноюкагирский (Республика Саха и Магаданская область)[1]. Эта картина воспринимается особенно печально потому, что её можно переписать. В детских садах половины регионов Российской Федерации имеются возможности для изучения родных языков. А в школах более трёх миллионов обучающихся могут изучать свыше семидесяти родных языков. 25 октября 1991 г. был принят Закон «О языках народов Российской Федерации»[2]. Сложившаяся к настоящему времени практика правового регулирования использования всех языков народов России позволяет достаточно успешно разрешать разнообразные языковые споры[3].

Такие споры характерны для многих государств. А для их преодоления не только важно поддерживать высокий уровень лингвистической культуры социума, а необходимо, чтобы каждый человек в полной мере осознавал свои лингвистические права[4]. В первую очередь под ними подразумевается право выбирать язык индивидуального и коллективного общения в частной или публичной обстановке. Это означает свободу применения родного языка в образовании, средствах массовой информации, а также в административной, правовой и судебной практике. Диапазон свободы общения на родном языке может измеряться масштабом территории, степенью открытости и позитивности, ориентацией общения на ассимиляцию или поддержание лингвистического своеобразия. Поскольку невозможно представить эти права вне более широкого социокультурного контента, то в международном праве они, как правило, рассматриваются в рамках проблематики культурных и образовательных прав[5].

Международным сообществом выработан ряд документов, касающихся языковых прав. Это: Всеобщая декларация прав человека (1948), Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (1960), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (1988), Конвенция о правах ребёнка (1989), Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (1992) и Всеобщая декларация языковых прав (1996). Данная правовая сфера постоянно расширятся и в силу необходимости защиты исчезающих языков, и в связи с изменением роли языка в усложняющийся системе глобальных коммуникаций.

Несмотря на то, что язык изначально был наиглавнейшим средством общения, а также на то, что постоянно возникали проблемы, касающиеся владения своим и чужими языками и понимания передаваемых с их помощью смыслов, вопрос о выделении лингвистических прав долгое время не поднимался. Также почти не было попыток выявить и законодательно ограничить лингвистическую дискриминацию. Пожалуй, единственным средневековым примером в этой области было распоряжение пятого халифа Омейядского халифата Абуль-Валида Абдул-Малика ибн Марван аль-Умайя (646–705)

1. Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / С.В. Соколовский, Е.И. Филиппова, И.Л. Бабич, М.Ю. Мартынова, А.А. Плеханов, Б.А. Синанов, В.А. Тишков, Х.М. Акбаев, С.В. Галактионов, О.А. Подлесных, К.Г. Шаховцо; отв. ред. Е.И. Филиппова и С.В. Соколовский. М.: Горячая Линия – Телеком, 2022.

2. Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 12 марта 2014 г. № 29-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http: www.pravo.gov.ru.

3. Бычков А.И. Проблемы правоприменения при разрешении языковых споров. М.: Инфотропик Медиа, 2013.

4. Берсиров Б.М. Формирование лингвистической культуры у студентов в процессе обучения языку // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогикаипсихология. 2010. № 2. С. 69–74; Agar M. Language Shock: Understanding the culture of conversation. NewYork: WilliamMorrow, 1996.

5. Баишева З.В. Языковые права человека // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Всеобщей декларации прав человека и 25-летию Конституции РФ. отв. ред. Е.О. Тулупова. Уфа: Издательство: Башкирский государственный университет, 2019. С. 15 – 21; Гудсков Н.Л. Языковое измерение прав человека // Права человека в диалоге культур: материалы научной конференции (26–28 ноября 1998 г.). М.: Изд. центр РГГУ, 1998. С. 66–80; Макаров А.Н. К вопросу о понятии и содержании языковых прав в конституционном праве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 187–196.

в канцелярских делах использовать арабский язык вместо греческого и среднеперсидского[6].

Обратить внимание общественности на множащиеся случаи нарушения лингвистических прав вынудила политика колониальных империй, заставляющая администрации колоний пользоваться исключительно языками метрополий. Помимо этого благодаря путешественникам, этнографам, чья активность с середины XIX столетия становилась все более заметной, также обнаружилось внимание социума к нарушениям прав меньшинств, включая их языковые права. Ещё одной причиной актуализации тематики языковых прав стало расширение контактов людей под влиянием экономических и геополитических обстоятельств. Это, в частности, отразилось в Заключительном акте Венского конгресса (1815), который дал право полякам на территории Познани, отошедшей к Пруссии, использовать польский язык для официальных целей наряду с немецким.

Такое же представление о необходимости обеспечения права меньшинствам использовать родной язык в местах их компактного проживания, в частности, в начальных школах повторилось и в документах периода Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, формулируемых эгидой Лиги Наций. Очевидность этих решений объяснялась сложной картиной формирования национальных государств после Первой мировой войны и крушения Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской империй.

В годы после окончания Второй мировой войны концепция языковых прав расширилась за счёт внимания к их индивидуальному содержанию. Именно этими смыслами и была наполнена Всеобщая декларация прав человека в статье 2 которой было зафиксировано, что все люди имеют право на декларируемые права без дискриминации по признаку языка[7]. Также языковым правам посвящена статья 10 этого документа, предусматривающая право физического лица на справедливое судебное разбирательство, в котором в случае языковых затруднений их преодолению помогает квалифицированный переводчик. Согласно статье 19, свобода выражения мнений, предполагает право выбора для этого любого языка. Статья 26 закрепляет право каждого человека на образование в зависимости от языка, на котором ведется обучение.

Эти положения в 1960-е гг. получили развитие в двух международных пактах: об экономических, социальных и культурных правах[8] и о гражданских и политических правах[9]. Статья 5 Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования (1960) также декларирует право меньшинств «использовать или преподавать свой собственный язык»[10]. Таким образом, в правовом поле прав человека стала весьма чётко обозначаться очень ранимая область — языковых прав человека (англ. Linguistic Human Rights, LHR).

Чувствительность данной части прав человека определяется тем, что именно через язык и посредством языка индивидом или группой транслируются ценности цивилизационной и национальной идентичности, благодаря образованию на родном языке обеспечивается возможность языковой социализации, в результате

6. Фильштинский И.М. Халифат под властью династии Омейядов (661–750) / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. М.: Соверо-принт, 2005.

7. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: http: www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.

8. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

9. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.

10. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования. Принята 14 декабря 1960 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки в культуры на ее одиннадцатой сессии [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/educat.shtml.

права на доступ к официальному языку легче происходит социально-политическая интеграция. Все эти аспекты языковых прав актуализировались в 1970-е гг. Это произошло не только на волне деколонизации и большего внимания к правам меньшинств, включая языковые права, но и из-за осознания потребности расширения рамок международного общения, что было зафиксировано в Заключительном акте Совещания по безопасности сотрудничеству в Европе (СБСЕ), принятом 1 августа 1975 г.[11] Частью Хельсинских соглашений стала «третья корзина», в которой были собраны такие гуманитарные проблемы, как уважение к правам человека и к его фундаментальным свободам, включая свободу обмена мыслями, свободу совести и религии, свободу передвижения. все они имели под собой правовое языковое основание.

Эти положения Заключительного акта создавали новую правовую базу лингвистических прав человека, в которых отчётливо просматривалась связь прав и свобод, отталкивающихся от основных духовных потребностей человека, в частности, потребности в общении, которое реализуется через право на на изучение иностранных языков. Другая правовая линия, также берущая начало от Хельсинкских соглашений, позволила разделить индивидуальные и коллективные языковые права. Таким образом, любому лицу гарантировалось право использовать свой язык независимо от его статуса и круга общения. Также важно, что на основании тех подходов, которые были заложены этим Актом, выделялась сфера частного использования языка. Она отделялась от области применения языка государственными органами. Этим декларировалась защита частной и семейной жизни, свободы выражения мнений, недискриминации по языковому признаку. Например, человек получал право определять собственное имя на родном языке, независимо от того, относится ли этот язык к официальным или признанным, а любое вмешательство государственных органов в это право признавалось произвольным или незаконным[12].

Язык, безусловно, представляется зеркалом, в котором прямо или, к сожалению, криво отражаются все социально-экономические, политические, культурные и правовые изменения, происходящие как с отдельными людьми, организациями, так и государствами, а иногда и регионами. Оказалось так, что геополитические сдвиги конца 1980-х гг., пробужденные влиянием и масштабных информационных перемен в мире, и экономическими проблемами в бывших социалистических странах, и активизировавшейся глобальной либеральной повесткой, попытавшейся показать свою исключительную привлекательность, сделали это зеркало языков более мутным. В нем появились новые трещинки, связанные с самыми разными формами лингвистической агрессии и, прежде всего, такого её проявления как «язык вражды» (англ. Hate speech)[13]. Одновременно активизировались процессы обеднения выразительности речи и засорения языка не только из-за множащихся иностранных заимствований, но и в силу натиска своеобразных цифровых жаргонизмов.

В связи с созданием иной геополитической карты мира после холодной войны стало понятным что далеко не всем меньшинствам в этой картине нашлось достойное место. Это стало непосредственным поводом для принятия в 1992 г. Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим,

---

11. Хельсинский Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от августа 1975 г. [Электронный ресурс]. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=30039.

12. Терновая Л.О. Ономастика международных отношений: монография. М.: ИНФРА-М, 2024; Шарифуллин Б.Я. Языковая политика в городе: право языка vs. языковые права человека (право на имя) // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвузовский сборник научных трудов / М-во образования Российской Федерации, Алтайский гос. ун-т; [отв. ред.: Н.Д. Голев]. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. С. 172–181.

13. Язык вражды против общества: [сборник статей] / Информ.-аналитический центр «Сова»; сост.: А. Верховский. М.: Сова, 2007.

религиозным и языковым меньшинствам[14]. Однако этот документ не имеет обязательной силы. И хотя в Декларации провозглашается, что государства должны предоставлять лицам, принадлежащим к меньшинствам, возможности, достаточные для получения образования на их родном языке или обучения с использованием их родного языка в качестве средства обучения, контроль за выполнением этих требований отсутствует.

Ситуация в области языковых прав в 1990-е гг. оказалась настолько тревожной, что ЮНЕСКО инициировало работу специального комитета, состоящего из 50 экспертов, над Всеобщей декларацией языковых прав. Она была утверждена 6 июня 1996 г. в Барселоне (Испания), поэтому часто называется Барселонской декларацией (англ. Barcelona Declaration)[15]. Но это не межгосударственный акт, а документ в первую очередь, отражающий взгляды неправительственных организаций (НПО) и ПЕН-клубов, которые представляют собой правозащитные структуры, объединяющие профессиональных писателей, поэтов, журналистов, творящих в различных жанрах (PEN — аббревиатура от англ. poet (поэт), essayist (эссеист), novelist (романист)), почти в 150 национальных центрах. Неудивительно, что в этой Декларации чётко делается акцент на коллективных правах, коими, главным образом, представляются права языкового сообщества, которые могут выглядеть как региональное сообщество или диаспора. Барселонская декларация состоит из разделов, в которых рассматриваются: концептуальные основы и общие принципы; языковой режим, охватывающий государственное управление, органы образования и социально-экономическую сферу, имена собственные, культуру и средства коммуникации, новые технологии. В соответствии со статьёй 10 Декларации, языковые права предоставляются в равной степени всем языковым сообществам, а также каждому человеку, за которым, в соответствии со статьёй 12, закреплено право использовать любой язык по выбору в частной и семейной жизни.

Уже в XXI столетии, 15 октября 2003 г., ЮНЕСКО была принята Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству, которая отразила новые цифровые реалии, существенно влияющее на языковую картину мира[16].

Помимо глобальной озабоченности состоянием языковых прав, которая выливается в разработку и принятие документов данной направленности на международном уровне, имеется достаточно обоснованная обеспокоенность возможностью реализации языковых прав на региональном уровне. С учётом сложной геополитической, социально-экономической и духовно-нравственной обстановки в Европе после окончания Второй мировой войны становилось понятным, почему одним из первых документов созданного в 1949 г. Совета Европы стало принятие 4 сентября 1950 г. в Риме Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ)[17]. Языковые права в этом документе упомянуты в статье 5.2, где говорится о том, что причины ареста и обвинения должны сообщаться на языке, понятном лицу. Также в статье 6.3 указывается на необходимость предоставления переводчика бесплатно в суде при условии, что на используемом языке невозможно говорить или его понимать. В 1992 г. Советом местных и региональных властей, входящим в Совет Европы, была принята Европейская хартия

14. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml.

15. World Conference on Linguistic Rights: Barcelona Declaration [Electronic recourse]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000104267_rus.

16. Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству. Принята 15 октября 2003 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml.

17. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Официальный перевод на русский язык) [Электронный документ]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203000250&page=1&rdk=0&link_id=56#I0.

региональных языков или языков меньшинств, актуализировавшая проблему признания, защиты и поощрения региональных языков и языков меньшинств в сферах «образования, судебных органов, административных и общественных служб, средств массовой информации, культурной деятельности и социально-экономической жизни»[18]. А в 1998 г. Парламентской Ассамблеей Совета Европы (ПАСЕ) была выпущена Рекомендация 1383 (1998) о языковой диверсификации, в статье 5 которой высказывается поощрение разнообразия языков, преподающихся в государствах-членах Совета Европы. В статью 8 рекомендуется включать языки неместных групп в языковое образование. Язык в этом документе характеризуются как культурная ценность, требующая сбережения и защиты[19].

На Африканском континенте проблема языковых прав стоит даже острее, чем в Европе. Во-первых, лингвистическая область представляет собой важнейшую часть культурного наследия Африки и национального многообразия региона. Ярким доказательством уникальности лингвистической ситуации в Африке можно назвать невероятное число языков, на которых говорят на этом континенте. Оценки специалистов различаются, но некоторые исследователи насчитывают около трёх тысяч языков. Лишь в одной Нигерии их более полутысячи. Во-вторых, задача утверждения языковых прав выступает выражением общей линии утверждения прав и свобод человека после обретения государствами Африки независимости. Эта задача была одной из основополагающих при создании 1963 г. Организации африканского единства (ОАЕ), в 2002 г. переименованной в Африканский союз (АС). В 1981 г. была принята Африканская хартия прав человека и народов, нацеленная на поощрение и защиту основных прав человека, в том числе его языковых прав. А через двадцать лет появился фонд панафриканской Академии языков (фр. Acad mieAfricainedesLangues, ACALAN; порт. AcademiaAfricanadeL nguas, ACALIN) ACALAN), поощряющий работу по гармонизации языков на континенте. Значимым шагом в этом направлении стало объявление АС на саммите в Хартуме 2006 г. Годом африканских языков.

Африканский опыт можно назвать показательным с точки зрения того, что языковые права помимо правового фактора и фактора культурного наследия и многообразия, выступают очень уязвимой частью основания государственной политики. Данная часть выходит далеко за пределы собственно лингвистической проблематики и затрагивает абсолютно все области государственного управления. Это объясняется тем, что сам этот процесс носит, прежде всего, вербализированный характер. А его главными компонентами становятся официальные языки законодательства, правосудия, образования, политической жизни и пр. О сложности регулирования данной сферы можно судить по судьбе гимна Южно-Африканской Республики (ЮАР), который, по версии 1997 г., исполняется на нескольких языках: коса, зулусском, сото, африкаансе и английском.

Следующий, не менее болезненный вопрос, касающийся языковых прав, состоит в их разделении на коллективные и индивидуальные. Первые означают, что определённая социальная, этническая, региональная группа испытывает реальную тревогу по поводу сохранения своего языка и передачи его будущим поколениям. И хотя на эту особенность языковых прав постоянно обращается внимание, а также задачи обеспечения этих прав зафиксированы в целом ряде правовых актов, жизнь постоянно даже в очень благополучных с точки зрения соблюдения прав человека странах заставляет общество

18. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств. Страсбург, 5 ноября 1992 года (Неофициальный перевод) [Электронный документ]. URL: https://rm.coe.int/168007c098.

19. Recommendation 1383 (1998) / Linguistic diversification // Parliamentary Assembly of the Council of Europe. Strasbourg: Council of Europe, 1998. [Electronic recourse]. URL: https://pace.coe.int/en/files/16644/html.

и государство возвращаться к базисным положениям в этой области, чтобы подтвердить права тех или иных общностей. Например, в Китае предпринимаются усилия по защите разновидностей китайского языка[20].

Язык представляет одно из самых ценных сокровищ, которое досталось современному поколению от его предков. Его важно не только сохранить, но и преумножить. Поэтому одна из главных задач языковых прав также заключается в том, чтобы способствовать этому преумножению. Если исходить из этой задачи, то становится понятным, что правовая база в этой области и на международном уровне, и на региональном и национальном уровнях пока отстаёт от лингвистических новаций стремительно расширяющихся сфер общения, создающих разнообразные лингвистические конструкты и меняющих сознание людей, этими конструктами пользующихся в деловой и повседневной жизни.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баишева З.В. Языковые права человека // Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию Всеобщей декларации прав человека и 25-летию Конституции РФ / отв. ред. Е.О. Тулупова. Уфа: Издательство: Башкирский государственный университет, 2019. С. 15–21.

2. Берсиров Б.М. Формирование лингвистической культуры у студентов в процессе обучения языку // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2010. № 2. С. 69–74.

3. Бычков А.И. Проблемы правоприменения при разрешении языковых споров. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 100 с.

4. Гудсков Н.Л. Языковое измерение прав человека // Права человека в диалоге культур: материалы научной конференции (26–28 ноября 1998 г.). М.: Изд. центр РГГУ, 1998. С. 66–80.

5. Клиновский В.А. Политико-правовая история языковых реформ в Китайской Народной Республике. М.: ИДВ РАН, 2022. 176 с.

6. Макаров А.Н. К вопросу о понятии и содержании языковых прав в конституционном праве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 187–196.

7. Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах / С.В. Соколовский, Е.И. Филиппова, И.Л. Бабич, М.Ю. Мартынова, А.А. Плеханов, Б.А. Синанов, В.А. Тишков, Х.М. Акбаев, С.В. Галактионов, О.А. Подлесных, К.Г. Шаховцо; отв. ред. Е. И. Филиппова и С. В. Соколовский. М.: Горячая Линия-Телеком, 2022. 260 с.

8.Терновая Л.О. Ономастика международных отношений: монография. М.: ИНФРА-М, 2024. 349 с.

9. Фильштинский И.М. Халифат под властью династии Омейядов (661–750) / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. М.: Соверо-принт, 2005. 231 с.

10. Шарифуллин Б.Я. Языковая политика в городе: право языка vs. языковые права человека (право на имя) // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвузовский сборник научных трудов / М-во образования Российской Федерации, Алтайский гос. ун-т; [отв. ред.: Н.Д. Голев]. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. С. 172–181.

11. Язык вражды против общества: сборник статей / Информ.-аналитический центр «Сова»; сост.: А. Верховский. М.: Сова, 2007. 268с.

12. Agar M. Language Shock: Understanding the culture of conversation. New York: William Morrow, 1996. 288 p.

13. Recommendation 1383 (1998) / Linguistic diversification // Parliamentary Assembly of the Council of Europe. Strasbourg: Council of Europe, 1998. [Electronic recourse]. URL: https://pace.coe.int/en/files/16644/html.

14. World Conference on Linguistic Rights: Barcelona Declaration [Electronic recourse]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000104267_rus.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Baisheva Z.V. Jazykovye prava cheloveka // Prava cheloveka v dialoge gosudarstvennoj vlasti i grazhdanskogo obshhestva. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhjonnoj 70-letiju Vseobshhej deklaracii prav cheloveka i 25-letiju Konstitucii RF / otv. red. E.O. Tulupova. Ufa: Izdatel'stvo: Bashkirskij gosudarstvennyj universitet, 2019. S. 15–21.

2. Bersirov B.M. Formirovanie lingvisticheskoj kul'tury u studentov v processe obuchenija jazyku // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3: Pedagogika i psihologija. 2010. № 2. S. 69–74.

3. Bychkov A.I. Problemy pravoprimenenija pri razreshenii jazykovyh sporov. M.: Infotropik Media, 2013. 100 s.

20. Клиновский В.А. Политико-правовая история языковых реформ в Китайской Народной Республике. М.: ИДВ РАН, 2022.

4. Gudskov N.L. Jazykovoe izmerenie prav cheloveka // Prava cheloveka v dialoge kul'tur: materialy nauchnoj konferencii (26–28 nojabrja 1998). M.: Izd. centr RGGU, 1998. S. 66–80.

5. Klinovskij V.A. Politiko-pravovaja istorija jazykovyh reform v Kitajskoj Narodnoj Respublike. M.: IDV RAN, 2022. 176 s.

6.Makarov A.N. K voprosu o ponjatii i soderzhanii jazykovyh prav v konstitucionnom prave // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Juridicheskie nauki. 2014. № 2. S. 187–196.

7. Smert' jazyka – smert' naroda? Jazykovye situacii i jazykovye prava v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah / S.V. Sokolovskij, E.I. Filippova, I.L. Babich, M.Ju. Martynova, A.A. Plehanov, B.A. Sinanov, V.A. Tishkov, H.M. Akbaev, S.V. Galaktionov, O.A. Podlesnyh, K.G. Shahovco; otv. red. E. I. Filippova i S. V. Sokolovskij. M.: Gorjachaja Linija–Telekom, 2022. 260 s.

8.Ternovaja L.O. Onomastika mezhdunarodnyh otnoshenij: monografija. M.: INFRA-M, 2024. 349 s.

9. Fil'shtinskij I.M. Halifat pod vlast'ju dinastii Omejjadov (661–750) / Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova, In-t stran Azii i Afriki. M.: Sovero-print, 2005. 231 s.

10. Sharifullin B.Ja. Jazykovaja politika v gorode: pravo jazyka vs. jazykovye prava cheloveka (pravo na imja) // Jurislingvistika-2: russkij jazyk v ego estestvennom i juridicheskom bytii: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov / M-vo obrazovanija Rossijskoj Federacii, Altajskij gos. un-t; [otv. red.: N.D. Golev]. Barnaul: Izd-vo Altajskogo gos. un-ta, 2000. S. 172–181.

11. Jazyk vrazhdy protiv obshhestva: [sbornik statej] / Inform.-analiticheskij centr «Sova»; sost.: A. Verhovskij. M.: Sova, 2007. 268s.

12. Agar M. Language Shock: Understanding the culture of conversation. New York: William Morrow, 1996. 288 p.

13. Recommendation 1383 (1998) / Linguistic diversification // Parliamentary Assembly of the Council of Europe. Strasbourg: Council of Europe, 1998. [Electronic recourse]. URL: https://pace.coe.int/en/files/16644/html.

14. World Conference on Linguistic Rights: Barcelona Declaration [Electronic recourse]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000104267_rus.

А.Е. ЕПИФАНОВ

# Опыт организации и деятельности женских исправительных приютов в дореволюционной России по публикациям журнала «Тюремный вестник» (1893–1917 гг.)

**АННОТАЦИЯ**. Статья посвящена исследованию женских исправительных приютов как элемента ювенальной юстиции дореволюционной России на материалах журнала «Тюремный вестник». Издание рассматривается как уникальный исторический источник, отражающий эволюцию пенитенциарной системы в отношении несовершеннолетних правонарушительниц. В публикации анализируются особенности становления и развития исправительных учреждений для девочек в период с 1870-х по начало 1900-х годов. Особое внимание уделяется опыту Болшевского (Яковлевского) приюта как показательного учреждения того времени. Целью статьи является комплексное исследование системы исправительных приютов для несовершеннолетних женского пола в дореволюционной России на основе материалов «Тюремного вестника». В ходе анализа были выявлены ключевые особенности подхода к несовершеннолетним правонарушительницам, который был ориентирован не столько на наказание, сколько на перевоспитание и профессиональную подготовку. Проведённый анализ показал, что журнал «Тюремный вестник» является уникальным историческим источником, раскрывающим особенности становления системы исправительных учреждений для несовершеннолетних женского пола в дореволюционной России. Материалы исследования расширяют представления об эволюции социальных институтов работы с несовершеннолетними правонарушителями и могут быть полезны современным исследователям в области пенитенциарной педагогики и социальной работы.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: женские исправительные приюты, система исправительных учреждений дореволюционной России, опыт Болшевского приюта для девочек.

**ЕПИФАНОВ АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ** – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела по изучению проблем истории МВД России Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России (e-mail: mvd_djaty@mail.ru)

«Тюремный вестник» являлся официальным печатным органом Главного тюремного управления Российской империи, издававшимся ежемесячно в Санкт-Петербурге с января 1893 по 1917 годы. Журнал имел ряд важных особенностей, определивших его значимость как исторического источника. Издание было создано для систематизации и распространения информации о тюремной системе России и зарубежных стран.

Структура журнала включала официальную часть, где публиковались правительственные распоряжения, циркуляры, приказы по тюремному ведомству, и неофициальную часть, содержавшую статьи о пенитенциарной системе, обзоры тюремного дела за рубежом, исторические очерки. Важной особенностью было размещение статистических данных о численности и составе заключенных, что делает журнал ценным источником демографической информации о тюремном населении дореволюционной России.

«Тюремный вестник» освещал вопросы тюремной реформы, проблемы организации арестантского труда, медицинского обслуживания заключённых, религиозно-нравственного воспитания. Журнал также публиковал материалы о деятельности благотворительных обществ, помогавших заключённым и их семьям. Издание отличалось профессиональной направленностью и предназначалось в первую очередь для сотрудников тюремной системы, способствуя повышению их квалификации. На страницах «Тюремного вестника» обсуждались передовые для того времени идеи пенитенциарной науки, что свидетельствовало о стремлении руководства тюремного ведомства к совершенствованию системы исполнения наказаний в России.

Одно из направлений издательской деятельности журнала было посвящено проблемам преступности несовершеннолетних, особенностям исправительных учреждений для подростков, преступивших закон, задачам их нравственного воспитания. Многие научные статьи можно рассматривать в качестве методических материалов по организации, как исправительных учреждений для несовершеннолетних, так и воспитательной работы с ними. Журнал «Тюремный вестник» можно рассматривать как важный исторический документ для изучения пенитенциарной системы дореволюционной России и особенно той её части, которая касается несовершеннолетних осуждённых.

Особую ценность представляют публикации, касающиеся нравственного воспитания подростков, поскольку в тот период формировался новый подход к несовершеннолетним правонарушителям – не только карательный, но и исправительно-воспитательный.

В дореволюционной России проблема преступности несовершеннолетних женского пола была малоизученной и малоосвещенной темой. По материалам «Тюремного вестника» можно проследить такую особенность, что в дореволюционной России преимущественно создавались воспитательные учреждения, ориентированные на несовершеннолетних правонарушителей и беспризорников мужского пола. Что касается аналогичных заведений для девочек и девушек-правонарушительниц, информацию об их состоянии и функционировании можно обнаружить только в нескольких опубликованных статьях того периода.

В «Тюремном вестнике» 1895 года (№ 4) была опубликована статья под названием «Исправительные приюты для несовершеннолетних женского пола»[1]. Автор, обозначивший себя инициалами А.Л., поднимает проблему недостаточного количества исправительных учреждений, предназначенных для девочек и девушек-правонарушительниц. В публикации анализируется дефицит подобных заведений и связанные с этим трудности в системе перевоспитания несовершеннолетних женского пола. Автор статьи пишет, что первый специализированный приют для несовершеннолетних девочек был открыт в Саратовском (Галкинском) приюте в 1873 году. Изначально это было небольшое отделение всего на 10 человек, изолированное от мальчиков.

Затем в 1874 году был основан приют в селе Болшево Московской губернии, который впоследствии стал знаковым учреждением в системе исправительных заведений для девочек. В конце 1891 года приют был открыт в Варшаве в усадьбе Пуща.

Важно отметить, что количество исправительных приютов для девочек было крайне незначительным. Если к 1881 году в России существовало 11 исправительных учреждений для несовершеннолетних, то к 1894 году их число увеличилось до 20, из которых только три были предназначены для девочек.

Относительно малое число исправительных заведений для девочек-правонарушительниц объясняется тем, что они совершают преступления реже, чем мальчики. Тем не менее, автор подчёркивает, что к исправлению девочек следует подходить с большим вниманием, поскольку наказание оказывает на них более разрушительное воздействие. Без поддержки родителей и общества после освобождения девочки часто оказываются в уязвимом положении и нередко вынуждены прибегать к проституции как к средству выживания.

В журнале за 1895 год № 6 С.П. Яковлев – создатель и попечитель Болшевского приюта, справедливо указывал на важность создания специализированных воспитательных учреждений для девочек. Он пишет, что «лучше, легче перевоспитывать нечистыя мысли, лживые и ложные вожделения, нежели проступки, хотя бы эти проступки были совершены в несознательном состоянии...»[2].

1. Исправительные приюты для несовершеннолетних женского пола // Тюремный вестник. 1895. № 4. С. 178–183.

2. Яковлев С. От чего у нас мало исправительных приютов для несовершеннолетних женского пола // Тюремный вестник. 1895. № 6. С. 327.

Опасение отрицательного влияния осуждённых девочек на иных воспитанниц С. П. Яковлев считает не страшным только в том случае, если приюты будут выполнять не карательную, а воспитательную функцию.

Исследуя историю исправительных учреждений для несовершеннолетних в России, невозможно не обратить внимание на уникальный опыт Болшевского приюта для девочек. Наиболее полные сведения об этом заведении сохранились благодаря публикациям в «Тюремном вестнике», особенно ценной представляется статья из выпуска № 6 за 1906 год, где детально освещается деятельность учреждения, к тому времени уже известного как Яковлевский ремесленный исправительный приют, за 1904 год.

Интересно проследить историю данного исправительного заведения. Его корни уходят в 1874 год, когда благодаря инициативе княгини А.Н. Стрекаловой в селе Болшево появилось учреждение для перевоспитания девочек. Примечательно, что это не было первым опытом княгини в сфере исправительной педагогики – ещё в 1864 году она создала школу для мальчиков, требующих особого подхода к воспитанию. Судьба этой школы заслуживает отдельного внимания: в 1873 году общественность инициировала её преобразование в Рукавишниковский исправительный приют[3].

Начало XX века ознаменовалось для Болшевского приюта сменой названия – он стал именоваться Яковлевским. Задумываясь о причинах такого переименования, стоит отметить значительную роль С.П. Яковлева, выступавшего попечителем учреждения. Его вклад в развитие приюта трудно переоценить: от участия в организационных вопросах до разработки первого Устава. Особенно важным представляется его личная финансовая инициатива – учреждение именных стипендий для воспитанниц, что, несомненно, создавало дополнительную мотивацию для их исправления.

Обращаясь к историческим свидетельствам о Болшевском приюте для девочек, невольно погружаешься в атмосферу социальных инициатив дореволюционной России. Примечательно, что в публикации С.П. Яковлева на страницах «Тюремного вестника» (1895 г.) раскрывается интересная деталь: контингент воспитанниц формировался из двух принципиально разных групп. Кто же попадал под опеку этого учреждения? С одной стороны, двери приюта открывались для юных правонарушительниц, направленных по судебным приговорам за различные проступки – от банальных краж до серьёзных деяний вроде поджогов.

С другой – здесь находили приют девочки, не преступившие закон, но оказавшиеся в тяжёлой жизненной ситуации: лишённые родительской заботы, вынужденные нищенствовать или просто трудные в воспитательном отношении, от которых отчаявшиеся родители искали помощи у специалистов.

Задумываясь о возрастных критериях приёма, нельзя не отметить их гуманистическую направленность. Приют принимал девочек начиная с четырехлетнего возраста (что поразительно рано для исправительного учреждения!) и до 14 лет, предоставляя им возможность находиться под защитой стен заведения до 16-летия.

Интересна педагогическая философия руководства приюта: девушек старше 16 лет не принимали вовсе, а пребывание воспитанниц ограничивалось 18-летним возрастом. За этим стояло глубокое убеждение, что краткосрочное пребывание в подростковом возрасте не принесёт существенной пользы для исправления личности – мысль, которая и сегодня находит подтверждение в современной педагогической практике[4].

Любопытно проследить динамику заполнения приюта. Первоначально учреждение не пользовалось популярностью, и его помещения пустовали. Ситуация кардинально изменилась благо-

3. Калашникова Т. В., Калашникова М. М. Исторический опыт педагогического сопровождения несовершеннолетних осужденных в России // Вестник Кузбасского института. 2016. № 3(28). С. 160.

4. Яковлев С. От чего у нас мало исправительных приютов для несовершеннолетних женского пола // Тюремный вестник. 1895. № 6. С. 326–327.

даря действиям С.С. Сабашниковой, одной из попечительниц приюта. Её инициатива по организации совместного собрания Попечительства с представителями московской полиции и мировыми судьями принесла ощутимые результаты – к марту 1876 года приют уже принял двадцать воспитанниц.

Статистические данные, приводимые Н.С. Таганцевым, красноречиво свидетельствуют о постепенном росте доверия к учреждению. Если в первые годы (1875–1879) среднее число воспитанниц составляло всего 25 человек, то к концу столетия (1895–1899) эта цифра выросла почти втрое – до 70 девочек[5].

Это наглядно демонстрирует не только растущую потребность общества в подобных учреждениях, но и признание эффективности применяемых в приюте методов. Особого внимания заслуживает трудовая составляющая воспитательного процесса. Основной упор делался на ремесленные навыки, прежде всего – швейное мастерство. Это был не просто труд ради занятости, но и практическая подготовка к самостоятельной жизни, что отражало прогрессивный для того времени подход к социальной реабилитации.

Анализируя сохранившиеся документы об этом учреждении, можно составить многогранное представление не только о принципах работы исправительных заведений для девочек того времени, но и глубже понять социальный портрет их воспитанниц. Это позволяет нам сегодня осмыслить исторический опыт решения проблем детской преступности и социальной адаптации через призму конкретного учреждения.

Изучая архивные материалы «Тюремного вестника» за 1906 год, было установлено, что возрастной состав воспитанниц представлял собой довольно широкий диапазон – от совсем маленьких девочек младше 9 лет, которых насчитывалось 18 человек, до почти взрослых девушек. Примечательно, что наибольшее количество приходилось именно на младшую возрастную группу. Далее распределение выглядело следующим образом: 8 девочек в возрасте 9–10 лет, 14 воспитанниц 10–11 лет, по 7 человек в группах 11–12, 12–13 и 14–15 лет[6].

В старших возрастных категориях численность постепенно снижалась: 6 девушек 15–16 лет, 8 воспитанниц 16–17 лет, 6 человек 17–18 лет и всего одна девушка в возрасте 18–19 лет.

Что касается семейного положения, то полноценную семью имели лишь 16 воспитанниц, что составляло явное меньшинство. Половина всех девочек – 50 человек – воспитывались только матерями, 12 жили с одним отцом, а 16 были круглыми сиротами, лишёнными родительской заботы и поддержки.

Интересно отметить, что по вероисповеданию все воспитанницы были православными, что отражает религиозную однородность данного учреждения. Уровень грамотности среди вновь поступивших девочек был крайне низким – только 10 из них умели читать, а 11 были полностью безграмотными. Это наводит на размышления о недоступности образования для детей из неблагополучных семей в начале XX века.

Анализируя поведенческие проблемы воспитанниц, можно заметить, что наиболее распространёнными нарушениями были дерзость, непослушание и нарушение доверия – такое поведение демонстрировала 21 девочка. Восемь воспитанниц проявляли лень и уклонялись от работы. Зафиксирован один случай кражи и один побег (девочку так и не удалось найти).

Финансовое обеспечение приюта осуществлялось за счет нескольких источников: благотворительных пожертвований, средств от сбора и продажи ненужных вещей у населения, а также денег, заработанных самими воспитанницами. Это говорит о том, что девочки не только

5. Таганцев Н. С. Уголовное право (Общая часть). Часть 2. По изданию 1902 года. Allpravo.ru. 2003. URL: http://scicenter.online/ugolovnoe-pravorossii/105-postanovleniya-nesovershennoletnih.htmlhttp (дата обращения: 15.05.2025).

6. Обозрение деятельности за 1904 год Яковлевского ремесленного исправительного приюта для девочек в с. Болшево // Тюремный вестник. 1906. № 6. С. 447.

получали помощь, но и сами участвовали в обеспечении функционирования учреждения.

Размышляя о системе финансирования благотворительных учреждений прошлого, нельзя не отметить особую роль, которую играли в этом процессе различные общественные организации и частные благотворители.

Интересно проследить, как формировалась материальная база приютов того времени. Финансовое обеспечение приюта кроме самостоятельных заработков воспитанниц, осуществлялось и через регулярные денежные отчисления, поступавшие от Общества поощрения трудолюбия и Московской купеческой управы. Эта систематическая поддержка дополнялась значительными вкладами отдельных благотворителей, чья деятельность заслуживает особого внимания.

Среди ярких примеров частной благотворительности выделяется вклад С.С. Сабашниковой, которая, состоя в комиссии по организации Болшевского приюта вместе с княгиней А.Н. Стрекаловой, не ограничилась формальным участием[7]. На собственные средства она существенно улучшила хозяйственную базу учреждения – приобретала для воспитанников коров и домашнюю птицу, а также инициировала строительство необходимой инфраструктуры: скотного и птичьего дворов. Задумываясь о мотивах таких поступков, понимаешь, насколько важным было для благотворителей того времени не просто жертвовать деньги, но и создавать устойчивую экономическую основу для приюта.

Нельзя обойти вниманием и роль известного предпринимателя, чаеторговца С.В. Перлова, ставшего одним из ключевых организаторов Болшевского приюта. Его благотворительная деятельность приобрела новое значение в 1870 году, когда Императорское Человеколюбивое общество создало в Москве попечительства для поддержки нуждающихся учеников и учениц различных учебных заведений – от кулинарной школы до школы портних и ремесленно-исправительного приюта для девочек[8].

Особенно примечательно участие Перлова в совете Попечительства о недостаточных ученицах. Вдумываясь в суть этой работы, понимаешь, что она была направлена на создание помощи для талантливых, но малоимущих девочек, давая им возможность продолжить образование.

Что характерно, помощь оказывалась избирательно – её могли получить только те воспитанницы, которые демонстрировали высшие баллы как в учёбе, так и в поведении. Такой подход стимулировал стремление к самосовершенствованию и усердию в обучении. Венцом благотворительной деятельности С.В. Перлова стало учреждение нескольких именных стипендий для лучших воспитанниц Болшевского приюта. Это решение, как представляется, имело не только материальное, но и глубокое моральное значение, подчёркивая ценность образования и личных достижений.

Некоторые выпускницы получали возможность продолжить образование в профессиональных школах, что значительно повышало их шансы на успешную социальную адаптацию.

Согласно материалам, опубликованным в номере 6 журнала «Тюремный вестник» за 1906 год, существенным источником финансирования для развития приюта служили средства, полученные от особой формы благотворительности – сбора у населения ненужных вещей с их последующей реализацией. Эта практика оказалась весьма эффективной для пополнения материальной базы учреждения. Благодаря этим поступлениям удалось значительно расширить инфраструктуру приюта. В частности, были осуществлены важные строительные

---

7. Бондаренко Л. Болшевский исправительно-трудовой приют // Московский журнал. 1999. № 7. URL:http://mosjour.ru/category/iz-istorii-prizreniya-sirotv-rossii/(дата обращения: 14.05.2025)

8. Галиуллина С. Д., Герасимова Д. И. Социальное попечение о паттернах, призреваемых в Российской империи // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2013. С. 84.

работы: возведены дополнительные помещения, предназначенные для раздельного проживания воспитанниц разных возрастных групп, что способствовало созданию более благоприятной педагогической среды.

Кроме того, были построены объекты хозяйственно-бытового назначения – баня и прачечная, что существенно улучшило санитарно-гигиенические условия в учреждении[9].

Трудовое исправление и воспитание в приюте преследовало глубокую цель – вооружить воспитанниц практическими знаниями и умениями, которые позволили бы им вести достойное существование после окончания пребывания в учреждении. Размышляя над этим подходом, нельзя не отметить его дальновидность – девочкам давали не просто приют, им давали профессию, которая помогала им приобрести стабильность и финансовую независимость в будущем.

Система трудового воспитания охватывала несколько ключевых направлений. Администрация приюта проявила предприимчивость, взяв в аренду земельные участки у местных болшевских крестьян. На этих территориях воспитанницы осваивали земледелие и огородничество, выращивая картофель и различные овощи. Параллельно развивалось животноводческое направление.

Девочки приобретали навыки ухода за домашними животными и птицей, а также участвовали в налаженном производстве молочных продуктов и яиц. Такой подход не только обеспечивал приют необходимыми продуктами, но и, что особенно важно, прививал воспитанницам умение рационально вести хозяйство и формировал практические навыки самообеспечения.

Особое внимание уделялось ремесленным навыкам. Воспитанницы осваивали швейное дело, изготавливая белье и платья, которые затем реализовывались среди работниц близлежащих фабрик и дачниц. Немаловажным аспектом воспитательной системы являлось самообслуживание. Девочки вязали чулки, шили одежду для собственных нужд, занимались стиркой и ремонтом белья, а также по очереди дежурили на кухне и в столовой. Эти повседневные обязанности, несомненно, формировали у них бытовую самостоятельность и дисциплину.

Жизнь в приюте подчинялась строгому распорядку, который структурировал как трудовую, так и учебную деятельность. Образовательная программа соответствовала уровню трехлетних начальных училищ и включала обучение письму, чтению и арифметике.

Духовное развитие обеспечивалось через уроки Закона Божия, а эстетическое воспитание – через занятия хоровым пением[10]. Примечательно, что руководство приюта заботилось не только об общем, но и о профессиональном образовании воспитанниц. Для обучения девочек портновскому, белошвейному и шёлкомотальному ремеслу приглашались специальные преподаватели. Это свидетельствует о стремлении дать воспитанницам конкурентоспособные на рынке труда того времени профессиональные навыки. Анализируя эту систему, нельзя не прийти к выводу, что она была направлена на формирование всесторонне развитой личности, способной к самостоятельной жизни и труду в различных сферах деятельности.

Болшевский приют активно взаимодействовал с Московской ремесленной управой, организацией, отвечавшей за регистрацию и категоризацию ремесленников. Система профессиональной квалификации того времени предусматривала трехступенчатую иерархию: ученики, подмастерья и мастера. Ученический период длился от трех до пяти лет, после чего ремесленник мог претендовать на звание подмастерья.

Статус мастера присваивался только после прохождения сложного квалификационного испытания, демонстрирующего высокий уро-

9. Обозрение деятельности за 1904 год Яковлевского ремесленного исправительного приюта для девочек в с. Болшево // Тюремный вестник. 1906. № 6. С. 446.

10. Епифанов А.Е., Павленко Е.М. Из истории обеспечения прав заключенных в тюрьмах Российской Империи на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Саратовской губернии) // Былые годы. 2021. № 16 (4). С. 1919.

вень профессионального мастерства и знаний в выбранном ремесле. Особенно ценным аспектом образовательной программы приюта являлась возможность для воспитанниц проходить аттестацию по освоенному ремеслу с последующим получением свидетельства «мастерицы»[11].

Это официальное признание квалификации открывало перед девушками путь к включению в ремесленное сословие, что существенно повышало их социальный статус и расширяло возможности дальнейшего трудоустройства. Получившие квалификацию в белошвейном и дамско-портном ремесле нередко трудоустраивались на шелковую фабрику Сапожниковых, одно из ведущих текстильных предприятий того времени.

Некоторые воспитанницы после обучения основывали собственные мастерские, другие находили применение своим навыкам в качестве домашних портних или горничных в состоятельных семьях. Примечательно, что для наиболее способных воспитанниц, особенно стипендиаток, существовала возможность продолжения образования. Их направляли в профессиональную школу Н.М. Ермоловой и М.М. Линдеман для дальнейшего совершенствования ремесленных навыков[12]. Интересно отметить, что Мария Линдеман была не только педагогом, но и автором учебного пособия по рукоделию, изданного в Москве в 1894 году, что говорит о методической обоснованности образовательного процесса.

К сожалению, экономические факторы впоследствии ограничили эту практику. Увеличение платы за обучение и продление срока образовательной программы с двух до трех лет привели к сокращению числа воспитанниц, направляемых на дальнейшее обучение. Анализируя эти факты, можно заключить, что Болшевский приют представлял собой передовую для своего времени модель социальной реабилитации через профессиональное образование, сочетавшую воспитательные задачи с практической подготовкой к самостоятельной жизни и интеграции в общество.

Проведённое исследование позволяет заключить, что в дореволюционной России проблема преступности несовершеннолетних женского пола оставалась малоизученной и редко освещалась в научной и публицистической литературе. Анализ материалов журнала «Тюремный вестник» показывает, что сведения об исправительных приютах для девочек встречаются фрагментарно и значительно реже, чем публикации о приютах для мальчиков. Это свидетельствует не столько о целенаправленном государственном курсе, сколько об ограниченности внимания к вопросам исправления девочек-подростков, совершивших противоправные действия. Таким образом, источники позволяют сделать вывод о недостаточном внимании общества и власти к проблеме женской подростковой преступности, что определяет научную значимость изучаемого материала и необходимость дальнейшего анализа.

Современная пенитенциарная система может многому научиться у дореволюционных исправительных учреждений, особенно в части индивидуального подхода к несовершеннолетним правонарушителям. Болшевский приют демонстрировал, что исправление и социальная реабилитация должны основываться не на наказании, а на создании условий для личностного роста, получения образования и профессиональных навыков. Материалы журнала «Тюремный вестник» позволяют нам сегодня не только изучить исторический опыт работы с несовершеннолетними преступницами, но и переосмыслить современные подходы к ресоциализации молодёжи, оказавшейся в сложной жизненной ситуации.

---

11. Шевнина Л.В. Женские воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних преступниц в России (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. С. 75–81.

12. Большаков В.П. О том, чего не было. Раздел 2. По своим лекалам (братии и ремесленные цеха). URL: http://istprof.ru/573.html(дата обращения: 14.05.2025).

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Большаков В. П. О том, чего не было. Раздел 2. По своим лекалам (братии и ремесленные цеха). URL:http://istprof.ru/573.html (дата обращения: 14.05.2025).

2. Бондаренко Л. Болшевский исправительно-трудовой приют // Московский журнал. 1999. № 7. URL:http://mosjour.ru/category/iz-istorii-prizreniya-sirotv-rossii/ (дата обращения: 14.05.2025)

3. Галиуллина С. Д., Герасимова Д. И. Социальное попечение о паттернах, призреваемых в Российской империи // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2013. С. 82–88.

4. Епифанов А.Е., Павленко Е.М. Из истории обеспечения прав заключенных в тюрьмах Российской Империи на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Саратовской губернии). // Былые годы. 2021. № 16 (4). С. 1910–1921.

5. Епифанов А.Е. Обеспечение режима отбывания наказания и прав заключенных в пенитенциарных учреждениях Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Владимирского юридического института. 2024. №2(71). С. 105–113.

6. Исправительные приюты для несовершеннолетних женского пола // Тюремный вестник. 1895. № 4. С. 178–183.

7. Калашникова Т. В., Калашникова М. М. Исторический опыт педагогического сопровождения несовершеннолетних осуждённых в России // Вестник Кузбасского института. 2016. № 3(28). С. 158–164.

8. Таганцев Н. С. Уголовное право (Общая часть). Часть 2. По изданию 1902 года. Allpravo.ru. 2003. URL: http://scicenter.online/ugolovnoe-pravorossii/105-postanovleniya-nesovershennoletnih.htmlhttp (дата обращения: 15.05.2025).

9. Обозрение деятельности за 1904 год Яковлевского ремесленного исправительного приюта для девочек в с. Болшево // Тюремный вестник. 1906. № 6. С. 446–449.

10. Шевнина Л. В. Женские воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних преступниц в России (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. С. 75–81.

11. Яковлев С. От чего у нас мало исправительных приютов для несовершеннолетних женского пола // Тюремный вестник. 1895. № 6. С. 325–330.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Bol'shakovV. P. Otom, chego ne bylo. Razdel 2. Po svoim lekalam (bratii i remeslennye cekha). URL: http://istprof.ru/573.html (data obrashcheniya: 14.05.2025).

2. Bondarenko L. Bolshevskij ispravitel'no-trudovoj priyut // Moskovskij zhurnal. 1999. № 7. URL: http://mosjour.ru/category/iz-istorii-prizreniya-sirotv-rossii/ (data obrashcheniya: 14.05.2025)

3. Galiullina S. D., Gerasimova D. I. Social'noe popechenie o patternah, prizrevaemyh v Rossijskoj imperii // Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika. 2013. S. 82–88.

4. Epifanov A.E., Pavlenko E.M. Iz istorii obespecheniya prav zaklyuchennyh v tyur'mah Rossijskoj Imperii na rubezhe XIX - HH vv. (po materialam Saratovskoj gubernii). // Bylye gody. 2021. № 16 (4). C. 1910–1921.

5. Epifanov A.E. Obespechenie rezhima otbyvaniya nakazaniya i prav zaklyuchennyh v penitenciarnyh uchrezhdeniyah Rossijskoj imperii na rubezhe XIX–XX vv. // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2024. № 2(71). S. 105–113.

6. Ispravitel'nye priyuty dlya nesovershennoletnih zhenskogo pola // Tyuremnyj vestnik. 1895. № 4. S. 178–183.

7. Kalashnikova T. V., Kalashnikova M. M. Istoricheskij opyt pedagogicheskogo soprovozhdeniya nesovershennoletnih osuzhdennyh v Rossii // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2016. № 3(28). S. 158–164.

8. Tagancev N. S. Ugolovnoe pravo (Obshchaya chast'). Chast' 2. Po izdaniyu 1902 goda. Allpravo.ru. 2003. URL: http://scicenter.online/ugolovnoe-pravorossii/105-postanovleniya-nesovershennoletnih.htmlhttp (data obrashcheniya: 15.05.2025).

9. Obozrenie deyatel'nosti za 1904 god Yakovlevskogo remeslennogo ispravitel'nogo priyuta dlya devochek v s. Bolshevo // Tyuremnyj vestnik. 1906. № 6. S. 446–449.

10. Shevnina L. V. Zhenskie vospitatel'no-ispravitel'nye zavedeniya dlya nesovershennoletnih prestupnic v Rossii (konec XIX – the beginning of the XX century) // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2011. S. 75-81.

11. Yakovlev S. Ot chego u nas malo ispravitel'nyh priyutov dlya nesovershennoletnih zhenskogo pola // Tyuremnyj vestnik. 1895. № 6. S. 325–330.

Н.В. КОВАЛЕВА

# Выделение земельных участков для размещения промышленных объектов по законодательству Российской империи XIX – начала XX веков

**АННОТАЦИЯ**. В статье исследуется правовой механизм предоставления земельных участков для размещения промышленных заведений в Российской империи XIX – начала XX веков. Раскрываются особенности нормативного регулирования промышленного землеотвода, включая классификацию участков по правовому режиму и субъектному составу, а также специфику юридического статуса казённых, посессионных и владельческих предприятий. Выявлены институциональные основы централизованной модели управления земельным фондом, её влияние на режимы землепользования и ограничения, обусловленные ведомственной юрисдикцией. Проведён анализ правовой неопределённости понятия «промышленное заведение», а также показано влияние этой неопределённости на правоприменение. В завершающей части осуществляется сопоставление с современным правовым регулированием предоставления земли под промышленные объекты в рамках особых экономических зон и территорий опережающего развития.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: земельные участки, промышленные заведения, посессионное право, казённые земли, централизованное регулирование, правовой режим, право землепользования, законодательство Российской империи XIX – начала XX веков.

**КОВАЛЕВА НАТАЛЬЯ ВИТАЛЬЕВНА** – доктор юридических наук, доцент, Государственный университет управления; главный научный сотрудник Академии управления МВД России.

В современном мире основу процветания любого государства составляет промышленное производство. Высокотехнологичные компании составляют основу конкурентоспособной и независимой экономики: их размещение и функционирование традиционно контролируется и поддерживается государством, включая выделение соответствующих территорий с учётом специфики конкретного производства и логистической составляющей для доставки сырья и реализации готовой продукции.

Россия XXI века, стремясь нарастить свой промышленный потенциал не только за счёт поддержки существующих отраслей промышленного производства, но и за счёт открытия новых фабрик и заводов, должна обратиться к опыту регламентирования открытия промышленных заведений в Российской империи XIX – начала XX веков. Это позволит в определённой мере комплексно взглянуть на проблему формирования промышленно ориентированной экономики страны, производящей конкурентоспособные на мировых рынках товары.

С конца XVIII – начала XIX веков в Российской империи активно формируется законодательство, призванное урегулировать многочисленные вопросы, неизбежно возникающие в сфере функционирования промышленного сектора экономики. Упорядочивание было направлено в том числе и на отношения, возникающие по поводу выделения земельных участков под создаваемые промышленные заведения. При этом учитывалась территория, на которой разрешалось строить фабрику или завод, определялась в количественных характеристиках удалённость заведений от каких-либо иных строений, рассматривалась возможность размещения объектов производственной инфраструктуры в городах, сельской местности или за пределами населённых пунктов.

***Централизация в управлении земельным фондом как основа устойчивости правового режима Российской империи XIX–XX веков***

Особенностью правового регулирования земельных отношений Российской империи являлась выраженная централизация. Земельный

фонд рассматривался государством как единое целое, а управление им осуществлялось на уровне императорской власти и Правительствующего Сената, что обеспечивало высокую степень устойчивости применяемых норм. Стоит отметить, что и после утверждения Положения о земских учреждениях 1864 года, функции управления земельными ресурсами не были переданы на уровень губернских и уездных органов. В структуре государственной власти отсутствовали децентрализованные институты, наделённые компетенцией в вопросах распоряжения землёй, что объективно усиливало зависимость землеотводов от вертикали исполнительной власти.

В определённой мере «законодательная последовательность» проявлялась, в частности, в значительной преемственности и «сохранении на протяжении длительного времени межевых норм: так, начиная с конца XVIII века, вплоть до второй половины XIX века продолжали действовать положения о пропорциональности предоставления удобных и неудобных земель при межевании.

Регламент межевания обеспечивал правовую определённость в отношении границ и назначения участков, выступая базисом для осуществления как аграрной, так и промышленной политики. Такая преемственность нормативного регулирования определяла стабильность прав на землю и создавала институциональные предпосылки для формирования устойчивых правовых режимов, включая и режимы, применявшиеся к промышленным объектам. Это, в свою очередь, формировало последовательную политику при выделении земель под фабрики и заводы как часть единой государственной стратегии рационального распоряжения земельным фондом страны.

***Юридическая природа промышленного заведения в законодательстве XIX–XX вв.***

Одним из ключевых вопросов формирования промышленного законодательства в Российской империи XIX – начала XX вв. являлась попытка нормативного определения самого понятия «промышленное заведение»[1]. Несмотря на частое употребление в правовых актах терминов «завод», «фабрика», «мануфактура», «предприятие», законодатель не выработал единого и устойчивого определения, способного охватывать всё многообразие промышленных объектов. Такая ситуация в определённой мере затрудняла реализацию как надзорных функций, так и процедур, связанных с выделением и правовым режимом земель, предназначенных под производственную деятельность.

Законодательство изучаемого периода оперировало различными критериями разграничения заведений: численность рабочих, применение механических средств, источник происхождения сырья, а также цели функционирования (государственные или частные нужды). Так, в Уставе о промышленности отдельно выделялись казённые, частные и мануфактурные предприятия, однако отсутствовала система родовых и видовых понятий, необходимая для унификации правового подхода[2]. Указанные обстоятельства становились препятствием не только для налогообложения и классификации предприятий, но и для эффективного распоряжения земельными участками под строительство, размещения определённых производств на определённых территориях страны.

Определённого рода отсутствие чёткой легальной терминологии проявлялась и при разграничении промышленного производства от ремесла и кустарной деятельности. При этом кустарная промышленность, как домашний труд сельского населения, не подлежала промышленному надзору и в принципе выпадала из сферы применения правил о предоставлении земли под промышленные нужды. Правовая неопределённость категории «промышленное заведение» препятствовала формированию стабильной системы предостав-

1. Ковалева Н. В. Субъекты промышленного законодательства Российской империи (XIX – начала XX в.) // Журнал российского права. 2010. № 2(158). С. 104–112. EDN NDLWEV

2. Устав о промышленности. СЗ РИ. Т. XI. Ч. II. Ст. 1. СПб., 1887.

ления земельных участков, что особенно остро ощущалось на фоне роста фабрично-заводского производства в конце XIX – начале XX вв.

***Промышленная безопасность в XIX веке***

Регламентация выделения земельных участков под промышленные объекты неизменно соотносилась с тематикой безопасности. В частности подчёркивалось, что правовая природа промышленной безопасности определяется не столько совокупностью техногенных или производственных рисков, сколько системой охраняемых интересов, реализуемых посредством нормотворческой и правоприменительной деятельности государства, а также представляет собой особую сферу общественных отношений, в которой комплекс угроз различного происхождения должен быть соотнесён с юридически закреплёнными обязанностями субъектов и нормативно обеспеченной деятельностью по минимизации опасностей[3].

Субъект промышленного законодательства не был чётко соотнесён с функцией создания хозяйственного продукта, а государство зачастую совмещало в одном лице правовое положение регулятора и участника производства, что усложняло регламентацию отношений в этой сфере, включая выделение земельных участков. В совокупности указанные обстоятельства предопределили необходимость более чёткой законодательной проработки признаков промышленного заведения, включая его связь с правовым режимом земель, что, в свою очередь, обусловило разработку и закрепление в законодательстве Российской империи особых правовых режимов для таких форм, как казённые, посессионные и владельческие предприятия — каждому из которых соответствовал собственный порядок предоставления земельных участков.

Значительное количество промышленных заведений в Российской империи учреждалось непосредственно по инициативе государства, которое одновременно являлось и субъектом права, и в определённой степени выступало источником правового регулирования. Такая институциональная двойственность формировала противоречивую модель управления промышленной сферой: с одной стороны, публичная власть устанавливала требования к открытию, размещению и эксплуатации производственных объектов; с другой — как учредитель казённых и посессионных предприятий, государство действовало в интересах собственной имущественной и административной стратегии, формируя промышленную политику страны.

Указанная ситуация препятствовала системной унификации норм о предоставлении земли, особенно в условиях конкуренции между государственными ведомствами, заинтересованными в укреплении своих территориальных или ресурсных позиций. Практика распределения земли под промышленные нужды часто зависела от ведомственной принадлежности участка или заведения, а не от нейтральных правовых критериев, что снижало предсказуемость правоприменения. Следствием этого явилось определённое «размывание границ» между правовым статусом органа власти и правовым положением хозяйствующего субъекта, действующего от имени государства.

***Надзор за промышленными заведениями и количественные критерии разграничения***

Во второй половине XIX века правоприменительная практика надзора за промышленными предприятиями развивалась в условиях отсутствия детальной нормативной регламентации. Решение о включении конкретного промышленного объекта в сферу контроля Фабричной инспекции принималось индивидуально, что затрудняло единообразие подходов, особенно в отношении мелких производств и кустарных промыслов. Например, деятельность Фабричной инспекции Российской империи представляла собой не только систему контрольно-надзорных мер, но и правовой механизм, охватывавший

3. Ковалева Н.В., Зозуля А.А. Промышленная безопасность по законодательству Российской Федерации: теоретико-правовой анализ // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 646–656. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-646-656. EDN AWZCQU.

широкий спектр производственных процессов — от расследования несчастных случаев до анализа перспектив развития конкретных предприятий с последующим правовым оформлением рекомендаций[4].

Как следствие, правоприменительная практика сформировала подход, согласно которому решение о подчинении конкретного предприятия надзору принималось индивидуально — на уровне Губернских по фабричным и горнозаводским делам Присутствий, с последующим согласованием на уровне Главного Присутствия. Критерием, получившим частичное нормативное закрепление, стала численность работников: при наличии менее 20 рабочих, предприятие, как правило, освобождалось от надзора, вне зависимости от применения механических двигателей или масштабов производства[5].

***Правовые формы учреждения промышленного заведения***

Учреждение промышленных предприятий в Российской империи в рассматриваемый период предполагало соблюдение установленных процедур административного и правового характера. На практике реализация права на создание заведения выражалась в подаче соответствующих прошений в компетентные ведомства — Министерство финансов, Министерство внутренних дел, Главное управление путей сообщения или Горный департамент, в зависимости от специфики будущего производства. В указанных документах заявители раскрывали сведения о характере предполагаемой деятельности, размере капитала, численности рабочих, потребностях в сырьевых и земельных ресурсах.

По результатам рассмотрения прошения уполномоченный орган принимал решение о допущении к учреждению фабрики или завода, что влекло за собой закрепление правового статуса соответствующего субъекта, а также оформление правомочий на пользование участком земли, необходимым для реализации производственной цели. Следовательно, процедура учреждения промышленного объекта выступала правовым механизмом, предшествующим предоставлению земельного участка, что позволило государству контролировать не только локализацию производства, но и правовой режим соответствующих территорий.

Общие принципы управления земельным фондом Российской империи, включая классификацию участков по принадлежности (казённые, удельные, духовные, частные и др.), а также длительное действие норм о генеральном межевании, формировали единообразие подходов к правовому оформлению земель, в том числе предоставляемых под промышленную застройку.

***Правовая структура земельного фонда и её значение для предоставления участков промышленного назначения***

Система земельных отношений в Российской империи конца XVIII – начала XX века развивалась в условиях жёстко централизованного управления. Земельный фонд воспринимался как единый ресурс, находящийся под исключительной юрисдикцией центральной власти, что предопределяло как структуру распоряжения землями, так и ограничения на участие местных органов в решении вопросов землеотвода.

Классификация земель базировалась преимущественно на признаке принадлежности. В правовых актах различались казённые земли, удельные, церковные, майоратные, земли юридических лиц, сельских обществ и частных лиц. Каждой категории соответствовал свой правовой режим, что обусловливало различия в основаниях предоставления участков, особенно под нужды промышленности. Например, земли сельских обществ, обладавших правосубъектностью, могли использоваться для общественных нужд, однако их изъятие под иные цели требовало

4. Ковалева Н.В. Надзор фабричной инспекции за промышленными заведениями Российской империи XIX — начала XX веков // Безопасность труда в промышленности. 2021. № 7. С. 92–96. DOI 10.24000/0409-2961-2021-7-92-96. EDN WVLOZQ

5. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1909 год. СПб., 1910. С. III; Устав о промышленности. СЗ РИ. Т. XI. Ч. II. Ст. 156.

согласия схода, что затрудняло процедуру землеотвода в крестьянских регионах.

Целостность системы поддерживалась благодаря длительному действию унифицированных норм, в частности в сфере межевания. Правоприменение ориентировалось на формальное закрепление границ и принадлежности участка, а не на его экономическую эффективность. Документы межевого характера — грамоты, крепости, отписки — создавали правовую определённость при передаче земли в пользование. Такая конструкция способствовала формированию стабильной нормативной среды, в рамках которой происходило выделение участков под размещение промышленных объектов.

Институциональное устройство земельного правопорядка Российской империи обеспечивало внутреннюю согласованность подходов к землеотводу. Классифицированная система видов собственности и сосредоточение полномочий в центральных органах власти создавали предсказуемую и юридически воспроизводимую модель предоставления земли для нужд промышленности, несмотря на сохранявшиеся ограничения, связанные с коллективными формами землевладения.

***Казённые, посессионные и владельческие земли: классификация и правовой режим***

Анализ правового регулирования открытия и размещения промышленных объектов неизбежно предполагает рассмотрение вопросов получения разрешения для организации фабрики или завода, выделения земельного участка, раскрытия особенностей размещения промышленных заведений в определенной местности. Важнейшим аспектом создания промышленного заведения был вопрос получения земельного участка для строительства на нем какого-либо производственного объекта. В исследуемый период приобретение землями статуса земель промышленности связано с расположением на них каких-либо производств. В этой связи, чтобы казенная стала землёй промышленности, она должна быть предоставлена для организации производства и на ней необходимо было построить завод или фабрику[6]. Земли, отведённые заводу, составляли его округу, в которую входили не только земли непосредственно под самим заводом, но и другие земли, прямо не служившие для промышленных целей[7].

Казенные заводы являлись государственными, ибо их учредителем являлось государство, при этом имущество и земля, на которой располагался завод, находилось в государственной собственности. В отношении данных предприятий устанавливалось, что «казна владеет, распоряжает и управляет принадлежащими ей мануфактурами, фабриками и заводами на праве полной собственности»[8].

Другой разновидностью промышленных заведений являлись посессионные заводы, особенностью которых являлось то, что казённая земля предоставлялась частному заводу на посессионном праве и была неотъемлемой частью завода как единой и неделимой вещи[9].

В Своде учреждений и уставов горных прямо устанавливалось, что «недвижимое имущество частных горных промыслов и заводов, имеющих от казны пособие, есть неотделяемая принадлежность оных. Никакая из сего имущества часть не может быть переукреплена иначе, как вместе со всем заводом, к которому она принадлежит». Содержатель заведения мог «переукреплять» завод, но без раздробления последнего и с разрешения Горного Департамента. Владелец посессионных горных заводов мог осуществлять перевод от одного своего завода к другому земли, леса, рудников и др. при условии предваритель-

6. «Казенный – принадлеж. казне, правительству, государству; противопол. частный, владельческий, общинный, общественный»// Даль В.И. Толковый словарь русского языка: иллюстрированное издание. М.: Эксмо, 2010. С. 402.

7. Климов Д.Ф. Правовые механизмы реализации права государственной собственности на земли промышленности в Российской Империи // Государство и право. 2007. № 11. С. 119.

8. Устав о промышленности. СЗ РИ. Т. XI. Ч. II. Ст. 86. СПб., 1887.

9. Климов Д.Ф. Указ. соч. С. 120.

ного одобрения данных действий со стороны Горного Управления, а также при утверждении Правительствующего Сената[10]. На переход фабрики, устроенной с получением необходимых разрешений, при соблюдении правила о нераздроблении недвижимого имущества по ст. 82 Устава о промышленности, особого разрешения губернского начальства не требовалось[11].

В научной литературе отмечается дискуссионный характер вопроса о возможности отнесения посессионного права к частной собственности, либо долгосрочной аренде. Можно согласиться с высказанной точкой зрения, согласно которой данное правомочие представляло собой самостоятельный вид владения, характеризовавшийся внедрением частноправовых элементов в посессионных отношениях на фоне приоритета публично-правовых, обусловленного в том числе привилегированным положением государства, имевшего возможность по своему усмотрению определять условия такого владения и осуществлять соответствующие правомочия. Также вряд ли может быть оспорен вывод об обязательственном характере посессионных отношений, выражавшимся в обязанности владельцев промышленных заведений использовать земельные участки по целевому назначению, а также осуществлять отчуждение данного имущества только с разрешения уполномоченных государственных органов[12].

***Выкуп посессионных земель в конце XIX – начале XX века***

В XIX веке немаловажным событием стала дискуссия по вопросу выкупа посессионных заводов, общая площадь которых на Урале превышала 2000000 десятин. Со стороны посессионеров-горнозаводчиков высказывалось мнение о необходимости передачи в собственность данных земель, при этом мотивировалось, что «при этих условиях горнозаводская промышленность получит достаточно широкий простор к своему развитию». Однако и не без оснований существовали опасения о преждевременности проведения операции по выкупу земель, а также о возможных серьезных неблагоприятных последствиях непродуманных действий в данном вопросе[13].

***Законодательные ограничения на владение промышленными землями иностранцами***

Максимальным объёмом прав в отношении учреждения промышленных заведений обладали русские подданные. Иногородним лицам разрешалось на территории «войска Донского» организовывать суконные фабрики и кожевенные заводы в течение 25 летнего срока со дня объявления соответствующего указа. Фабриканты, оплачивая «наем земли», при этом «не имели участия в поземельных выгодах и угодьях, собственно войсковым обывателям предоставленных»[14].

В первой половине XIX века были установлены отдельные правила для организации фабрик и заводов в городе Шлиссельбурге. Русские и иностранные подданные подавали прошение Министру Финансов с указанием, «какие именно фабрики намерены устраивать, в какой обширности, сколько под предполагаемые заведения нужно им земли, и какой капитал полагают употребить на фабрику или завод». В случае положительного решения и выделения земли последняя передавалась «в вечное и потомственное

10. Свод законов Российской Империи. Т. 7. Свод учреждений и уставов горных. Ст. 224–226. СПб., 1893.

11. Устав строительный. Издание неофициальное // СЗ РИ. Т. XII. Ч. 1. изд. 1900 г. и по прод. 1906 г. с разъяснениями Правительствующего Сената, циркулярами Министра внутренних дел, отзывами технико-строительного комитета, строительными правилами для Царства Польского и предметным алфавитным указателем. Составитель Д. Бутырский. изд. 2-е., испр. и доп. М., 1908. С. 128.

12. См.: Полуда О.Н. Законодательное регулирование посессионных отношений в России в XVIII – начале XX века: автореф. дис. ... к-та юрид. наук. Саратов, 2011. С. 5, 15, 25.

13. Стенографический отчет Государственной Думы. 1907 г. Сессия II, заседание 12, 19 марта 1907 г. С. 755–758 // Электронная библиотека Республики Карелия[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elibrary.karelia.ru (дата обращения: 07.08.2025)

14. «О дозволении иногородним лицам устройства в войске Донском суконных фабрик и кожевенных заводов» // ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XIV. Ст. 12988. СПб., 1840. С. 936.

владение учредителям фабричных заведений», при этом до устройства на ней зданий она не могла быть продана или переуступлена другому лицу. При возведении фабричных строений, учредители освобождались от обязанности «соблюдать планы и фасады, Высочайше утвержденные для жилых домов»[15].

Существовали ограничения на покупку земли иностранцами для устройства фабрик вне населенных пунктов. Так, они не могли приобретать незаселенные земли вне городов, «ни владеть ими, кроме тех мест, где сие дозволено по особенным привилегиям...». При выполнении ряда условий: запись «установленным порядком в гильдии», по истечении десятилетнего срока вступления в подданство – иностранцам разрешалось «приобретать покупкою нужные для того участки земли и в уездах»[16].

***Специальный правовой режим горнопромышленных земель***

Специфическое регулирование вводилось для отдельных видов промышленности, в том числе добывающей, в силу присущей ей особенностей использования земельных участков. Особенности правового режима казённых, посессионных и владельческих земель, находили практическое применение и в горнопромышленной сфере. С 1870 года частным лицам разрешалось осуществлять золотодобычу на землях, находившихся в ведении Кабинета Его Императорского Величества, что свидетельствует о закреплении особых правовых режимов в отраслевом разрезе[17].

Владельческие заводы, фабрики и мануфактуры составляли полную собственность тех, кому принадлежали[18]. Понятие «владельческие заводы» раскрывалось в Уставе горном, где указывалось, что к ним относятся заводы, которые учреждены и функционируют без участия казны частными лицами на землях, принадлежащих им в полной собственности[19]. Положения Устава горного о частной горнопромышленности на землях владельческих предусматривали для владельцев, решивших построить завод, необходимость уведомления об этом Горного Управления с указанием, где такой завод будет построен, а также сообщения других обязательных сведений.

Обращение «разных лиц» об отводе им в Сибирских губерниях земель «для учреждения дозволенных фабричных и разного рода промышленных заведений» имело итогом разрешение «по Всемилостивейшему пожалованию» на получение земель для организации промышленных заведений с тем условием, чтобы «на землях сих не были водворяемы люди крепостного сословия»[20].

Наличие конкуренции между различными ведомствами, заинтересованными в расширении своих полномочий, препятствовало выработке нейтральных и стабильных процедур землеотвода. Это вело к дублированию функций и ведомственной конкуренции в сфере распоряжения промышленными землями.

***Выводы в контексте современного законодательства Российской Федерации***

Анализ действующего законодательства Российской Федерации позволяет выявить институциональные элементы, сопоставимые с механизмами, характерными для правового регулирования Российской империи конца XVIII – начала XX вв. Нормы Федерального закона от «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» и Федерального закона

15. «Об устройстве в Шлиссельбурге фабрик и заводов» // ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XV. Ст. 13815. СПб., 1841. С. 615–616.

16. «О дозволении иностранцам покупать земли вне городов для устройства фабрик» // ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XIV. Ст. 12236. СПб., 1840. С. 365–366.

17. Устав горный // СЗ РИ. Т. VII. Ст. 7. СПб., 1893.

18. Устав о промышленности // СЗ РИ. Т. XI. Ч. II. Ст. 87. СПб., 1887.

19. Устав горный // СЗ РИ. Т. VII. Ст. 6. СПб., 1893.

20. «Об отводе в Сибирских губерниях под фабричные и другие заведения земли» // ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XIV. Ст. 12814. СПб., 1840. С. 795.

«О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» воспроизводят централизованную модель землеотвода, при которой решение о предоставлении земельных участков зависит от согласования с уполномоченными органами публичной власти[21]. Установление особого правового режима для резидентов особых экономических зон и территорий опережающего развития, включающего, в частности, предоставление участков без проведения торгов, выступает современным аналогом предоставления казённых земель на посессионном праве с последующим установлением обязательственного правового режима их использования. Сохраняется логика предоставления земли на условиях целевого использования в рамках публично-правового механизма.

Современное регулирование демонстрирует тенденцию к сочетанию инвестиционных, территориальных и социально-экономических критериев при принятии решений о формировании и функционировании территорий с особым правовым статусом. Сформированная система, ключевое руководство в которой осуществляет Правительство Российской Федерации, предусматривают оценку эффективности территорий опережающего развития, наличие резидентов, объём капитальных вложений, а также уровень безработицы в муниципальных образованиях как условия сохранения льготного режима. Эти положения перекликаются с имперской практикой, при которой предоставление земли под заводы сопрягалось с анализом производственного потенциала, заявленных мощностей, источников сырья и количества задействованных рабочих.

Несмотря на существенное различие в регламентации подобного рода отношений, включая легальную терминологию, в изучаемый период и настоящее время, наблюдаются некоторые общие черты распределения столь обширного земельного ресурса России для производственных целей.

Регламентация отношений в сфере выделения земельных участков под размещение промышленных объектов занимало особое место в законодательстве Российской империи XIX – начала XX веков. Упорядочивание отношений в данной области явилось закономерным процессом, способствующим формированию основы для деятельности производственных объектов на территории России и наращиванию промышленного потенциала страны. В этой связи изучение данной тематики будет способствовать дальнейшему совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Климов Д.Ф. Правовые механизмы реализации права государственной собственности на земли промышленности в Российской Империи // Государство и право. 2007. № 11. С. 119–122.

2. Ковалева Н.В. Надзор фабричной инспекции за промышленными заведениями Российской империи XIX– начала XX веков // Безопасность труда в промышленности. 2021. № 7. С. 92–96.

3. Ковалева Н.В., Зозуля А.А. Промышленная безопасность по законодательству Российской Федерации: теоретико-правовой анализ // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 646–656.

4. Ковалева Н.В. Субъекты промышленного законодательства Российской империи (XIX – начала XX в.) // Журнал российского права. 2010. № 2(158). С. 104–112.

5. Полуда О.Н. Законодательное регулирование посессионных отношений в России в XVIII – начале XX века: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 30 с.

21. Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.01.2025) // https:// www.: pravo.gov.ru (дата обращения: 05.08.2025); Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // https:// www.: pravo.gov.ru (дата обращения: 05.08.2025)

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Klimov D.F. Pravovye mekhanizmy realizacii prava gosudarstvennoj sobstvennosti na zemli promyshlennosti v Rossijskoj Imperii // Gosudarstvo i pravo. 2007. № 11. S. 119–122.

2. Kovaleva N.V. Nadzor fabrichnoj inspekcii za promyshlennymi zavedeniyami Rossijskoj imperii XIX – nachala XX vekov // Bezopasnost' truda v promyshlennosti. 2021. № 7. S. 92–96.

3. Kovaleva N.V., Zozulya A.A. Promyshlennaya bezopasnost' po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii: teoretiko-pravovoj analiz // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2022. T. 6, № 4(24). S. 646–656.

4. Kovaleva N.V. Sub»ekty promyshlennogo zakonodatel'stva Rossijskoj imperii (XIX – nachala XX v.) // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 2(158). S. 104–112.

5. Poluda O.N. Zakonodatel'noe regulirovanie posessionnyh otnoshenij v Rossii v XVIII – nachale XX veka: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Saratov, 2011. 30 s.

Л. А. ПОДОСИННИКОВА

# Правовая власть как основа правового суверенитета: проблемы теоретического осмысления

**АННОТАЦИЯ**. В данной статье осуществлён теоретический анализ некоторых аспектов взаимосвязи правовой власти и правового суверенитета. Правовая власть редко упоминается в научной литературе, однако её влияние на правовой суверенитет весьма значителен в плане формирования легитимных и легальных источников права. Существующие взгляды на данную научную проблему, не имеют необходимого теоретического объяснения. Автор попыталась объяснить природу правовой власти в контексте правового суверенитета.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: правовая власть, правовой суверенитет, право, легитимность, легальность

**ПОДОСИННИКОВА ЛЮДМИЛА АНАТОЛЬЕВНА** – кандидат юридических наук, доцент кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российского университета адвокатуры и нотариата им. Г.Б. Мирзоева (e-mail: lapodosinnikova@gmail.com).

Правовой суверенитет государства и уникальность его правовой системы неразрывно связаны с таким явлением правовой действительности как правовая власть. Правовая власть – это самостоятельное правовое явление, которое мало изучено в современной юридической науке, но очень тесно взаимодействует со всеми элементами правовой действительности и оказывает интегративное воздействие на правовую жизнь общества. Интеграция всей правовой системы в целостное образование возможно только с помощью правовой власти, которая не есть механический слепок государственной власти или её эманация, а есть относительно самостоятельное социальное и правовое явление. Именно правовая власть как органическая власть, будучи естественным продолжением правовой деятельности, порождает юридически значимые события в сфере права, «выступает реальным (фактическим) и формальным (организационно-правовым) выражением правового суверенитета государства.

Внутренний правовой суверенитет, в свою очередь, является фактором, обусловливающим уникальный облик каждой национальной правовой системы. Государство, осуществляя свое суверенное воздействие в области права, задает параметры развития не только системы законодательства, но и всей системы права в целом, оказывая влияние на правовую культуру и правосознание граждан. Юридическая практика и законотворчество являются результатом функционирования правовой системы и властно-правового воздействия, отражая изменения в обществе и адаптируясь к его потребностям[1].

В большинстве случаев, когда говорят о правовом суверенитете, то связывают его в первую очередь с государственным (политическим) суверенитетом, осуществляемым в тех или иных сферах жизни общества. Действительно, суть заключается в реализации власти и властных полномочий компетентными государственными органами в целях достижения поставленных перед госу-

1. Подосинникова Л.А. Правовой суверенитет: проблема научного обоснования // Евразийская адвокатура.2023. № 5 (64).

2. Право и политика современной России / [Мальцев Г. В., Лукашева Е. А., Нерсесянц В. С. и др.]; Науч.-исслед. ин-т правовой политики и проблем правоприменения, Рос. правовая акад. Москва : Былина, 1996. С. 5–7.

дарством задач. И речь идёт о вертикально-властных отношениях субъектов политики – госслужащих, чиновниках и других лицах. В тоже время, когда весьма редко говорят о правовой власти, то в первую очередь обращают внимание на её «правовой», т.е. правомерный, формально равный и справедливый характер в отношениях с формально-равными участниками.

Право, как социальный регулятор общественного поведения закономерно обеспечивает взаимодействие участников правоотношений, субъектов правоотношений, связывает их во взаимодействии. Императивный характер права, выраженный в общеобязательных требованиях по отношению к субъектам права, говорит о повелении, требованиях, приказах власти, что-либо исполнить в отношении других лиц. Правовая норма по своему содержанию – есть должное, а не сущее, то, что необходимо осуществить под «знаком» государства. Право говорит с людьми на языке долженствований – «ты обязан», «ты имеешь право», «тебе разрешено», «тебе запрещено». Это язык властных повелений, безусловных требований, который задает тон всему праву. Императивный стержень права подчеркивает глубокую внутреннюю связь его с властью, с авторитетом в лице государства. Право как раз и несет в себе образ абстрактно мыслимого, неперсонифицированного повелителя, который значительно отдален от субъекта правоприменения. По форме и по содержанию право есть властный феномен, нормативно-регулятивная система, устроенная на принципах власти авторитета. Поэтому «правовая власть», осуществляемая в обществе, тоже существует, однако она имеет не только повелительно-властный, обязательный, сколько часто невластный корреспондирующий и взаимно-эквивалентный характер[2].

В любом случае речь идет о совершаемых сделках, заключаемых и осуществляемых трудовых обязательствах, то ли о семейно-правовых отношениях – везде мы встречаем взаимно равных обмен и ценностно-эквивалентное взаимодействие участников правовых отношений. С одной стороны, как отмечает Г.В. Мальцев, этот особенный характер правовой власти соответствует правовой эмпирике: «... в критических ситуациях государственная власть со всеми её принудительными средствами предотвращает неисполнение правовых императивов, карает их нарушителей, восстанавливает нарушенное и т.п. С другой стороны, юридическая практика говорит о том, что право далеко не всегда, а в условиях стабильного развития общества относительно редко, работает в критическом режиме и прибегает к помощи аппарата государственного принуждения. Правовая жизнь идет своим чередом, правомочия осуществляются, обязанности выполняются без всякого реального принуждения агентов государственной власти. Это типичное положение дел в сфере частноправовых отношений, где доминирующая воля субъекта права в процессе совершения сделок выражается в действиях либо безразличных государству, либо одобренных им в самой общей форме[3].

В конечном счете, правовая власть направлена на формирование и организацию правовой системы общества, в которой правовая жизнь была бы вообще возможна. Иными словами, речь идет не только традиционно о правотворчестве, деятельности правоохранительных органов, адвокатов, нотариусов, судей и прокуроров, но и о деятельности всех субъектов, способных влиять на действующее право и правовую практику, правовое поведение людей и организаций.

Правовая власть наряду с экономической, социальной, политической, культурной

3. Право и политика современной России, С. 8.

и другими разновидностями социального властного принуждения представляет собой самостоятельное явление объективной действительности. Исторически в науке выделяли потестарную (родовую) власть как первооснову разнообразных властных проявлений (от лат. potestas – власть), в широком смысле – любая система властно-управленческой деятельности. Правовая власть же представляет собой более развитый вид властных способностей, содействуя с помощью права организации правовой жизни и правовой системы в целом.

Правовая власть рассматривалась в связи с исследованием правовых институтов, отношений и структур общества, правовых статусов (ролей) различных групп, взаимодействующих в процессе удовлетворения своих потребностей социальных благ[4]. В науке, очевидно, существует потребность объяснить взаимодействие права с различными видами социальной власти (нравственной, религиозной, политической, экономической и культурной (эстетической), образовательной, информационной и др.)[5].

Правовая власть представляет собой разновидность социальной власти, связанную с правом, ибо право – это наиболее эффективный способ регулирования, т.е. воздействия на социальные отношения, решения конфликтов и улаживания социальных проблем, соответствующий определенным условиям социально-экономической и политической реальности в конкретном обществе. Правовой суверенитет выступает как основа независимости и самобытности правовой системы, составляет собой основную ткань правовой жизни, которая имеет свои характеристики, в том числе пространственно-правовые. Обогащаемая обществом, благодаря праву, правовая власть как органическая власть горизонтальных связей выступает как основа взаимодействия формально-равных участников правовых отношений.

Правовая власть отражает сложную социальную действительность – систему формально-равного взаимодействия граждан, организаций, государства в правовой сфере, когда каждый день люди организуют собственные юридически значимые действия – ходят на работу, покупают товары и удовлетворяют свои потребности, совершают разнообразные действия по покупке автомобилей, жилья, летают в другие страны в отпусках и т.д. Иными словами, правовая власть призвана показать системную организованность субъектов правовых отношений, процедуры реализации права, осуществление прав и обязанностей, а также сложившуюся и противоречивую правовую деятельность в правовой системе общества. Как отмечается в научной литературе: «как однопорядковое явление общественной, экономической, культурной, духовной, религиозной власти, понятие правовой власти используется весьма редко для понимания способностей, роли и функционирования правовой жизни и правовой системы в конкретно-исторических условиях.

Правовая власть во взаимодействии с правовым суверенитетом позволяет увидеть основания, источники, возможности субъектов правоотношений. Правовая власть позволяет организовать функционирование правовой системы, создание законодательства и правотворческих процедур, формирования правовой культуры и правовой деятельности, аксиоматические особенности правового менталитета общества, режим законности и правопорядка, в целом правовую атмосферу общества, правовые ожидания и реальное поведение людей в правовой сфере, характер действия права, отношение к власти и к праву. Можно сказать,

4. См.: Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр.; отв. ред. перевода, сост., и послесл. Н. А. Шматко. М., 2007.

5. См.: Малько А.В. Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики: монография / А.С. Анисимова, С.Ф. Афанасьев, З.С. Байниязова [и др.] / под ред. А.В. Малько. Москва: Проспект, 2016. 488 с.

что правовая власть отражает особенности и способности организации правовой жизни[6].

Правовая власть выражает специфику взаимодействия правовых чувств, событий, которая не менее разнообразна и драматична, а в определенном смысле даже более многопланова и насыщена, чем в других областях, поскольку именно в правовой сфере постоянно возникают и разрешаются всевозможные социальные коллизии, происходят острые столкновения добра и зла, человеческих судеб с законом[7].

Правовая власть должна быть рассмотрена с позиции правового суверенитета её участников, которые реализуя свои субъективные юридические права и субъективные юридические обязанности, достигая своих целей и удовлетворяя свои интересы. Участники правовых отношений наделяются определёнными статусами, ролями и функциями в обществе. Выполняя их люди, организации и компании участвуют в правовой жизни, заключая многочисленные договоры, трудовые соглашения, брачные контракты и т.п. Этот поток и объем действий формирует правовую практику, опыт жизнедеятельности, который в свою очередь закрепляется в юридически значимых актах – обзорах практики и постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, решениях Конституционного Суда РФ, повседневной практике судов общей юрисдикции и т.д.

Правовая власть показывает те источники, которые обусловливают создание права, правовой жизни и правовой системы. Правовая власть по отношению к правовому суверенитету выступает как первооснова права и правовой деятельности участников правоотношений. Речь идет о том, что правовая деятельность объективно подчинена пространство-временному континууму. Иначе говоря, правовую власть можно оценить сквозь призму субъектности лиц – статуса, роли, функций, способностей.

Пространственные, социальные и временные характеристики практически любой социально значимой деятельности всегда имели значение для формирования правопорядка и реализации права. В них всегда видели практическую сторону права и правовых явлений: длительность, формализованность, интенсивность, непрерывность, протяжённость, дискретность, трансграничность, информационность, нормативность и т.д. Посредством права «фиксировали» самые разнообразные социальные обстоятельства, события и процессы: чёткие территориальные и хрональные (временные) совершения дозволенных, поощряемых, рекомендуемых, либо необходимых действий субъектов, наступление по их истечению определённых юридических последствий.

В каком-то смысле речь идет о тех особенностях и возможностях, которые есть в праве как форме и способе социального взаимодействия: благодаря реальным властным действиям, поступкам и правовой деятельности людей, выступающих в качестве участников, моделируемой (воображаемой) реальности формируется определённая среда правового общения. В этой реальности происходит правовая социализация личности – она приобретает своеобразные качества (роли и функции), юридические (маски), в процессе осуществления правовой деятельности, т.е. специфической социальной активности направленной на получение социально значимого результата. Отсюда, огромное значение отводится той роли и функциям, которую приобретает сама личность в процессе осуществления правовой деятельности в определённой социальной среде, придавая определённый смысл этим поступкам[8].

---

6. См.: Малько А.В., Трофимов В.В. Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации: монография. Москва: ЮСТИЦИЯ, 2020.

7. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Саратовский университет, 1987. С. 17.

8. Шагиева Р. В., Казаков В.Н. Человек в правовой сфере: личностно-деятельностный подход. Москва: Норма: Инфра-М, 2015. С. 35.

В своё время В.Н. Протасов применительно к правоотношениям отмечал, что суть правового регулирования как раз и заключается в формировании правовых структур, установлении целесообразных отношений между субъектами в определённой социальной сфере через предоставление им субъективных прав и возложение юридических обязанностей, чтобы вызвать нужное поведение. «В результате правового воздействия социальная среда становится как бы пронизанной целесообразными правовыми отношениями, наполняется правовой структурой, что служит основой, своего рода двигателем правомерной деятельности. Если между субъектами уже существует взаимодействие, то в зависимости от потребностей общества можно через установление определённой правовой связи это взаимодействие стабилизировать, закрепить или изменить, а при необходимости прекратить, вытеснить. В подобных случаях, наряду с уже существующей социальной связью, создаётся новая, дополнительная связь – правовая. И каждая из них в своей мере оказывает влияние на поведение людей»[9].

Человек принадлежит обществу, социализируясь в нем, активно проявляя себя как социальный индивид, который действует и развивается в соответствии с закономерностями, свойственными общественным процессам. И только будучи социальным индивидом, он становится и правовым субъектом, поскольку «социальное» в нем есть преобразованная форма бытия нормативной предметности. В противном случае, человек не стал бы полноценным членом общества, гражданином государства, если не следовал юридическим нормам, не организовал свою индивидуальную жизнь в соответствии с нормативно-правовыми установлениями[10].

Правовая власть всегда связана с правом как нормативно-регулятивной системой и в этом смысле исходит от властного и суверенного субъекта. Именно право способствует тому, что субъекты правоотношений включаются поле общих правовых предписаний. Властно-правовой субъект, обладающий правовой суверенностью обладает правовой властью как принудительным механизмом, при котором государство, в основном именно оно, воздействует на общество с его помощь, с помощью правовых средств воздействия, вызывая правомерное поведение участников общественных отношений. Правовая власть основывается на началах законности, справедливости, формальном равенстве, целесообразности, разумности, ответственности, демократизме, гуманизме, ответственности сторон и др.

Правовая власть – это способность осуществлять деятельность, направленную на организацию правовой жизни общества и придание ей независимости, самобытности и справедливости. С точки зрения системного метода – это комплекс таких элементов, как: субъект деятельности, объект деятельностного воздействия, цель и мотивы деятельности, форма и способ, принципы и результат. Во всех этих элементах выражена взаимосвязанность и организованность правовой жизни.

Правовая власть – связана со сферой реализации права в обществе и без правового суверенитета практически невозможна; «компонент», благодаря которому люди вступают в правовые отношения, заключают сделки, выносятся приговоры, расследуются преступления, назначаются штрафы, осуществляется правотворчество, повышается правовая культура и многое другое. Правовая власть связывает участников правового общения невидимыми нитями правовых отношений, в которых и реализуются права и обязанности.

Правовая власть проявляется в правовых отношениях, существующих в обществе и осу-

9. Протасов В.Н. Правоотношение как система. Москва: Юрид. лит., 1991. С. 58.

10. Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005. С. 75.

ществляемых различными субъектами в социальном обмене. Правовая власть осуществляется всеми субъектами публично-правовой и частноправовой сферы правового регулирования. Этими субъектами могут быть граждане, общественные организации, церковь, профсоюзы, политические партии и т.д. Данные лица и организации обладают определёнными правами и обязанностями как участники этой правовой деятельности, которые они реализуют в многочисленных правоотношениях.

Правовая власть направлена на организацию законодательной основы функционирования государства и общества. Без правовой власти, которая способствует организации правовой политики не только сложно сформировать действующую и гармоничную систему законодательства, но и обеспечить нормальное функционирование всей правовой системы общества и формирование нормального правопорядка. Правовая власть, по сути, выступает связующим звеном между субъектами правовых отношений, поддерживающими слаженное функционирование и легитимность всей правовой системы. Правовая власть как раз и выступает как связующая основа правовой системы и независимости правовой жизни. Правовой суверенитет в этом свете как раз и проявляется как самобытность и независимость правовой системы, её базовых начал.

В научной литературе в тоже время выделяют разнообразные виды правовой (юридической) власти, в зависимости от критерия выделения: По субъектному составу можно выделить: законодательную власть, судебную, административную, правоприменительную, процедурно-процессуальную, судебно-криминалистическую, нотариальную, правозащитную и т.д. По сферам правового регулирования: гражданско-правовая; семейно-правовая; земельно-правовая и т.д.

Всё эти виды правовой власти наполнены собственным содержанием и особенностями, касающиеся собственного субъектного состава, объекта функционального воздействия, принципов, специфики деятельности, актами и т.д. Однако правовая власть не существует сама по себе, а основывается на праве и придаёт субъектам правоотношений независимость, самостоятельность и автономность в удовлетворении своих потребностей и интересов правовым способом. Правовая власть призвана показать, как организуется правовая жизнь общества и правовая система, её правовые качества и способности, а также сама правовая система общества как слаженный функционирующий социальный механизм. Правовой суверенитет основывается на своеобразии правовой жизни конкретного общества, отношениями участников правовой деятельности, связанных особым образом – горизонтальной органической правовой властью. В отличие от публичной политической власти, имеющей организационный характер, правовая власть непосредственна и приватна.

Таким образом, правовая власть в контексте теории правового суверенитета представляет собой такой вид властно-правового воздействия, которая всецело направлена на постоянное управление всеми правовыми процессами в обществе – правотворчеством, правореализацией, правосудием, правопорядком, правоотношением, правосознанием и правовой культурой. Правовая власть всей своей связующей основой выступает как интегративное качество всей правовой системы, где правовой суверенитет выступает независимостью, самобытностью и приверженностью всех участников праву, традициям и ценностям, потому как без правовой власти (фактически властью права) невозможно существование правовой системы целостного правового образования. В любом случае, правовой суверенитет выражается в преемственности исторического развития, самобытностью правовой культуры и самостоятельностью правового мышления участников правовых отношений.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с фр.; отв. ред. перевода, сост., и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 576 с.
2. Малько А.В. Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики: монография / А.С. Анисимова, С.Ф. Афанасьев, З.С. Байниязова [и др.] / под ред. А.В. Малько. Москва: Проспект, 2016. 488 с.
3. Малько А.В., Трофимов В.В. Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации: монография. Москва: ЮСТИЦИЯ, 2020. 235 с.
4. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Саратовский университет, 1987. 294 с.
5. Подосинникова Л.А. Правовой суверенитет: проблема научного обоснования // Евразийская адвокатура. 2023. № 5 (64). С. 98–105.
6. Право и политика современной России / [Мальцев Г. В., Лукашева Е. А., Нерсесянц В. С. и др.]. Москва: Былина, 1996. 215 с.
7. Протасов В.Н. Правоотношение как система. Москва: Юрид. лит., 1991. 141 с.
8. Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2005. 310 с.
9. Шагиева Р.В., Казаков В.Н. Человек в правовой сфере: личностно-деятельностный подход. Москва: Норма : Инфра-М, 2015. 207 с.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Burd'jo P. Social'noe prostranstvo: polja i praktiki / Per. s fr.; otv. red. perevoda, sost., i poslesl. N.A. Shmatko. M.: Institut jeksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejja, 2007. 576 s.
2. Mal'ko A.V. Pravovaja zhizn' obshhestva: problemy teorii i praktiki: monografija / A.S. Anisimova, S.F. Afanas'ev, Z.S. Bajnijazova [i dr.] / pod red. A.V. Mal'ko. Moskva: Prospekt, 2016. 488 s.
3. Mal'ko A.V., Trofimov V.V. Pravovaja zhizn' obshhestva kak ob#ekt pravovoj politiki v uslovijah globalizacii i regionalizacii: monografija. Moskva: JuSTICIJa, 2020. 235 s.
4. Matuzov N.I. Pravovaja sistema i lichnost'. Saratov: Saratovskij universitet, 1987. 294 s.
5. Podosinnikova L.A. Pravovoj suverenitet: problema nauchnogo obosnovanija // Evrazijskaja advokatura. 2023. № 5 (64). S. 98–105.
6. Pravo i politika sovremennoj Rossii / [Mal'cev G. V., Lukasheva E. A., Nersesjanc V. S. i dr.]. Moskva: Bylina, 1996. 215 s.
7. Protasov V.N. Pravootnoshenie kak sistema. Moskva: Jurid. lit., 1991. 141 s.
8. Shagieva R.V. Koncepcija pravovoj dejatel'nosti v sovremennom obshhestve. Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2005. 310 s.
9. Shagieva R.V., Kazakov V.N. Chelovek v pravovoj sfere: lichnostno-dejatel'nostnyj podhod. Moskva: Norma : Infra-M, 2015. 207 s.

В.В. ВАРМУНД

# Сделкоспособность как элемент правосубъектности физического лица

**АННОТАЦИЯ**. В статье рассмотрена сделкоспособность как элемент правосубъектности, также охарактеризованы структура, связи, целостность, единство элементов правосубъектности. Сделкоспособность рассматривается как возможность (способность) лица совершать сделки, выступать стороной в договорах, и определять состоятельность персоны в сфере заключения сделок.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: сделкоспособность,правоспособность, дееспособность, правосубъектность, правоотношение, физическое лицо, субъект права, сделка.

**ВАРМУНД ВИКТОРИЯ ВСЕВОЛОДОВНА** – старший преподаватель кафедры нотариата и гражданско-правовых дисциплин Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева (РУАН) (e-mail: vik_v@bk.ru).

Правосубъектность выступает как сложная система, состояние которой зависит от большого числа взаимосвязанных факторов. Конструкция отражает государственно-правовую действительность, правомочия, законные интересы, степень правовой защищенности субъектов права и их права и обязанности, юридическую ответственность[1].

Наличие нескольких ведущих научных школ (правовая школа классического права, школа социологического права, философская, политико-правовая школа) – подчёркивают роль государства и политической системы в формировании правосубъектности и выделяют её структуру[2].

Правосубъектность – способность лица иметь и осуществлять, непосредственно или через своих представителей, субъективные права и юридические обязанности, то есть выступать субъектом правоотношения. Осуществление в системе права правосубъектности физических лиц, заключается в волеизъявлении, которое наполняет правосубъектность лиц правомочным содержанием[3].

В законодательстве Российской Федерации правосубъектность связана с понятием сделкоспособности. Сделкоспособность – это способность физического лица совершать гражданско-правовые сделки, в том числе заключать и исполнять договоры, и иметь имущественные права и обязанности.

Юридическое определение сделкоспособности включает ряд требований. В частности, для достижения сделкоспособности необходимо наличие совершеннолетия, нормального психического состояния.

По мнению А.Ю. Верина, сделкоспособность имеет важное значение в правовой системе, поскольку от неё зависит правовая защищенность и ответственность сторон в гражданско-правовых отношениях. Неспособные совершать сделки лица признаются ограниченно или полностью недееспособными и нуждаются в дополнительной защите от возможного противоправного поведения со стороны других лиц[4].

В законодательстве Российской Федерации содержатся нормы, которые определяют сферу дееспособности физических лиц, их права и обязанности. Также в законодательстве детально регулируются случаи, когда считается, что сделка совершена недееспособным лицом, и какие последствия возникают в таких случаях.

---

1. Вармунд В. В. Конструкция правосубъектности физического лица в структуре правоотношений // Образование и право. 2025. № 1. С. 512.
2. Вармунд В. В. Понятие и структура правосубъектности в теории права // Евразийский юридический журнал. 2024. № 4(191). С. 65.
3. Вармунд В.В. Теоретико-правовые аспекты правосубъектности // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 22. М.: ООО «Издательская группа «Юрист», 2022. С. 17.
4. Верин А.Ю. Правовой статус несовершеннолетнего и особенности его реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. С. 5.

Юридическое определение сделкоспособности впервые было сформулировано В. П. Шахматовым в 1967 году: «Полная сделкоспособность возникает с достижением совершеннолетия»[5], «сделкоспособность входит в состав сделки в качестве субъективного признака»[6], как элемент дееспособности, определяющая способность лица совершать те или иные гражданско-правовые действия. В последующем в определение сделкоспособности было внесено уточнение, как возможность самостоятельно заключать сделки.

Термин «сделкоспособность» используется в комментариях к ГК РФ, и он прочно вошёл в теорию и практику. Сделкоспособность отличается от понятия дееспособности двумя основными критериями:

1) способность лица понимать значение своих действий и руководить ими только на определённом ограниченном отрезке времени в юридически значимый период;

2) отнесение сделкоспособности к конкретному гражданскому акту – совершению сделки.

Судебно-экспертная оценка сделкоспособности является важным инструментом правовой системы, который применяется в целях определения способности лица совершать юридически значимые действия. Одним из ключевых моментов в данной оценке является определение момента, на который она ретроспективно направлена[7].

В соответствии со статьей 177 Гражданского кодекса РФ, сделкоспособность определяется с учётом уже совершенного действия. Это означает, что при проведении судебно-экспертной оценки сделкоспособности, суд рассматривает фактически совершенные сделки и их последствия для лица, к которому применяется такая оценка[8].

Однако, следует отметить, что при установлении недееспособности проводится проспективное оценивание способности лица понимать значение своих действий и руководить ими в будущем. То есть, анализируются возможности и особенности поведения и принятия решений данного лица в будущем, а не только уже совершенные им действия.

Отличие между установлением сделкоспособности и недееспособности заключается в том, что в первом случае оценивается способность совершать сделки на основе уже совершенных действий, а во втором случае анализируются принципы и предпосылки принятия решений в будущем.

Судебно-экспертная оценка сделкоспособности имеет большое значение для обеспечения справедливости и защиты интересов сторон в сделках. Она позволяет определить, была ли сторона способна осознанно и свободно совершить сделку, или же она была подвержена внешнему воздействию, ограничению волеизъявления или нахождению в состоянии, исключающем возможность осознания последствий своих действий[9].

Ретроспективная оценка сделкоспособности в рамках статьи 177 ГК РФ и проспективная оценка при установлении недееспособности являются различными подходами в определении способности лица совершать сделки. Каждый из этих подходов имеет свои особенности и цели, и оба являются важными инструментами для обеспечения справедливого и законного обращения с объектами гражданского оборота.

Поддерживаем мнение Ю.О. Переправиной[10], что разграничение дееспособности и сделкоспособности обусловлено двумя важными различиями:

1. Дееспособность определяется исключительно психическим состоянием и возрастом лица. В отличие от этого сделкоспособность включает в себя ретроспективную оценку определённого юридически значимого действия.

---

5. Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. Томск : Изд-во Томского университета,1967. С. 63.

6. Шахматов В.П. Указ. соч. С. 65.

7. Вилкова Т.Ю., Масленникова Л.Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 729.

8. Переправина Ю.О. Отечественные и зарубежные подходы к изучению сделкоспособности // Прикладная юридическая психология. 2021. № 3(56). С. 95.

9. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica. 2019. № 5. С. 94.

10. Переправина Ю.О. Отечественные и зарубежные подходы к изучению сделкоспособности // Прикладная юридическая психология. 2021. № 3(56). С. 94.

Другими словами, человек должен быть в состоянии осознавать и понимать последствия своих действий. Например, неприкосновенность частной жизни и личной свободы гарантируются каждому, но, если человек находится в состоянии психического расстройства или имеет недостаточный возраст, его дееспособность может быть ограничена. Сделкоспособность, с другой стороны, включает в себя более широкую оценку определенного юридически значимого действия. Это означает, что при рассмотрении действий, совершенных лицом, должны быть учтены их последствия и общественная значимость.

2. Сделкоспособность основывается на осознании и регулировании своего поведения на смысловом и целевом уровнях правоотношения.

Это означает, что лицо должно быть способно осознавать и оценивать свои действия с точки зрения их значимости и последствий для других людей, и общества в целом. Например, если человек совершает действие, которое нарушает права и интересы других людей, то его сделкоспособность может быть ограничена. Т.е., сделкоспособность требует высокого уровня самосознания и понимания социальных норм и регуляций.

В целом, разграничение дееспособности и сделкоспособности играет важную роль в правосубъектности, так как позволит определить осознанность и ответственность лица за свои действия.

Согласно точке зрения И.В. Бекленищевой, сделкоспособность входит в правоспособность лица заключать юридические сделки, иметь гражданские права и нести обязанности, признается у граждан с момента достижения ими совершеннолетия. Поэтому она является основным атрибутом правосубъектности в РФ[11].

Однако, сделкоспособность может быть ограничена или лишена в случаях, предусмотренных законодательством. Например, недееспособными признаются несовершеннолетние граждане до достижения 18-летнего возраста. Им необходимо иметь дополнительное разрешение, например, родительское или судебное, для заключения юридической сделки. Такие ограничения сделкоспособности являются проявлением правосубъектности в законодательстве.

В.М. Шамаров обозначил, что понятие «порок воли» также неразрывно связано с правосубъектностью. Порок воли представляет собой нарушение волевого акта при заключении сделки. Это может быть вызвано внешними обстоятельствами, воздействием обмана, принуждением или другими неправомерными действиями сторон. В таких случаях, сделка может быть признана недействительной или оспорена в судебном порядке. Порок воли является способом защиты правосубъектности и гарантией справедливости в заключении юридических сделок[12].

В юриспруденции понятие «порок воли» включено в институт сделкоспособности, рассматривается, как обобщающее понятие, определяющее условия недействительности юридических действий. Для системного подхода к сделкоспособности, прежде всего, необходимо рассмотреть общие правила.

С.В. Волкова подразделяет сделкоспособность на две части: «способность лица понимать значение своих действий и способность руководить этими действиями»[13].

Таким образом, «пороки воли» должны адаптироваться к конкретной цели договора – сделка является актом распоряжения: стороны, могут отказаться от судебного иска в отношении спора, если докажут, что на момент заключения сделки они обладали сделкоспособностью.

В случае судебных исков обязанность суда состоит в том, чтобы удостовериться в выполнении условий для действительного заключения сделки.

---

11. Бекленищева И.В. Неклассический подход к понятию гражданско-правового договора: концепция договора как обещания // Цивилистические записки. 2004. Вып. 3. С. 367.

12. Шамаров В.М. Актуальные проблемы российской теории права. М.: Альфа-М, 2015. С. 61.

13. Волкова С.В. Особенности судебной экспертизы порока воли в рамках гражданского судопроизводства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-4. С. 43.

Таким образом, прежде чем признать отсутствие «пороков воли», суд обязан рассмотреть, не является ли порок сделки результатом порока воли, стремились ли стороны обойти закон, если это не сделано с целью нанесение ущерба общим интересам или третьим лицам.

А.А. Федорченко и Е.В. Федорченко отмечают, что для совершения сделки стороны должны обладать полной дееспособностью, так как дееспособность состоит из двух составляющих: способность совершать сделки – «сделкоспособность» и отвечать за неправомерные действия – «деликтоспособность». Также можно выделить способность распоряжаться правами, которые составляют объект договора. Те, кто не обладает такой способностью, могут совершать сделки только в порядке, предусмотренном законом, поскольку взаимные уступки сторон, их отказы эквивалентны актам распоряжения. Поэтому, стороны на момент заключения сделки должны обладать полной дееспособностью[14].

Важным моментом являются условия для проявления воли и её искажения при заключении сделки. Согласно общим правилам о волеизъявлении сторон, связанных соглашением, согласие должно существовать, исходить от лица, быть свободным, сознательно выраженным, иметь намерение к взаимным уступкам. Если сделка является оспоримой, судья проверит «наличие волеизъявления».

Следовательно, если лицо не выразило действительного согласия на заключение сделки, и его согласие было искажено пороком в отношении юридической природы документа (сделка, совершённая под влиянием заблуждения или давлением со стороны), с деструктивной волей, то это означает абсолютную недействительность заключённого юридического акта (сделки или договора).

Сделка не может совершаться без волеизъявления (действия). Если такого совпадения нет, то нужно понимать, что будет иметь определяющее значение воля или волеизъявление.

Когда воля сторон, способных формировать и сформировавших эту волю, надлежащим образом согласована и подтверждена, договор, как правило, считается действительным.

Так, многочисленные случаи, при которых возможно изменение или расторжение сделок демонстрируют очевидность того, что такой принцип, как pacta sunt servanda (договоры должны соблюдаться), а равно и общее моральное требование исполнения обещаний (договор в этом контексте можно понимать, как «двустороннее обещание») не являются абсолютными[15]. Волевая способность человека имеет свои пределы. В итоге, с учётом презумпции доброты и вместе с тем ограниченности воли обеих сторон, решающим фактором оказывается нарушенный интерес[16]. Постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 выработано понятие несправедливого договора (сделки). В подобных случаях воля каждого участника договора, быть может, и выражена относительно свободно и недвусмысленно, но этого всё-таки недостаточно для торжества справедливости[17].

Предпосылки к отсутствию у лица сделкоспособности: психическое состояние, внешние факторы, которые влияют на лицо, стечение тяжёлых обстоятельств. Раскрытие условий, при которых сделка как правовой акт признаётся не действительной, а вернее анализ наличия сделкоспособности позволяет сделать следующую классификацию.

В ст. 29, 171 Гражданского кодекса Российской Федерации не закреплён медицинский критерий (психологический момент) при совершении сделки.

---

14. Федорченко А.А., Федорченко Е.В. Правовое пространство: концептуальные теоретические основы: монография. М.: Издательство Юрайт, 2020. С. 55.

15. Бекленищева И.В. Неклассический подход к понятию гражданско-правового договора: концепция договора как обещания // Цивилистические записки. 2004. Вып. 3. С. 365.

16. Шавеко Н.А. Справедливость договора: основные начала // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2022. Т. 19. № 1. С. 17.

17. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и её пределах». Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.07.2025).

Признание отсутствия сделкоспособности должно касаться существенных элементов сделки: прав и обязанностей, предмета сделки, других существенных условий.

Как говорит Г. Кельзен, «воля и интерес в большей или меньшей мере всегда отождествляются (то есть считается, что то, чего человек «желает», выражает его интересы»), лицо и воля совершенно тождественны, ведь лицо в юридическом смысле есть – воля»[18]. Вменить какое-либо деяние субъекту – значит признать это деяние, как желаемое им, или ядром субъекта, то есть связать вопрос вменения с волей субъекта, и признать эту последнюю центром вменения. Разговаривая о воле, мы должны рассматривать не каузальный психический процесс, в результате которого совершается то или иное действие, а нормативный, не психологическую волю, а этико-юридическую, которая по своему существу есть корреляция вменения.

В исследованиях В.Н. Синюкова, обозначено, что свобода воли, как философская категория означает философско-этическую проблему – самоопределяется или детерминирован человек в своих действиях, действует он под влиянием внешних факторов (принуждения) или вследствие внутренних побуждений разума[19].

Воля складывается из двух элементов:

а) внутренних (борьба мотивов);

б) внешних (преодолений трудностей), таким образом, очевидно, что понимание воли в праве и психологии имеют значимые различия.

Одно из обоснований сделкоспособности можно увидеть в работах О.А. Красавчикова[20], который указывал, что сделкоспособность объясняется уровнем интеллектуальной и волевой зрелости человека, его способности понимать значение своих действий и руководить ими.

Стоит отметить, что два таких понятия, как сделкоспособность, а также дееспособность очень схожи между собой, но у них имеются отличия, а именно, дееспособность определяется, как способность конкретного лица осуществлять определённые действия для реализации, либо приобретения личных гражданских прав. Сделкоспособность является элементом правосубъектности и определяет состоятельность персоны в сфере заключения сделок.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бекленищева И.В. Неклассический подход к понятию гражданско-правового договора: концепция договора как обещания // Цивилистические записки. 2004. Вып. 3. С. 364–389.

2. Вармунд В.В. Теоретико-правовые аспекты правосубъектности // Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 22. М.: ООО «Издательская группа «Юрист», 2022. С. 16–20.

3. Вармунд В.В. Конструкция правосубъектности физического лица в структуре правоотношений // Образование и право. 2025. № 1. С. 512–515.

4. Вармунд В.В. Понятие и структура правосубъектности в теории права // Евразийский юридический журнал. 2024. № 4(191). С. 65–66.

5. Верин А.Ю. Правовой статус несовершеннолетнего и особенности его реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. 29 с.

6. Вилкова Т.Ю., Масленникова Л.Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 728–751.

7. Волкова С.В. Особенности судебной экспертизы порока воли в рамках гражданского судопроизводства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-4. С. 43–45.

8. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica. 2019. № 5. С. 91–104.

9. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб., 2015. 540 с.

10. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 37–39.

18. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб., 2015. С. 366.

19. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию: монография. 2-е изд., доп. М: Норма: ИНФРА-М, 2021. С. 29.

20. Красавчиков О.А. Гражданская правосубъектность как правовая форма. Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М., 2005. С. 494; Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 37–39.

11. Красавчиков О.А. Гражданская правосубъектность как правовая форма. Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М., 2005. 494 с.

12. Переправина Ю.О. Отечественные и зарубежные подходы к изучению сделкоспособности // Прикладная юридическая психология. 2021. № 3(56). С. 93–100.

13. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию: монография. 2-е изд., доп. М: Норма: ИНФРА-М, 2021. 672 с.

14. Федорченко А.А., Федорченко Е.В. Правовое пространство: концептуальные теоретические основы: монография. М.: Издательство Юрайт, 2020. 200 с.

15. Шавеко Н.А. Справедливость договора: основные начала // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2022. Т. 19. № 1. С. 13–24.

16. Шамаров В.М. Актуальные проблемы российской теории права М.: Альфа-М, 2015. 189 с.

17. Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. Томск: Изд-во Томского университета,1967. 310 с.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Beklenishcheva I.V. Neklassicheskij podhod k ponyatiyu grazhdansko-pravovogo dogovora: koncepciya dogovora kak obeshchaniya // Civilisticheskie zapiski. 2004. Vyp. 3. S. 364–389.

2. Varmund V.V. Teoretiko-pravovye aspekty pravosub»ektnosti // Nauchnye trudy. Rossijskaya akademiya yuridicheskih nauk. Vypusk 22. M.: OOO «Izdatel'skaya gruppa «Yurist», 2022. S. 16–20.

3. Varmund V.V. Konstrukciya pravosub»ektnosti fizicheskogo lica v strukture pravootnoshenij // Obrazovanie i pravo. 2025. № 1. S. 512–515.

4. Varmund V.V. Ponyatie i struktura pravosub»ektnosti v teorii prava // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2024. № 4(191). S. 65–66.

5. Verin A.Yu. Pravovoj status nesovershennoletnego i osobennosti ego realizacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. Nauk. Kazan', 2017. 29 s.

6. Vilkova T.Yu., Maslennikova L.N. Zakonnost' i unifikaciya v ugolovnom sudoproizvodstve: ot blankov processual'nyh dokumentov k elektronnomu ugolovnomu delu // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2019.Vyp. 46. S. 728–751.

7. Volkova S.V. Osobennosti sudebnoj ekspertizy poroka voli v ramkah grazhdanskogo sudoproizvodstva // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2020. № 11-4. S. 43–45.

8. Voskobitova L.A. Ugolovnoe sudoproizvodstvo i cifrovye tekhnologii: problemy sovmestimosti // Lex russica. 2019. № 5. S. 91–104.

9. Kel'zen G. Chistoe uchenie o prave. 2-e izd / per. s nem. M.V. Antonova i S.V. Lyozova. SPb., 2015. 540 s.

10. Krasavchikov O.A. Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave. M., 1958. S. 37–39.

11. Krasavchikov O.A. Grazhdanskaya pravosub»ektnost' kak pravovaya forma. Kategorii nauki grazhdanskogo prava. Izbrannye trudy: V 2 t. T. 2. M., 2005. 494 s.

12. Perepravina Yu.O. Otechestvennye i zarubezhnye podhody k izucheniyu sdelkosposobnosti // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2021. № 3(56). S. 93–100.

13. Sinyukov V.N. Rossijskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshchuyu teoriyu: monografiya. 2-e izd., dop. M: Norma: INFRA-M, 2021. 672 s.

14. Fedorchenko A.A., Fedorchenko E.V. Pravovoe prostranstvo: konceptual'nye teoreticheskie osnovy: monografiya. M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2020. 200 s.

15. Shaveko N.A. Spravedlivost' dogovora: osnovnye nachala // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2022. T. 19. № 1. S. 13–24.

16. Shamarov V.M. Aktual'nye problemy rossijskoj teorii prava M.: Al'fa-M, 2015. 189 s.

17. Shahmatov V.P. Sostavy protivopravnyh sdelok i obuslovlennye imi posledstviya. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta,1967. 310 s.

А.Н. ЛЕВУШКИН

# Денежная компенсация, взыскание убытков и неустойка как меры ответственности и способы защиты в корпоративных правоотношениях

**АННОТАЦИЯ**. Важно отметить, что в большинстве случаев рассматриваемые в настоящей статье способы защиты корпоративных прав требуют применения их в системе с другими способами. Это объясняется многогранной природой и динамикой корпоративных правоотношений. Предполагается, что в рамках корпоративных правоотношений эффективная защита законных прав и интересов участников корпорации и третьих лиц осуществляется с использованием таких правовых механизмов, как денежная компенсация, взыскание убытков и неустойки, безусловно с учётом специфики корпоративных управленческих правоотношений.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: юридические лица, корпоративные правоотношения, меры ответственности, денежная компенсация, взыскание убытков, неустойка, корпорации, способы защиты.

**ЛЕВУШКИН АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Ульяновского государственного университета; профессор департамента права института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета; профессор кафедры правого регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (e-mail: lewuskin@mail.ru).

Российский бизнес и частные лица обоснованно полагаются на устойчивость экономических и гражданско-правовых отношений, доверие к сделкам и договорам с целью планирования своих юридических действий и управления предпринимательскими рисками[1]. Способы защиты прав участников корпорации, закреплённые в гражданском законодательстве, имеют весьма эффективную форму реализации. Их применение способствует оптимальному использованию финансовых ресурсов компании и преодолению возможных препятствий для ведения бизнеса в рамках корпорации. Как известно, частноправовые способы защиты корпоративных прав получили своё закрепление в ст. 12 ГК РФ. Полагаем, что закреплённые в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ)[2] способы представляют из себя общие способы защиты в том числе и корпоративных прав. Так как они являются универсальными, значит подходят и для защиты корпоративных отношений. Единого мнения в отношении природы способов защиты корпоративных прав в науке до сих пор не выявлено.

Существует суждение, что специальных способов защиты, применимых лишь к корпоративным отношениям, выделить в практике не удается. Например, такой способ защиты как, восстановление положения существовавшего до нарушения права, при применении его к корпоративным отношениям будет «трансформирован» в восстановление корпоративного контроля. Убеждены, что для защиты корпоративных прав необходимо использовать как общие, так и специальные способы защиты, так как универсальные (общие) способы не в полной мере учитывают всю специфику и палитру корпоративных правоотношений. Их применение возможно как при угрозе нарушения корпоративных прав, так и при непосредственном нарушении таких прав и интересов.

1. См. подробнее: Левушкин А.Н. Ничтожные и оспоримые сделки: природа, проблемы правоприменения и совершенствование правового регулирования // Гражданское право. 2025. № 2. С. 2–5.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

В данном случае возникает вопрос, так какими же способами необходимо защищать корпоративные отношения: универсальными или специальными? Законодательно до сих пор не выбран единый вектор развития данного правового института. Считаем оправданным комбинировать данные способы, в зависимости от условий и оснований их применения, сущности корпоративного конфликта и других факторов. В науке корпоративного права обоснованно определено, что конфликт интересов в корпоративных правоотношениях - предполагаемое законом противоречие, являющееся следствием участия одного и того же лица в нескольких правоотношениях, которое может повлиять на формирование его воли в ущерб правам и охраняемым законом интересам корпорации и её участников[3].

Современное корпоративное право и предпринимательское законодательство направлены на создание и обеспечение равных экономических условий и возможностей для всех участников корпораций, обеспечение баланса их интересов, на защиту частных притязаний лиц и организаций, с учётом публичных потребностей в сфере корпоративных отношений[4].

Ответственность в виде денежной компенсации является одним из основных и надёжных механизмов, защиты корпоративных прав. Способы защиты прав, которые будут рассмотрены нами дальше, активно используется не только в корпоративной сфере, но и во всех других сферах права. Ими выступают: взыскание убытков, неустойки. В качестве общего признака этих способов можно выделить то, что они выступают компенсацией в системе мер ответственности за различные нарушения. Например, за нарушение условий корпоративного договора. «В современном обществе большинство сфер жизнедеятельности основано на договорных отношениях, в том числе имеющих предпринимательский и корпоративный характер»[5]. Безусловно, немаловажное значение имеет корпоративный договор как средство защиты корпоративных прав. Заключение такого договора – неотъемлемая часть любых правоотношений, возникающих и реализуемых в рамках деятельности корпорации. В таком договоре стороны могут установить каким образом они могут осуществлять корпоративные права. В ст. 12 ГК РФ предусмотрена возможность признать оспоримую сделку недействительной или ничтожной. Однако, возникает вопрос: можно ли применить данные способы защиты к корпоративному договору? Попробуем дать ответ на данный вопрос.

Гражданское законодательство, посвящённое корпоративному договору, не включает специальные способы защиты и меры ответственности за нарушение условий корпоративного соглашения[6]. Прежде всего, возможность обжаловать сделки, совершенные от имени корпорации закреплена в пункте 2 статьи 65.2 ГК РФ. Положения данной статьи применяется к требованиям участников корпорации о признании недействительности сделки корпорации или применении последствий такой недействительности. Сделка хозяйственного общества в соответствии с общими положениями гражданского законодательства может быть оспорена по нескольким причинам. «Рассматривая сделки в уставном капитале акционерного общества,

3. См.: Корпоративное право: учебный курс: в 6 т. / отв. ред. И.С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2025. Т. 4. Глава 27, автор главы – И.С. Шиткина. С. 332, 381–383.

4. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников инвестиционных правоотношений на рынке ценных бумаг // Юрист. 2022. № 6. С. 29–36; Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14–18.

5. См.: Левушкин А.Н. Ничтожные и оспоримые сделки: природа, проблемы правоприменения и совершенствование правового регулирования // Гражданское право. 2025. № 2. С. 2–5; Левушкин А.Н. Конфликт интересов между субъектами корпоративных правоотношений при проведении сделок с акциями // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 170; Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14–18.

6. См.: Русских Л.В. Применение способов защиты и мер ответственности к стороне при нарушении корпоративного договора // Вестник арбитражной практики. 2024. № 6. С. 28–34.

необходимо дифференцировать их по степени влияния на корпоративно-правовое положение участника»[7].

Первое из таких оснований закреплено в статьи 173.1 ГК РФ. Если для заключения сделки требуется согласие государственного или муниципального органа власти или третьего лица, то без него она может быть признана незаконной. Такое согласие может быть выражено в любой форме. Кроме случаев, когда для такого согласия законом установлена определённая форма. Например, для согласия государственного или муниципального органа власти обязательна письменная форма. Исключения из правила, закреплённого в ст. 173.1 ГК РФ прямо закреплены в законе.

Второе основание закреплено в статье 174 ГК РФ. В ней говорится об оспоримых сделках, которые были совершены с превышением полномочий. В этом случае недействительными могут признать сделки, которые выходят за рамки ограниченных полномочий лица, совершающего сделку. Полномочия могут быть ограничены разными основаниями.

Корпоративный договор предполагает участие в нем только физических лиц, участников корпорации, но не самого юридического лица. (ст. 67.2 ГК РФ). Возникает вопрос, может ли корпоративный договор быть подписан одним акционером от себя лично, в качестве генерального директора другого акционера и по доверенности от третьего акционера? Является ли такой договор ничтожным? Или же может такой корпоративный договор быть подписан между несколькими юридическими лицами, которые являются дочерними предприятиями, одним лицом, которое состоит во всех этих обществах. В п.3 ст.182 ГК РФ установлено: «представитель не может совершать сделки в отношении себя лично, а также в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является. Таким образом, корпоративный договор, в вышеописанной судебной практике может быть признан недействительной.

Полагаем, что к корпоративному договору можно применить положения статьи 12 ГК РФ и оспорить его, в частности положения о его недействительности и ничтожности. Однако, не все положения гражданского законодательства, касающиеся недействительности и ничтожности сделок могут быть применены к корпоративному договору, в силу специфики сферы его действия.

При заключении сделки управляющими органами юридического лица, они обязательно должны руководствоваться своими учредительными документами. В данном случае необходимо учитывать п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27[8]. В соответствии со статьёй 174 ГК РФ, сделку, заключённую между сторонами, можно оспорить по основаниям, указанным в этой статье, только если будет доказано, что другая сторона в сделке знала или должна была знать об ограничениях полномочий на совершение сделки. Однако это доказательство не является безусловным подтверждением того, что другая сторона в сделке знала или должна была знать об указанных ограничениях. Специальные последствия недействительности сделок установлены 167 ГК РФ.

Вопросы определения правовой природы, исполнение и ответственности сторон договору весьма остро стоят и с точки зрения правоприменительной практики[9]. Ответственность в виде денежной компенсации вызывает множество вопросов в своём применении в силу своей новизны. Например, А.Г. Карапетов небезосновательно считает: «Пострадавший на основании ряда норм может потребовать выплаты компен-

7. См.: Левушкин А.Н. Конфликт интересов между субъектами корпоративных правоотношений при проведении сделок с акциями // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 168–174.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»// СПС «Консультант плюс».

9. Левушкин А.Н. Правовая природа, особенности исполнения и ответственности сторон по договору возмездного оказания медицинских и биомедицинских услуг // Учёные труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. 2024. № 2 (73). С. 58–63.

сации в размере, установленном законом, вместо возмещения убытков, вызванных незаконным посягательством ответчика на его интеллектуальную собственность. (п. 3 ст. 1252, ст. 1301, ст. 1311, ст. 1406.1, ст. 1515, ст. 1537 ГК РФ)»[10].

«В экономической среде как в России, так и за рубежом нарушение стабильности, часто вызванное недостаточной управленческой квалификацией, привело к широкому возникновению неплатёжеспособности граждан»[11]. Безусловно, участники корпорации имеют право требовать возмещения убытков. Они действуют от имени корпорации в качестве представителей организации. Для юридических лиц, которые являются корпорацией установлено особое правило при возмещении убытков – обязательное уведомление других участников корпорации о намерении обратиться в суд с требованием о взыскании убытков. Данное условие необходимо для того, чтобы они могли присоединиться к требованию о возмещении ущерба, причинённого юридическому лицу, что исключит возможность ситуации, когда управляющие привлекаются к ответственности за одно и то же правонарушение разными лицами в различных судебных заседаниях (пункт 4 статьи 65.3 ГК РФ). По общему правилу, убытки, причинённые лицу, должны быть возмещены в полном объёме (ст. 15 ГК РФ). Одной из целей возмещения убытков может служить возвращение пострадавшего лица в первоначальное положение, при этом должно учитываться как реальный ущерб, так и упущенная выгода. Для взыскания убытков в рамках корпоративных правоотношений необходимо соблюдение следующих условий:

1) наличие убытков, при этом, должен быть доказан их размер, с учётом принципа разумности и добросовестности. «Все участники гражданского оборота хотят работать с надёжными и добросовестными контрагентами»[12];

2) наличие противоправного поведения лица, причинившего вред;

3) установление причинно-следственной связи между убытками и противоправным поведением;

4) вина причинителя вреда, которая должна быть доказана потерпевшим (п.5 ст. 10 ГК РФ).

Судами рассматривается большое количество дел о взыскании убытков. В качестве примера приведём Определение Верховного Суда РФ от 02.12.2021 № 309-ЭС21-22104 по делу № А50-24735/2018[13]. В арбитражный суд обратился участник общества с ограниченной ответственностью (Истец) с требованием взыскать с директора этого общества (Ответчик) убытки в размере более 33 миллионов рублей. Истец указал на нарушение директором ООО обязанности действовать в интересах общества разумно и добросовестно, установленной статьёй 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Нарушение выразилось в заключении нескольких договоров. Они фактически прикрывали незаконный вывод денежных средств с расчётного счёта общества. Ответчик возразил, что обязательства партнёров перед компанией по указанным договорам были выполнены. По его словам, необходимость в последних была обусловлена предстоящей поставкой приобретённых строительных материалов по этим сделкам третьим сторонам. Суды частично удовлетворили иск, указав на: фиктивность документов с отдельными партнёрами, которые имели признаки однодневных компаний, и недоказанность факта поставок. Денежные средства на сумму более 8 миллионов рублей, перечисленные на счета этих компаний,

10. Карапетов А.Г. Соотношение требования о взыскании убытков с иными средствами защиты прав кредитора // https://studfile.net/preview/16792497/ (дата обращения 03.05.2025).

11. Левушкин А.Н. Правовые аспекты банкротства физических лиц по законодательству зарубежных стран // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. 2025. № 1 (76). С. 72–76.

12. Левушкин А.Н., Морозов С.Ю. Проверка контрагента перед заключением договора как непоименованный способ обеспечения исполнения предпринимательских обязательств // Юрист. 2021. № 7. С. 38.

13. Определение Верховного Суда РФ от 02.12.2021 № 309-ЭС21-22104 по делу № А50-24735/2018 // СПС «Консультант плюс».

были признаны убытком компании, подлежащим взысканию с ответчика из-за его недобросовестности и нерациональности действий. Можно отметить, что убытки могут быть взысканы по различным основаниям. Об этом говорит как действующее законодательство, так и судебная практика.

Можно делать обоснованный вывод, что взыскание убытков является неотъемлемой частью корпоративных споров между юридическими лицами. Пролагаем, что главным минусом данного способа защиты является то, что размер убытков необходимо доказать, что в некоторых случаях может стать проблемой для истца, например, в случае утраты платёжных документов, подтверждающих убытки. Однако, в судах рассматривается большое количество дел о взыскании убытков. Рассмотренные нами выше общие правила о компенсации убытков закреплены в статье 307.1 ГК РФ. В том числе данные правила применяются к корпоративным отношениям.

Говоря о денежных мерах ответственности, нельзя не упомянуть о неустойке. Неустойка определяется как денежная сумма, которую одна сторона обязана уплатить другой в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, в частности в случае просрочки исполнения. О важности данного способа защиты также говорят различные ученые. Например, в науке Д.В. Добрачев считает: «Взыскание неустойки является необходимым элементом в правоприменении института корпоративного права»[14]. Стоит обозначить главное преимущества данного способа защиты, в отличие от взыскания убытков. Прежде всего это то, что в отличие от неустойки убытки необходимо доказать, а также правильно рассчитать. Это вызывает множество трудностей. Гораздо проще взыскать неустойку. В отличие от убытков ее не нужно доказывать, и как правило, она устанавливается заранее. Однако, можно ли применять неустойку в корпоративной сфере? Какие сложности могут возникать, в связи с этим? На данный счёт существует несколько мнений. Стоит отметить, что взыскание неустойки в корпоративной сфере во многом связано с нарушением условий корпоративного договора. За нарушение условий корпоративного договора сторонами договора и законом устанавливается различная ответственность. В качестве неё выступает уже рассмотренное нами взыскание убытков, признание недействительным решения общества и сделки, заключённой стороной договора, при нарушении условий корпоративного договора; понуждение к исполнению в натуре и иная ответственность, в том числе неустойка. Необходимо обозначить проблемы, которые имеются в действующем законодательстве и связаны с применением неустойки в корпоративных отношениях.

Первая из них, это возможность суда снизить неустойку на основании ст.333 ГК РФ. Некоторые учёные считают, взыскание неустойки не всегда целесообразно из-за того, что суд может «необоснованно» уменьшить ее размер, например М.И. Иноземцев считает: «По аналогии с немецким правом необходимо установить запрет на снижение судом неустойки, взыскиваемой с лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность»[15].

Отдельные цивилисты предлагают исключить возможность снижения размера неустойки судом по обязательствам из акционерного соглашения. Однако мы считаем это нецелесообразным. Правило, касающееся уменьшения размера неустойки – это важный механизм, который позволяет избежать злоупотребления правом на установление сверх завышенной неустойки одной из сторон спорного правоотношения. Данное правило исходит из положения ст. 17 Конституции Российской Федерации, согласно которой «права и свободы человека и гражданина не должны реализовываться в ущерб правам

14. Добрачев Д.В. Взыскание убытков, неустойки и компенсации в системе мер ответственности за нарушение корпоративного договора // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 1 (29). С. 22–26.

15. Нагдалян Д.А. Взыскание неустойки и компенсации при несоблюдении условий корпоративного договора // Юридическая наука. 2023. № 8. С. 139–145.

и свободам других лиц». В пример приведём судебную практику. Однако, нельзя не признать тот факт, что в своём большинстве суды отказывают в удовлетворении неустойки либо уменьшают её чаще, чем удовлетворяют полностью. Такое мнение складывается на основе анализа судебной практики. Немногочисленным примером полного удовлетворения неустойки может служить Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.11.2017 № Ф05-17142/2017 по делу № А40-56243/2014[16]. Противоположная ситуация наблюдается в следующих судебных решениях:Постановление АС Дальневосточного округа от 14.08.2015 № Ф03-2872/2015 по делу № А24-4503/2014[17]; Определение ВС РФ от 03.10.2016 № 304-ЭС-11978 по делу № А45-12277/2015[18]; Постановление АС Северо-Западного округа от 11.03.2020 № Ф07-1411/2020 по делу № А56-30829/2019[19].

Возможность применения норм о неустойке к корпоративным договорам является предметом обсуждения второй группы проблем. Одной из которых выступает неурегулированность применения положений о взыскании неустойки за нарушение положений корпоративных договоров в различных юридических лицах. Например, при нарушении условий договора, предусматривающий права участников общества с ограниченной ответственностью. Данное обстоятельство вызывает множество вопросов, так как для юридических лиц, в форме акционерных обществ, которые во многом схожи с ООО, возможность применения неустойки за нарушение акционерного соглашения предусмотрена. Поскольку в Законе об ООО этот вопрос прямо не урегулирован, к таким отношениям будут применяться общие положения Гражданского кодекса РФ о неустойке. Поэтому аналогия закона в данном случае неприменима. В доктрине В.В. Куликов выражает противоположное мнение: «положения о мерах гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий акционерного соглашения не могут быть применены по аналогии закона к случаям несоблюдения условий договора об осуществлении прав участников ООО»[20]. Суды при рассмотрении дел о применении неустойки, руководствуются тем, что необходимо установить:

– в пользу кого должна быть взыскана неустойка;

– факт нарушения прав такого лица при несоблюдении условий корпоративного договора;

– стороны корпоративного договора не должны выступать в роли должников и кредиторов;

Таким образом, можно отметить, что взыскание неустойки – это широко используемый механизм для защиты своих корпоративных прав. Однако эффективность данного способа защиты ставится под сомнение некоторыми учёными. Это не без основательно, так как на примере рассмотренной выше судебной практики, можно отметить, что возможность снижения неустойки судами приводит к тому, что в большинстве своём истец не получает предусмотренной договором суммы неустойки, а лишь её часть. Однако в целом, данный способ защиты может использоваться для защиты корпоративных прав.

Говоря о компенсации, в виде меры ответственности наряду с неустойкой и убытками, необходимо отметить следующее: среди учёных нет единого мнения относительно правовой природы компенсации за нарушение условий корпоративного договора. Также, нет единого мнения о сущности компенсации как в корпоративной сфере, так и в целом. Следует признать, что и убытки, и неустойка имеют слабые места, поэтому предпринимательское сообщество возлагало

16. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.11.2017 № Ф05-17142/2017 по делу № А40-56243/2014 // СПС «Консультант плюс».

17. Постановление АС Дальневосточного округа от 14.08.2015 № Ф03-2872/2015 по делу № А24-4503/2014 // СПС «Консультант плюс».

18. Определение ВС РФ от 03.10.2016 № 304-ЭС-11978 по делу № А45-12277/2015 // СПС «Консультант плюс».

19. Постановление АС Северо-Западного округа от 11.03.2020 № Ф07-1411/2020 по делу № А56-30829/2019 // СПС «Консультант плюс».

20. Куликов В.В. К вопросу о допустимости установления законной неустойки посредством издания отдельным органом государственной власти подзаконного акта // Молодой ученый. 2022. № 23 (418). С. 301–303.

надежды на новый работоспособный инструмент влияния на контрагента-нарушителя, которым должна была стать компенсация. Как правило, учёными выделяются следующие признаки, присущие компенсации:

– компенсация, в отличие от неустойки, не может быть снижена, в соответствии со ст. 333 ГК РФ;

– компенсация рассчитывается по заранее оцененным убыткам.

Однако и в этом мнения учёных расходятся: одни считают, что компенсация может быть снижена как неустойка, другие считают, что данный способ является полностью самостоятельным и не зависит от условий, предъявляемым схожим видам ответственности. Стоит отметить, что единой судебной практики, которая поставила бы точку в спорах о сущности компенсации, также до сих пор нет. Например, в решении Арбитражного суда Приморского края от 13 октября 2022 г. по делу № А51-14370/2022 установлено следующее: сторонами договора была установлена компенсация, которая впоследствии была уменьшена судом на основании ст. 333 ГК РФ[21]. В постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.07.2017 г. по делу № А11-3028/2016 суд, наоборот, отказался снижать компенсацию, по заявлению одной из сторон, так как не нашёл оснований для этого[22]. Можно отметить, что рассмотренный способ может применяться для защиты корпоративных прав, однако на данный момент существует множество проблем его применения. До конца не установлена правовая природа компенсации, что порождает сложности в её применении и неоднородности судебно-арбитражной практики.

Таким образом представляется необходимым сформулировать основные выводы.

1. Убеждены, что система общих способов защиты корпоративных прав основываться на способах, закреплённых в статье 12 ГК РФ и дополняемых на уровне федерального законодательства и локальных актов корпораций. Общие способы защиты, закреплённых в гражданском законодательстве, в соответствии со своим прямым назначением, могут использоваться для защиты прав участников корпорации;

2. Способы, установленные в ст. 12 ГК РФ не могут в полной мере применяться к корпоративным правам и их защите. Они служат отправной точкой и дополняются различными федеральными законами, которые выступают специальной нормой по отношению к данной статье. Однако, как уже было сказано, фундаментом в данном случае, все же выступает статья 12 ГК РФ, что дает нам возможность относить вышеупомянутые способы к общей системе защиты корпоративных прав.

3. Установлено, что взыскание убытков и неустойки является неотъемлемой частью корпоративных споров между юридическими лицами. Обосновано, что денежная компенсация, в отличие от неустойки, не может быть снижена, в соответствии со ст. 333 ГК РФ, а также компенсация рассчитывается по заранее оцененным убыткам.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Добрачев Д.В. Взыскание убытков, неустойки и компенсации в системе мер ответственности за нарушение корпоративного договора // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 1 (29). С. 22–26.

2. Карапетов А.Г. Соотношение требования о взыскании убытков с иными средствами защиты прав кредитора. URL: https://studfile.net/preview/16792497/ (дата обращения 03.05.2025).

3. Корпоративное право: учебный курс: в 6 т. Т.4 / отв. ред. И.С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2025. 562 с.

4. Куликов В.В. К вопросу о допустимости установления законной неустойки посредством издания отдельным органом государственной власти подзаконного акта // Молодой учёный. 2022. № 23 (418). С. 301–303.

21. Решение Арбитражного суда Приморского края от 13 октября 2022 г. по делу № А51-14370/2022 // СПС «Консультант плюс».

22. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.07.2017 по делу № А11-3028/2016 // СПС «Консультант плюс».

5. Левушкин А.Н. Ничтожные и оспоримые сделки: природа, проблемы правоприменения и совершенствование правового регулирования // Гражданское право. 2025. № 2. С. 2–5.

6. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников инвестиционных правоотношений на рынке ценных бумаг // Юрист. 2022. № 6. С. 29–36.

7. Левушкин А.Н. Конфликт интересов между субъектами корпоративных правоотношений при проведении сделок с акциями // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 168–174.

8. Левушкин А.Н. Правовая природа, особенности исполнения и ответственности сторон по договору возмездного оказания медицинских и биомедицинских услуг // Учёные труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. 2024. № 2 (73). С. 58–63.

9. Левушкин А.Н. Правовые аспекты банкротства физических лиц по законодательству зарубежных стран // Учёные труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. 2025. № 1 (76). С. 72–76.

10. Левушкин А.Н., Морозов С.Ю. Проверка контрагента перед заключением договора как непоименованный способ обеспечения исполнения предпринимательских обязательств // Юрист. 2021. № 7. С. 37–42.

11. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14–18.

12. Нагдалян Д.А. Взыскание неустойки и компенсации при несоблюдении условий корпоративного договора // Юридическая наука. 2023. №8. С. 139–145.

13. Русских Л.В. Применение способов защиты и мер ответственности к стороне при нарушении корпоративного договора // Вестник арбитражной практики. 2024. № 6. С. 28–34.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Dobrachev D.V. Vzyskanie ubytkov, neustojki i kompensacii v sisteme mer otvetstvennosti za narushenie korporativnogo dogovora // Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava. 2023. № 1 (29). S. 22–26.

2. Karapetov A.G. Sootnoshenie trebovanija o vzyskanii ubytkov s inymi sredstvami zashhity prav kreditora // https://studfile.net/preview/16792497/ (data obrashhenija 03.05.2025).

3. Korporativnoe pravo: uchebnyj kurs: v 6 t. T.4 / otv. red. I.S. Shitkina. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Statut, 2025. 562 s.

4. Kulikov V. V. K voprosu o dopustimosti ustanovlenija zakonnoj neustojki posredstvom izdanija otdel'nym organom gosudarstvennoj vlasti podzakonnogo akta // Molodoj uchenyj. 2022. № 23 (418). S. 301–303.

5. Levushkin A.N. Nichtozhnye i osporimye sdelki: priroda, problemy pravoprimenenija i sovershenstvovanie pravovogo regulirovanija // Grazhdanskoe pravo. 2025. № 2. S. 2–5.

6. Levushkin A.N. Obespechenie balansa interesov grazhdan, predprinimatelej i publichno-pravovyh obrazovanij kak uchastnikov investicionnyh pravootnoshenij na rynke cennyh bumag // Jurist. 2022. № 6. S. 29–36.

7. Levushkin A.N. Konflikt interesov mezhdu sub#ektami korporativnyh pravootnoshenij pri provedenii sdelok s akcijami // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2022. № 12. S. 168–174.

8. Levushkin A.N. Pravovaja priroda, osobennosti ispolnenija i otvetstvennosti storon po dogovoru vozmezdnogo okazanija medicinskih i biomedicinskih uslug // Uchjonye trudy Rossijskogo universiteta advokatury i notariata imeni G.B. Mirzoeva. 2024. № 2 (73). S. 58–63.

9. Levushkin A.N. Pravovye aspekty bankrotstva fizicheskih lic po zakonodatel'stvu zarubezhnyh stran // Uchenye trudy Rossijskogo universiteta advokatury i notariata imeni G.B. Mirzoeva. 2025. № 1 (76). S. 72–76.

10. Levushkin A.N., Morozov S.Ju. Proverka kontragenta pered zakljucheniem dogovora kak nepoimenovannyj sposob obespechenija ispolnenija predprinimatel'skih objazatel'stv // Jurist. 2021. № 7. S. 37–42.

11. Levushkin A.N. Obespechenie balansa interesov mazhoritarnyh i minoritarnyh akcionerov v korporativnyh pravootnoshenijah // Grazhdanskoe pravo. 2022. № 6. S. 14–18.

12. Nagdaljan D.A. Vzyskanie neustojki i kompensacii pri nesobljudenii uslovij korporativnogo dogovora // Juridicheskaja nauka. 2023. № 8. S. 139–145.

13. Russkih L.V. Primenenie sposobov zashhity i mer otvetstvennosti k storone pri narushenii korporativnogo dogovora // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2024. № 6. S. 28–34.

**Г.Б. МИРЗОЕВ, Д.И. АМИНОВ**

# Эволюция права: нравственный Кодекс народа – русские пословицы как предтеча уголовного закона

**АННОТАЦИЯ**. В настоящей статье рассматриваются русские народные пословицы и поговорки как первичная форма фольклорного правосознания, предвосхитившая кодифицированные нормы уголовного права. Сквозь призму философско-правового анализа авторы исследуют, каким образом архаическая, но жизнеспособная нравственная традиция, выраженная в афористических формулах, отразила основные правовые интуиции народа — чувство меры, справедливости, вины и воздаяния. Утверждается, что многие принципы, ставшие впоследствии основополагающими в уголовно-правовой системе (такие как презумпция невиновности, индивидуализация наказания, приоритет защиты личности), имели глубокие культурные корни, уходящие в дописьменную эпоху. Сопоставляя моральный универсум Десяти Заповедей и выразительные максимы русского фольклора, авторы показывают, что пословица выступала не просто средством передачи житейской мудрости, но своеобразным нравственно-правовым кодексом, обладавшим нормативной силой задолго до появления законодательства. Народное слово предстает как живой носитель исторической памяти и правовых архетипов, в которых отразились правовые ориентиры, глубоко укоренённые в коллективной интуиции справедливости.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: русские пословицы, фольклорное правосознание, уголовное право, Десять заповедей, нравственные ориентиры, правовая культура, презумпция невиновности, народная мудрость, правовая эволюция, справедливость

**МИРЗОЕВ ГАСАН БОРИСОВИЧ** – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ; Ректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева; Президент Гильдии российских адвокатов.(e-mail: advocat@gra.ru).
**АМИНОВ ДАВИД ИСАКОВИЧ** – доктор юридических наук, профессор, Директор АНО «Научно-исследовательский центр судебной экспертизы и исследований»(e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Всякий, кто хоть раз вдумчиво перечитывал строки Десяти Заповедей, некогда, по преданию, дарованных Моисею на вершине Синайской горы, едва ли мог остаться равнодушным перед их величественной простотой. Всего лишь десять кратких формул, облечённых в строгую лаконичность, – и уже целый нравственный космос, веками формировавший облик человеческой совести. Крещение Руси в 988 году значительно повлияло на правовую культуру, адаптировав христианские моральные ценности и каноны в систему норм, регулирующих жизнь на Руси. Однако многие принципы, такие как защита жизни, честности и справедливости, с давних пор уже были укоренены в народных традициях и правовых обычаях. Христианские заповеди лишь дополнительно укрепили и систематизировали эти нормы.

Если мысленно перенестись к истокам Древней Руси, существовавшей ещё до принятия христианства, становится очевидным: и тогда, в дохристианской дали, народное сознание еще в те далекие времена существовало в категориях добра и зла, правды и неправды, чести и бесчестья. И носителем этой архаической, но оттого не менее мощной нравственной традиции стало устное слово – пословица, поговорка, изречение, в которых сберегалась живая ткань народной этики. Их выразительность, внутреннее достоинство и удивительное смысловое напряжение до сих пор способны пробуждать в современнике не только трепет узнавания, но и размышление как акт совести, и – быть может, самое важное – нравственные ориентиры, столь необходимые в момент принятия жизненных и профессиональных решений.

Не менее поразительно то, что все эти многовековые нравственные координаты, облечённые не в кодексы и не в трактаты, а в плоть живого народного слова – пословиц и поговорок, – не просто пережили тысячелетия, а еще сохра-

нили в себе ту моральную энергию, которая по сей день питает правовые ориентиры современного человека. И если Десять Заповедей стали универсальным кодом монотеистических религий, положившим начало письменной этике Запада, то русская пословица – неприметная, непретенциозная, но до предела ёмкая – стала голосом бесписьменной юриспруденции народа, его «живым правосознанием», шедшим рядом с правдой земской и церковной. И это правосознание, сконцентрированное в народной формуле, зачастую предваряло ту правовую систематику, которую мы сегодня почитаем в учебниках: «Не укради» – ведь это сказано задолго и без цитаты. «Не суди человека, пока сам не побывал в его шкуре» – разве это не иная, но столь же глубокая версия презумпции невиновности? В этих кратких выражениях – не архаика и не фольклор в узком смысле, но своего рода аксиологическая ДНК народа, где принципы уголовного права не заимствованы, а органично рождены в тканях исторического бытия.

В контексте отмеченного встаёт закономерный – и по сути неизбежный – вопрос: каким образом эти древние нравственные дефиниции, сохранившиеся в образах, ритмах и афористических формулах пословиц, сумели не просто пересечь столетия, но и стать своеобразным праоснованием для последующей правовой эволюции? Не менее существенно и то, – насколько глубоко заключённая в них народная мудрость перекликается с фундаментальными категориями современного уголовного права: с презумпцией невиновности, как с нравственным недоверием к обвинению; со справедливостью наказания, как с мерой внутреннего воздаяния; с защитой прав личности, как с высшим императивом уголовной политики, достойной быть названа гуманной?

На взгляд авторов, именно исследование русских пословиц и поговорок позволяет не только лучше понять исторические истоки морали и нравственности на Руси, но и оценить их влияние на современную правовую систему.

Сколь бы ни были скептичны наши взгляды на предания седой старины, сколь бы ни был обременён современный человек буквами кодексов, тяжеловесными формулами правоприменения и ритуалами юридической казуистики, – ничто не отменяет живого трепета перед той подлинной лаконичностью, что заключена в русских пословицах и поговорках. В этих на первый взгляд простых выражениях – не только нормативная плотность и нравственная кристаллизация опыта, но и сокровенный замысел народа: отразить в краткой форме интуиции вечного. Их смысловая глубина, заключённая в хрупкой оболочке повседневной речи, вступает в разительный контраст с современным правом, громоздким, многословным, нередко теряющим суть за юридическими конструкциями. И если Библия – это божественная аксиоматика, где заповедь явлена как непререкаемая истина, то право – это человеческая диалектика, вынужденная доказывать, уточнять, обосновывать. И всё же поражает, с какой почти метафизической точностью идея правды уже изначально пронизывала народное сознание, ещё до появления институционализированных форм юридического мышления. Задолго до крещения Руси, задолго до появления канонически оформленных сводов норм, народ творил свою этическую карту мира – стихийную, но поразительно точную. Это и есть фольклорное правосознание, проступающее сквозь многослойную ткань пословиц, в которых заключены зачатки меры, справедливости, воздаяния и исторической памяти. Разве не поражает, что народ, не имевший на руках ни одного официального закона, тем не менее интуитивно создавал свою систему нравственных координат, выраженную в тысячах кратких суждений, которые до сих пор направляют наши поступки – часто незаметно, почти на уровне правового инстинкта? «Не рой другому яму...», «По делам и награда», «С кого спрос, того и ответ» – ведь это не что иное, как народное воплощение идей вины, ответственности, справедливого воздаяния. Не записанное в кодексах, но прожитое, переданное, сохранённое – и потому особенно ценное.

Возникает вопрос, достойный внимательного осмысления: можно ли рассматривать народные пословицы как форму допозитивного уголовного права? Не служат ли они своеобразным нрав-

ственным кодексом, предшествующим позитивному праву, но не утратившим своей значимости даже в условиях развитой правовой системы? И, наконец, не являемся ли мы, юридическое сообщество, лишь поздними комментаторами той правды, которая давно уже была изречена в народной речи?

В этой статье предпринята попытка – не просто сопоставить русские пословицы с основополагающими принципами уголовного права современной России, а выявить в них глубинные параллели, ускользающую мудрость, древний нравственный архетип, на котором зиждется современное правовое здание. Ведь прежде, чем возникли нормы, был голос – голос народа, испещрённый болью, опытом и правдой, выраженной в метафоре. И если мы хотим говорить о справедливости – а не только о законе, – мы обязаны слушать этот голос. Однако здесь возникает не просто историко-правовой, а куда более глубокий – аксиологический – вопрос: как формировалось представление о справедливом и несправедливом, дозволенном и запретном до возникновения писаных законов, до того, как слово «преступление» вошло в юридический обиход, а кара приобрела кодифицированную форму? Не является ли сама народная речь – в ее самой собранной, афористичной, изначальной сути – тем самым зеркалом первозданного правосознания, через которое проступает не внешне предписанное, но внутренне выношенное чувство правды?

Русские пословицы и поговорки – это не просто продукт народной мудрости, а своего рода прецедентное право, рождённое не в кабинетах, но на пашне, у костра, в изгнании и в крестьянской избе. В них нет ссылок на нормы, но есть вызревшее через века ощущение меры, вины, прощения и кары. Это архаическая, но подлинная форма «уголовного кода» народа, где каждой строкой – нравственный приговор, и одновременно – надежда на восстановление утраченного равновесия.

Ведь когда народ говорит: »Не рой другому яму – сам в неё попадёшь», он не цитирует норму о причинении вреда, он обращается к самому основанию причинно-следственной связи морального порядка. А когда утверждает: «Без вины виноватым не бывать», – он декларирует презумпцию невиновности с точностью, с какой не всякий закон сумеет. В этих лаконичных формулировках нет ссылок на статьи, но есть нечто большее – архетипическая этика взаимной ответственности и укоренённая в культуре интуиция справедливости.

Именно это – вербализованное правосознание народа – и предстоит подвергнуть исследовательскому осмыслению в настоящей статье. Насколько народная пословица способна выполнять функции юридического принципа? Какие архетипы наказания, вины, искупления и правды заложены в русской поговорке? И, наконец, где пересекаются – или разрываются – пути народной и позитивной уголовной правды?

Речь пойдёт не просто о культурных аллюзиях, а о попытке концептуально соотнести базовые постулаты современного уголовного права с народной аксиоматикой справедливости – древней, но не устаревшей. В этом сопоставлении – возможно, и кроется шанс на более гуманистическое и подлинно справедливое осмысление уголовной политики.

Если допустить, что уголовное право – это зеркало общества, в котором отразился весь трагизм и пафос исторического противостояния Добра и Зла, то народная пословица – не менее подлинное отражение, но на иконостасе повседневности. В ней – не буква закона, но его дух. Не казуистика, а сущностный нерв справедливости. Не норма, а архетип. Пословица – это право до права, юриспруденция до юриспруденции. Это глубинный, отстоявшийся пласт народной мудрости, в котором спрессованы века страданий, наблюдений и тихой, но непреклонной борьбы за нравственный порядок.

«От тюрьмы да от сумы не зарекайся» – эта пословица обнажает правовую экзистенцию, в которой каждый человек находится в потенциальной зоне уголовной ответственности. Это – наш национальный аналог презумпции социальной уязвимости, но с гуманистическим уклоном. Здесь нет ни малейшего оправдания преступле-

ния, но есть глубокое понимание: граница между виновным и невиновным не всегда так очевидна, как того хочет закон. И если современная юриспруденция говорит о цели индивидуализации наказания, то народная мудрость задолго до неё утверждала необходимость сочувствия, сострадания, учёта жизненного контекста. Это поистине интуитивная криминологическая философия.

«Как аукнется – так и откликнется» – формула общего превентивного действия. Здесь – фундамент профилактики. В этом – вся логика причинно-следственного мышления, на которой строятся институты уголовного права: вина – как отражение внутреннего выбора, наказание – как неизбежный ответ мироздания. Причём ответ не мстительный, а коррекционный, по-родительски строгий. Это не запугивание, а напоминание о нравственном порядке вещей.

«Бог не выдаст – свинья не съест» – пословица, за которой стоит представление о невиновности как божественно защищённом статусе. Это не просто народное суеверие – это глубинное убеждение в том, что если ты чист, то истина тебя оправдает. В этой пословице – национальная потребность в справедливом суде, в защите от произвола, в уверенности, что вина должна быть доказана, а не просто провозглашена. Это наш аналог презумпции невиновности, но в контексте духовной опоры на высшую правду, превосходящую закон.

Наконец, «Чужого не бери – своё не отдавай» – это моральная формула принципа неприкосновенности собственности. Народ не знал института вещных прав в юридическом виде, но знал цену коровьему хлеву, горшку, клочку земли. И защищал своё – не через абстракции, а через пословицу. Пословица становилась нормой, нормой – правилом поведения, правилом – санкцией. Народ сам для себя вырабатывал криминологическую парадигму, в которой кража была не просто неправом – она была позором, изъятием из сообщества, нарушением родового равновесия.

Таким образом, русская пословица – это не просто языковая игра или крестьянская сентенция. Это – самосозидающееся уголовно-правовое сознание народа. Это органическая юриспруденция, где «совесть» и «правда» предшествовали норме и санкции. Это правовое мышление до нормотворчества. А может быть, и выше его.

Богатство русских пословиц и поговорок столь широко, что, видимо, к каждой норме ныне действующего уголовного законодательства можно подобрать десятки смысловых аналогов, способных если не дословно, то образно и нравственно отразить её суть. Перед нами не просто набор крылатых выражений – а подлинная нравственная типология, в которой каждая формула несёт в себе концентрат опыта, оценок, интуиций и ожиданий общества.

Однако авторы настоящего исследования не стремится к исчерпывающему охвату всего Уголовного кодекса – задача эта неисполнима не из-за дефицита материала, а из-за его чрезмерного объёма и многозначности. Цель иная – скромнее по масштабу, но, быть может, значимее по методологической глубине: соотнести основополагающие принципы уголовного законодательства Российской Федерации, закреплённые в статьях 3–7 УК РФ, с теми народными изречениями, которые, будучи рождены вне формального права, тем не менее выражают его дух – пусть и в другой, метафорически-нравственной форме.

Эта попытка – не механическая иллюстрация, не литературная игра и не попытка правового фольклора, но акт интеллектуального доверия к народу, к его памяти, к его правовому чутью, опередившему кодексы и конституции. Ведь именно в пословице – как в осколке древнего зеркала – нередко отражается то, что современное правотворчество утратило: чувство меры, внутреннюю правду, уважение к контексту человеческой судьбы. Возможно, величайшая загадка русского правосознания – в его изначальной готовности к справедливости, опережающей формализацию закона. Пословицы, как нравственно-фольклорные формы коллективной памяти, являют собой эмбриональную форму правовой догматики. В них – не статья, но её дух, не диспозиция, но правовой импульс. Именно поэтому каждый из основополагающих принципов уголовного законодательства Российской

Федерации, закреплённый в статьях 3–7 УК РФ, способен быть осмыслен в свете той глубинной интуиции, которую веками формулировал народ.

Ниже будет предпринята попытка – с должной долей осторожности и уважения – подобрать к каждому из пяти основополагающих принципов уголовного права (ст. 3–7 УК РФ) одну или несколько пословиц, способных раскрыть их сущностное содержание.

**1. Принцип законности (ст. 3 УК РФ)**: «Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом Российской Федерации».

Пословицы:

– «Закон что дышло: куда повернёшь – туда и вышло» (как антипример, предостерегающий от произвола и нарушения принципа законности);

– «На всякое дело есть мера»;

– «Каков закон – таков и суд»;

– «Закон суров, но это закон» (латинская формула, проникшая и в русский правовой обиход);

– «Без закона жить – что без ветрил плыть».

Принцип законности требует не только позитивного выражения правовой нормы, но и запрета на её расширительное толкование в ущерб личности. В этом смысле народная пословица напоминает о границах произвола и необходимости соразмерности – даже «жёсткий закон» допустим лишь тогда, когда он ясен, предсказуем и воспринимается как справедливый.

**2. Принцип равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ)**:

«Лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности...».

Пословицы:

– «Что в попах, то и в лаптях»;

– «С одного спрос, с другого – ответ»;

– «Один закон для всех»;

– «И на князя найдётся управа»;

– «Коли прав – не бойся суда».

Фольклор категорически не приемлет избирательной справедливости. В народном сознании укоренилось требование единых правил для всех – от пахаря до боярина. Это и есть внутренняя, органическая основа принципа равенства перед законом.

**3. Принцип вины (ст. 5 УК РФ)**: «Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (или бездействие), в отношении которых установлена его вина».

Пословицы:

– «Без вины не виноват»;

– «С кого спрос, того и ответ»;

– «Виноват – отвечай»;

– «Не рой яму другому, сам в неё попадёшь»;

– «Каждому по делам его».

Комментарий:

Русская пословица практически дословно формулирует базовый принцип уголовного права: наказание – лишь за виновное деяние, и только в той мере, в какой доказана личная ответственность. Принцип вины – это не только правовая категория, но и нравственный императив: нельзя карать того, чья совесть не запятнана.

**4. Принцип справедливости (ст. 6 УК РФ):**

«Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми...».

Пословицы:

– «Как аукнется, так и откликнется»;

– «Что посеешь, то и пожнёшь»;

– «По делам и честь»;

– «Наказание без вины – беззаконие»;

– «Каждому – по заслугам».

Комментарий:

Идея меры, соразмерности, взаимности – лежит в самой сути народного понимания справедливости. Пословица не прощает мщения, но требует воздаяния: не больше, не меньше. Ни личной мести, ни бессмысленного прощения. В этом и есть истина справедливого наказания.

**5. Принцип гуманизма (ст. 7 УК РФ)**: «Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека» – ч.1 ст. 7 УК РФ.

Пословицы:

– «Суд не для кары, а для правды»;

– «Не бей лежачего»;

– «И волки сыты, и овцы целы»;

– «Казнить – не значит мстить»;
– «Пощади – и пощажён будешь».

Комментарий:

Гуманизм в уголовном праве – это не слабость, а сила разума и уважения к человеческому достоинству. Народная мудрость не отрицает наказания, но призывает помнить о человечности: даже преступник остаётся человеком, и мера ответственности не должна превращаться в месть.

Резюмируя сказанное следует подчеркнуть следующее. Русская пословица – не просто фольклорное изречение, не устаревший риторический рудимент. Это первичный нормативный кристалл, в котором отразилась не кодифицированная, но прочувствованная веками справедливость. В этих кратких формулах заключён не отвлечённый закон, но жизненная правда, не буква, а дух. И потому они живут дольше, чем параграфы, переживают эпохи и служат нравственным резонатором даже в тех случаях, когда право молчит, отступает или заблуждается.

Прагматически – мы нуждаемся в этих изречениях сегодня, как в моральных «мерах веса и длины». Когда размываются понятия добра и зла, вины и ответственности, меры и соразмерности, – именно пословицы должны выступать универсальными шкалами нравственного измерения. Ведь не случайно они сформулированы как суждения меры: «по делам и награда», «сколько верёвочке ни виться...», «не рой другому яму...». Это – не только образ, это – мера. И как мера физическая даёт точность в инженерии, так пословица – в нравственном ориентировании.

С точки зрения теории права, пословица выступает в роли допозитивного аналога правовой нормы. Это доинституциональное, но вполне оформленное знание о справедливом и несправедливом, в котором заключена народная концепция вины, ответственности, воздаяния. Они создают свою своеобразную парадигму правопонимания – до теорий и кодексов, до науки и судопроизводства. Это не источники права в формальном смысле, но основания права – нравственные архетипы, без которых закон превращается в искусственную систему, оторванную от человека.

С точки зрения правоприменения, особенно уголовного, – это не просто метафорика, а внутренний камертон. Сегодня, когда юридическая техника достигла уровня почти математической сложности, парадоксальным образом особенно остро ощущается дефицит именно нравственной ясности. И если судье, следователю, защитнику или обвинителю не хватает внутренней опоры, чтобы принять справедливое решение в условиях пробела, двусмысленности или конфликта норм, – пословица может стать той нравственной лакмусовой бумагой, которая отделит легальное от справедливого.

Сегодня, когда в цифровой век всё чаще встаёт вопрос о замене человека алгоритмом, особенно важно вернуть праву его гуманистическое измерение. А пословицы – это и есть проявление народного гуманизма: простого, но глубокого; неписаного, но живого; не научного, но мудрого. Их не нужно доказывать – их чувствуют. И потому, быть может, они станут теми «вечными эталонами» – не только культурной памяти, но и правового мышления.

Не исключено, что однажды право вновь станет лаконичным и внятным, а нормы – ясными и человечными. И тогда, быть может, будущие Уголовные кодексы России будут не томами, а листами. И строки в них будут звучать как пословицы: честно, просто, по совести.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Эксмо, 2025. 640 с.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Dal' V.I. Poslovicy i pogovorki russkogo naroda. M.: Jeksmo, 2025. 640 s.

**В.А. ЖАБСКИЙ, Т.Г. СИРОТКИНА**

# Миграционная ситуация в Российской Федерации и её влияние на преступность

**АННОТАЦИЯ**. Миграция – социально-демографический процесс, который оказывает влияние на все сферы жизни «принимающего» государства, в том числе на криминогенную обстановку. Российская Федерация, в силу своего географического положения, а также экономических возможностей и исторических связей, остаётся одним из крупнейших центров притяжения мигрантов.В данной статье авторами рассматривается миграционная ситуация в Российской Федерации на современном этапе. Представлены актуальные статистические данные миграционной преступности. Исследование взаимосвязи миграционных процессов и преступности невозможно без использования многофакторного подхода, основанного на понимании специфики миграционных потоков. Цель статьи – проанализировать влияние миграционной ситуации на состояние и структуру преступности в нашем государстве. В процессе исследования выявлены криминогенные факторы, связанные с миграционной ситуацией: социально-экономическая маргинализация, культурно-правовые «пробелы», коррупция в сфере миграции, образование «миграционных ячеек». Научная значимость заключается в предложенных авторами мерах стабилизации миграционной ситуации в нашем государстве и ее влияния на преступность.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: миграция, миграционные процессы, преступность мигрантов, миграционная ситуация, мигрант, предупреждение преступности, миграционное законодательство, миграционный учёт.

**ЖАБСКИЙ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (e-mail: vzhabskii@mail.ru).
**СИРОТКИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА** – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (e-mail: tanysir97@yandex.ru).

Сегодня с уверенностью можно констатировать, что миграционные процессы в современной России представляют собой не только сложное социально-экономическое, но и криминологическое явление. В условиях глобализации, геополитических изменений и экономических трансформаций такие процессы оказывают значительное влияние на структуру и динамику преступности. Кроме того, формируется личность преступника-мигранта как отдельная категория.

Согласно статистическим данным МВД России, за период январь-декабрь 2024 года иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 38,6 тыс. преступлений, что на 0,9 % меньше, чем за январь-декабрь 2023 года, в том числе гражданами государств-участников СНГ – 32,7 тыс. преступлений (+0,6 %), их удельный вес составил 84,8 %[1]. Что касается 2025 года, то за период январь – апрель иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации (из числа предварительно расследованных преступлений) совершено 15,7 тыс. преступлений, что на 11,6 % больше, чем за январь – апрель 2024 года, в том числе гражданами государств-участников СНГ – 13,5 тыс. преступлений (+15,4 %), их удельный вес составил 85,8 %[2].

Проблеме миграционной ситуации в России уделяют внимание как ученые-криминологи, так и политики, главы отдельных ведомств нашей страны, а заголовки средств массовой информации

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 г. // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 19.05.2025).

2. Состояние преступности в России за январь – апрель 2025 г. // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ. URL: https://мвд.рф/reports/item/65027102/ (дата обращения: 19.05.2025)

пестрят примерами деструктивного, противозаконного поведения мигрантов.

Так, в Всеволожском районе мигрант устроил смертельное дорожно-транспортное происшествие, после чего скрылся с места происшествия и до задержания находился у своих родственников. Уголовное дело по факту нарушения правил дорожного движения, повлёкшего смерть человека (ч. 3 ст. 264 УК РФ) было возбуждено региональным управлением МВД России. Наряду с этим следственными органами СК России по Ленинградской области была организована процессуальная проверка по вопросу обеспечения контролирующими органами необходимых мер за соблюдением миграционного законодательства[3].

Следственным комитетом осуществляются проверки не только противоправных действий самих мигрантов, но и лиц, осуществляющих работу с данной категорией граждан. В мае 2025 года А.И. Бастрыкиным было дано поручение руководителю СУ СК России по Нижегородской области Ахметшину А.С. доложить о результатах расследования уголовного дела и собранной доказательственной базе в отношении руководителя миграционной службы в городе Павлово Нижегородской области, в результате попустительства которой нарушители миграционного законодательства избегали наказания. Следственными органами СК России по Нижегородской области в отношении неё расследовалось уголовное дело по ст. 293 УК РФ (халатность), которое было завершено, однако суд освободил фигурантку от наказания в связи с истечением сроков давности уголовного преследования[4].

Особое внимание миграционной ситуации в нашей стране уделяется и сотрудниками МВД России. Организуются массовые мероприятия по пресечению преступлений в сфере миграции (например, в рамках проверки соблюдения иностранными гражданами режима пребывания на территории Российской Федерации участковые уполномоченные полиции ОМВД России по Талдомскому городскому округу проверили квартиры, расположенные в г. Талдом, п. Темпы, с. Новоникольского и д. Петрино. Сотрудниками полиции было установлено, что четверо собственников жилья поставили на миграционный учёт 18 иностранных граждан, но мест для их временного проживания не предоставили. В отношении подозреваемых дознавателем Отделения дознания ОМВД были возбуждены уголовные дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации)[5].

Также сотрудниками МВД России проводятся и профилактические мероприятия в рассматриваемой сфере (например, в мае 2025 года Врио начальника Отдела по вопросам миграции МУ МВД России «Балашихинское» майор полиции Надежда Максименкова, её заместитель – старший лейтенант полиции Анна Королева, а также член Общественного совета при МУ МВД России «Балашихинское» Евгения Харченко приняли участие в круглом столе по вопросам миграционного учёта иностранных граждан. Полицейские довели присутствующим требования миграционного законодательства по осуществлению миграционного учёта иностранных граждан в Российской Федерации, а также обсудили ответственность за нарушение миграционного законодательства)[6].

По мнению М. Г. Решняк, до теракта в Крокус Сити Холле весной 2024 г. миграционное законодательство России было относительно мягким, что благоприятствовало увеличению притока мигрантов. Учитывая, что подавляющее большинство

---

3. Председатель СК России поручил возбудить уголовное в связи с публикацией о противоправном поведении мигранта в Ленинградской области. URL: https://sledcom.ru/news/item/1983696/ (дата обращения: 19.05.2025).

4. Главе ведомства будет представлен доклад о результатах расследования уголовного дела о халатности сотрудницы миграционной службы в Нижегородской области URL: https://sledcom.ru/news/item/1983548/ (дата обращения: 19.05.2025).

5. В Талдомском округе пресечена фиктивная постановка на учет иностранных граждан. URL: https://50.мвд.рф/news/item/64929989/ (дата обращения: 19.05.2025).

6. В Реутове полицейские и общественница приняли участие в круглом столе по вопросам миграционного учета иностранных граждан на территории Российской Федерации. URL: https://50.мвд.рф/news/item/65023529/ (дата обращения: 19.05.2025).

мигрантов происходило из стран СНГ – бывших советских республик, историческая память русского народа способствовала созданию достаточно доброжелательных условий для всех прибывающих в Россию[7].

Нельзя не согласиться и с Е. С. Кетенчиевой, что важными показателями миграционной ситуации в Российской Федерации являются: количество фактов постановки на миграционный учёт, миграционный прирост, темп прироста, преступность мигрантов, в том числе наркопреступность как один из наиболее прибыльных видов нелегальной деятельности и интеграция мигрантов[8].

В целом основные потоки миграции в нашей стране формируются за счёт трудовых мигрантов (преимущественно из стран Средней Азии – Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана), вынужденных переселенцев (с территории Украины и др.), а также нелегальных мигрантов (пребывают также из стран Средней Азии с нарушением миграционного законодательства).

К криминогенным факторам, связанным с миграционной ситуацией, можно отнести следующие:

социально-экономическая маргинализация (низкий уровень жизни, а также отсутствие легального трудоустройства часто толкают мигрантов на совершение преступных действий);

– культурно-правовые «пробелы» (мигранты не знают законы Российской Федерации, что, в свою очередь, влечёт нарушение таких законов);

– коррупция в сфере миграции (нередко сотрудники правоохранительных органов «крышуют» незаконный бизнес или незаконное пребывание мигрантов на территории нашего государства);

– образование «миграционных ячеек» (нелегальные мигранты заселяются в одном районе города, буквально «выживают» с территории местное население).

Вызывают особую тревогу и заявления глав диаспор, существующих на территории Российской Федерации. В апреле 2025 года бывший глава узбекской национально-культурной автономии Москвы Бахром Исмаилов в одном из интервью заявил, что узбекам предстоят культурная «экспансия» в России и становление третьим по численности народом на территории нашего государства. Как заявил Бахром Исмаилов: «У нас есть своя узбекская идентичность, мы можем заменить культуру в России»[9]. По-нашему мнению, необходимо организовывать тщательные проверки людей, допускающих подобные высказывания в публичном пространстве, а также их деятельности.

Нельзя не отметить и обострение жилищных проблем, связанных с массовым притоком мигрантов некоренных российских национальностей в ряде регионов нашей страны. Происходит перегрузка социальной структуры, прежде всего, детских садов и общеобразовательных школ. Это, в свою очередь, порождает социальную напряжённость, которая быстро приобретает националистический окрас. С положительной стороны в этой связи стоит отметить принятие Федерального закона от 28.12.2024 N 544-ФЗ «О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», согласно которому иностранные граждане принимаются на обучение по основным общеобразовательным программам при условии успешного прохождения на бесплатной основе в государственной или муниципальной общеобразовательной организации тестирования на знание русского языка, достаточное для освоения указанных образовательных программ. По-нашему мнению, такая мера позволит детям иностранных граждан более полно понимать и принимать сложившуюся культуру на территории нашего государства.

Стабилизации миграционной ситуации в нашем государстве и ее влияния на преступность могут способствовать следующие меры:

– ужесточение контроля за работодателями;

7. Решняк М.Г. Миграция: к вопросу о противодействии деструктивному влиянию миграции на безопасность российского государства // Теория и практика общественного развития. 2024. № 10(198). С. 76–81.

8. Кетенчиева Е.С. Возможность влияния отдельных факторов на миграционные процессы и преступность мигрантов в Санкт-Петербурге // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 4.

9. В Госдуме ответили экс-главе узбекской диаспоры на идею заместить русских. URL: https://www.mk.ru/politics/2025/04/18/v-gosdume-otvetili-eksglave-uzbekskoy-diaspory-na-ideyu-zamestit-russkikh.html (дата обращения: 19.05.2025).

– усиленная работа с представителями диаспор (недопущение решения правовых вопросов внутри диаспор без участия правоохранительных органов);

– развитие межведомственного взаимодействия;

– недопущение ксенофобии и агрессии со стороны мигрантов к народам нашего государства;

– расширенная пропагандистская работа.

Следовательно, миграционная ситуация в нашей стране последние несколько лет остаётся наиболее напряжённой и непосредственно влияет на структуру и динамику преступности. Основное влияние миграции на преступность проявляется не в резком увеличении общего уровня преступности за счет мигрантов, а в изменении её структуры, усилении виктимности мигрантов и росте социальной напряжённости. В целях предупреждения такого влияния в Российской Федерации необходимо ужесточить правовые меры, применяемые к мигрантам, а также в целом ужесточить миграционную политику. Это позволит повысить управляемость миграционных процессов.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кетенчиева Е.С. Возможность влияния отдельных факторов на миграционные процессы и преступность мигрантов в Санкт-Петербурге // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 4. С. 77–82.

2. Решняк М.Г. Миграция: к вопросу о противодействии деструктивному влиянию миграции на безопасность российского государства // Теория и практика общественного развития. 2024. № 10(198). С. 76–81.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. KetenchievaE.S. Vozmozhnost' vlijanijaotdel'nyhfaktorovnamigracionnyeprocessyiprestupnost' migrantovvSankt-Peterburge // Zhurnalpravovy hijekonomicheskihissledovanij. 2021. № 4. S. 77–82.

2. ReshnjakM.G. Migracija: kvoprosuoprotivodejstviidestruktivnomuvlijanijumigraciinabezopasnost' rossijskogogosudarstva // Teorijaipraktikaob shhestvennogorazvitija. 2024. № 10(198). S. 76–81.

М.Е. КЛЮКОВА, И.О. АНТОНОВ, А.Ю. ВЕРИН

# Некоторые тактические особенности производства допроса потерпевших и оценки его результатов по делам о мошенничестве в брачно-семейных отношениях

**АННОТАЦИЯ**. Авторами проанализированы основные тактические особенности подготовки и проведения допроса потерпевших по уголовным делам о мошенничестве в сфере брачно-семейных отношений. В статье раскрывается содержание основных тактических приёмов допроса жертв по уголовным делам названной категории. Обозначены некоторые направления возможного совершенствования тактического обеспечения допросов потерпевших и оценки их результатов по уголовным делам о мошенничестве в сфере брачно-семейных отношений.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: расследование, преступление, мошенничество, обман, дистанционное мошенничество, романтическое мошенничество, допрос, тактика, потерпевший, брачно-семейные отношения, брачный аферист.

**КЛЮКОВА МАРИНА ЕВГЕНЬЕВНА** – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (e-mail: dkme@mail.ru);
**АНТОНОВ ИГОРЬ ОЛЕГОВИЧ** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (e-mail: igolant@yandex.ru);
**ВЕРИН АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета (e-mail: verinkfu@mail.ru).

Мошенничества в сфере брачно-семейных отношений (романтические мошенничества) занимают особое место среди актуальных в наши дни разновидностей криминального обмана. Это обусловлено, с одной стороны, наличием в способе преступления такого элемента как корыстная эксплуатация доверия жертвы в межличностных взаимодействиях при построении, развитии или прекращении брачно-семейных (романтических) отношений, с другой стороны – теми негативными последствиями, которые несут в себе результаты такого рода криминального взаимодействия для института брака и семьи в целом.

В настоящее время для Российского государства защита институтов брака и семьи от криминальных посягательств является одной из приоритетных задач. В РФ для обеспечения антикриминальной безопасности названных институтов совершенствуются уголовно-правовая база и юридические процедуры, в рамках которых становится возможным эффективное выявление, расследование и предупреждение преступлений в сфере брачно-семейных отношений, в том числе и мошенничеств. Существенную роль для обеспечения приемлемого уровня эффективности предварительного расследования уголовных дел о мошенничестве в сфере брачно-семейных отношений играет совершенствование тактического обеспечения производства следственных действий, среди которых всегда особое место будет занимать допрос жертв рассматриваемой разновидности криминального обмана.

Способы современного мошенничества в сфере брачно-семейных отношений являются весьма разнообразными[1]. Как показывает судебно-следственная практика, мошенники названной спе-

1. См., например: Клюкова М.Е., Антонов И.О., Верин А.Ю. Криминалистическая классификация способов мошенничества в сфере брачно-семейных отношений // Евразийская адвокатура. 2024. № 5 (70). С. 117–123; Клюкова М.Е., Антонов И.О., Верин А.Ю. Некоторые особенности выявления и организации расследования мошенничества в сфере брачно-семейных отношений // Семья и традиционные семейные ценности как духовно-нравственная основа развития общества и государства: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 18–20 апреля 2024 г. / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2024. С. 160–167.

циализации творчески адаптируют классические способы так называемых брачных афер к современным реалиям.

Важнейшим носителем криминалистически значимой информации об обстоятельствах совершенного мошенничества в сфере брачно-семейных отношений является жертва криминального обмана. В этой связи разработка и совершенствование тактического обеспечения допроса потерпевших по рассматриваемой категории уголовных дел остаётся актуальной задачей для криминалистической науки. Квалифицированно проведённый допрос потерпевшего от действий мошенника, специализирующегося на брачных аферах, во многом формирует необходимые предпосылки для успешного решения задач расследования уголовного дела, в частности, может предопределить успешное задержание скрывшегося лица, подозреваемого в совершении преступления[2].

Для решения следователем задач получения криминалистически значимой информации от потерпевших в процессе допроса на практике, безусловно, должны быть востребованы общие рекомендации по подготовке и проведению названного следственного действия, а также использованию в доказывании его результатов. Еще больший интерес для следователя представляют рекомендации по тактике проведения допроса потерпевших по уголовным делам о мошенничестве, среди которых особой ценностью обладают тактические приёмы допроса, которые направлены на подготовку и проведение допросов потерпевших от мошенничества, способы которых по отдельным позициям близки способам мошенничеств в сфере брачно-семейных отношений (например, тактические приёмы допроса лиц, ставших жертвами дистанционных мошенничеств). Вместе с тем, тактика допроса потерпевших по делам о мошенничествах в сфере брачно-семейных отношений имеет свою специфику, которая обусловлена, прежде всего, особенностями способа преступления, а также личностными особенностями жертв рассматриваемой разновидности криминального обмана.

При определении предмета допроса потерпевшего по уголовному делу следователю важно иметь представление об актуальных схемах так называемого «развода» со стороны брачных аферистов.

Получение в процессе допроса потерпевшего криминалистически значимой информации о всех элементах способа мошенничества в сфере брачно-семейных отношений предполагает выяснение обстоятельств знакомства жертвы и мошенника (мошенников). В частности, необходимо установить, по чьей инициативе состоялся первый контакт между ними.

Современные способы рассматриваемой разновидности мошенничества не исключают проявление такого рода инициативы как со стороны афериста, так и со стороны потерпевших лиц. В качестве своеобразного «смешанного» варианта может рассматриваться деятельность брачных агентств (в том числе фейковых). Отечественной судебно-следственной практике известен случай, когда так называемое элитное брачное агентство, в которое обращались женщины с надеждой устроить свой брак с «достойным во всех отношениях» кандидатом, заключало с будущими жертвами договор на оказание соответствующей услуги, а нанятые агентством актеры не без успеха играли роль солидных женихов[3]. В данном случае задача следователя в процессе допроса потерпевшей зафиксировать все значимые для доказывания обстоятельства аферы как при взаимодействии с брачным агентством, так и с «женихом»-актёром.

Также в качестве своеобразного варианта объединителя усилий по встречному поиску «женихов» и «невест», востребованного брачными аферистами, могут рассматриваться специализированные сайты знакомств (дейтинговые приложения). Соответственно в процессе допроса потерпевшего необходимо определить, когда и каким образом

2. Павлова О. Брачный аферист попытался убежать от сотрудников ГИБДД // Советская Чувашия. 2023. 13 апреля [Электронный ресурс]. URL: http://sovch.chuvashia.com/?p=260870

3. Миллионы за жениха: как обманывало фейковое брачное агентство. 2023. 10 февраля. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-24136539_7601371

жертва пользовалась названным способом коммуникации для общения с мошенником, какие средства использовались аферистом для создания привлекательного имиджа в глазах своей жертвы, каким образом передавались денежные средства, заключались сделки в интересах афериста и т.п. Так, обманувший потерпевшую брачный аферист, ранее уже судимый за аналогичные преступления, за непродолжительное время «романа» сумел зарекомендовать себя с положительной стороны – хотя общение происходило исключительно онлайн, мужчина оказывал потерпевшей всяческие знаки внимания в виде букетов цветов и подарков, которые ей привозили от его имени курьеры[4].

Ценной в доказывании по уголовному делу является и информация о доверенных лицах мошенника, которые привлекались им для реализации криминального умысла. Например, брачная афера была совершена лицом, которое отбывало наказание в исправительной колонии за совершение особо тяжких преступлений против личности. На сайте знакомств аферист выкладывал анкеты с вымышленными данными с предложениями серьёзных отношений. Для женщин, с которыми он вступал в дистанционную коммуникацию, разыгрывался сценарий общения, в котором аферист представлялся либо сотрудником спецслужб в отставке, либо офицером с боевым опытом, либо крупным предпринимателем. Для «проверки чувств» будущей жертвы аферист убеждал её пройти тест, который включал в себя несколько испытаний (передача ему персональных данных, полных реквизитов банковских карт, пин-кодов и паролей доступа в мобильные банковские сервисы, фотографии и видеозаписи жертвы интимного характера). Для прохождения финального испытания аферисту, находившемуся в местах не столь отдалённых, объективно необходимо было задействовать доверенных лиц – именно этим лицам жертвы передавали крупную сумму наличных денег. В качестве посредников аферист привлекал своих знакомых, которые получив от потерпевших деньги, передавали их затем его супруге (в общем итоге десять миллионов четыреста тысяч рублей)[5].

Полученная в процессе допроса такого рода информация о средствах и содержании коммуникации между мошенником и его жертвой, о составе её участников способна помочь в решении задач по установлению личности неизвестного следствию афериста и определения его местонахождения.

Для изобличения брачного афериста в криминальном обмане важно получить от потерпевшей подробную информацию о том, под каким предлогом ему передавались деньги или другие ценности (особенности манипулятивного воздействия), а также о возможных дополнительных источниках доказательственной информации, подтверждающих факт такой передачи. Так, типичной по данной категории дел выглядит криминальная схема, в рамках которой брачный аферист Н. через какое-то время общения со своей жертвой заявил о том, что у него возникли определённые жизненные сложности – сначала якобы заболела дочь и срочно понадобились деньги на ее лечение, затем случилась проблемная ситуация в его бизнесе. В итоге жертва аферы, чтобы помочь своему избраннику, продала две квартиры и передала ему в общей сложности более 11 миллионов рублей[6].

Известны случаи, когда жертвы одного и того же брачного афериста взаимодействовали (например, в социальных сетях) между собой с целью пресечения его мошеннической деятельности и привлечения к ответственности ещё до инициирования уголовного преследования. Показания об обстоятельствах такого взаимодействия представляют определённый интерес для изобличения мошенника уже при производстве по уголовно-

4. В Краснодарском крае полицейские задержали брачного афериста // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. 29 сентября [Электронный ресурс]. URL:https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/32812593

5. К длительному сроку заключения приговорен брачный аферист из Приморского края // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. 13 февраля [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/35716254

6. Буланов С. За 52-летнего брачного афериста были готовы выйти замуж 10 москвичек // Российская газета. 2023. 11 января [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2023/01/11/professionalnyj-zhenih.html

му делу. Иногда именно предварительная работа заинтересованных лиц по обобщению и систематизации собранной от жертв информации о действиях аферистов становится основой для инициирования уголовного преследования мошенников. Примером может служить случай, когда жертвами криминальной активности брачных аферистов в Москве стали инвалиды по слуху[7].

Выбор тактики допроса жертв мошенничества в сфере брачно-семейных отношений во многом определяется личностными особенностями пострадавших от рассматриваемой разновидности криминального обмана[8].

В юридической литературе среди составляющих криминалистической характеристики жертв брачных аферистов специалисты чаще всего выделяют следующие общие для них черты характера – неуверенные в себе люди, при этом одержимые желанием обрести своё личное счастье[9]. Нельзя не согласиться с оценками психологов, которые считают, что пострадавшими от криминального обмана в романтической сфере становятся, прежде всего, женщины среднего и более старшего возраста, брошенные, разведённые, потерявшие супруга, одинокие матери, которые пытаются найти детям отца, а также отчаявшиеся мужчины, мечтающие всё-таки встретить в своей жизни так называемую «неземную» любовь. Для большинства названных категорий жертв брачных аферистов, по мнению психологов, типичны: импульсивность, излишняя доверчивость, эмоциональная нестабильность, склонность к формированию сильных зависимостей[10]. В случае сильной эмоциональной зависимости существует вероятность, что жертва может в той или иной степени оправдывать действия афериста. Это может привести к тому, что пострадавшая вообще не обратится в правоохранительные органы, либо, когда криминальный обман выявлен и ведётся предварительное следствие по уголовному делу, показания жертвы будут неполными.

Определённые сложности при подготовке, проведении и оценке результатов допроса жертвы брачной аферы могут быть обусловлены сложившимся у неё на момент участия в следственных действиях эмоциональным состоянием. Для очень многих потерпевших от мошенничества в сфере брачно-семейных отношений криминальный обман со стороны лица, которому они безусловно доверяли, уделяли своё время, передавали деньги, ценности и т. п., является серьёзной психологической травмой.

Как известно, мошенничество в сфере брачно-семейных отношений может носить трансграничный характер. Аферисты и их жертвы могут быть гражданами разных государств. В отечественной судебно-следственной практике имело место расследование уголовных дел о брачных аферах, в которых мошенники являлись гражданами РФ, а потерпевшие обладали гражданством (подданством) другого государства. Соответственно следователю необходимо было решать задачи по процессуальному и тактическому обеспечению коммуникации с потерпевшими – иностранцами. Примером успешного решения такого рода задач может служить расследование уголовного дела о попадании в романтические сети отечественных брачных аферистов мужчин из городов Ухань, Синин и Гуаньчжоу Китайской народной республики. Криминальный обман осуществлялся из колцентра, размещённого в арендованной квартире в Чебоксарах, откуда россияне вели с китайцами общение от имени «русских красавиц», якобы мечтающих выйти замуж за иностранца. На данной брачной афере мошенники «заработали» более

7. Соколова А. «Герман Греф – мой приближенный». В Москве накрыли банду глухих аферистов // Аргументы и факты. 2023. 24 августа [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/society/safety/german_gref_moy_priblizhennyy_v_moskve_nakryli_bandu_gluhih_aferistov

8. Соколова А. Указ соч.

9. Темникова М. В Москве пресекли деятельность банды брачных аферистов // Смотрим. 2023. 14 июня [Электронный ресурс]. URL: https://smotrim.ru/article/3404507

10. Анисимова Е. Романтические аферисты: кто попадает на их крючок // Psychologies [Электронный ресурс]. URL: https://www.psychologies.ru/articles/romanticheskie-aferistyi-kto-popadaet-na-ih-kryuchok/

3,5 миллионов рублей. Криминалистически значимая информация от потерпевших граждан КНР была получена через приложение WeChat (Weixin). Допрос проводился с участием переводчика[11].

В аспекте приведённых рассуждений важно отметить, что дальнейшее совершенствование тактического обеспечения допросов потерпевших по уголовным делам о мошенничестве в сфере брачно-семейных отношений позволит повысить эффективность данного следственного действия, что, в свою очередь, не может не сказаться позитивно на повышении результативности противодействия правоохранительных органов рассматриваемой разновидности криминального обмана.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анисимова Е. Романтические аферисты: кто попадает на их крючок // Psychologies [Электронный ресурс]. URL: https://www.psychologies.ru/articles/romanticheskie-aferistyi-kto-popadaet-na-ih-kryuchok/

2. Буланов С. За 52-летнего брачного афериста были готовы выйти замуж 10 москвичек // Российская газета. 2023. 11 января [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2023/01/11/professionalnyj-zhenih.html

3. Клюкова М.Е., Антонов И.О., Верин А.Ю. Криминалистическая классификация способов мошенничества в сфере брачно-семейных отношений // Евразийская адвокатура. 2024. № 5 (70). С. 117–123.

4. Клюкова М.Е., Антонов И.О., Верин А.Ю. Некоторые особенности выявления и организации расследования мошенничества в сфере брачно-семейных отношений // Семья и традиционные семейные ценности как духовно-нравственная основа развития общества и государства: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 18–20 апреля 2024 г. / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2024. С. 160–167.

5. Павлова О. Брачный аферист попытался убежать от сотрудников ГИБДД // Советская Чувашия. 2023. 13 апреля [Электронный ресурс]. URL: http://sovch.chuvashia.com/?p=260870

6. Речкина О. «Невесты» с мышкой // Версия. 2023. 30 мая [Электронный ресурс]. URL: https://ch.versia.ru/v-chuvashii-skamerov-iz-rmye-priznali-vinovnymi-v-gruppovom-moshennichestve

7. Соколова А. «Герман Греф – мой приближенный». В Москве накрыли банду глухих аферистов // Аргументы и факты. 2023. 24 августа [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/society/safety/german_gref_moy_priblizhennyy_v_moskve_nakryli_bandu_gluhih_aferistov

8. Темникова М. В Москве пресекли деятельность банды брачных аферистов // Смотрим. 2023. 14 июня [Электронный ресурс]. URL: https://smotrim.ru/article/3404507

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Anisimova E. Romanticheskieaferisty: ktopopadaetnaihkryuchok // Psychologies [Elektronnyjresurs]. URL: https://www.psychologies.ru/articles/romanticheskie-aferistyi-kto-popadaet-na-ih-kryuchok/

2. Bulanov S. Za 52-letnego brachnogo aferista byli gotovy vyjti zamuzh 10 moskvichek // Rossijskaya gazeta. 2023. 11 yanvarya [Elektronnyj resurs]. URL: https://rg.ru/2023/01/11/professionalnyj-zhenih.html

3. Klyukova M.E., Antonov I.O., Verin A.YU. Kriminalisticheskaya klassifikaciya sposobov moshennichestva v sfere brachno-semejnyh otnoshenij // Evrazijskaya advokatura. 2024. № 5 (70). S. 117–123.

4. Klyukova M.E. Antonov I.O., Verin A.YU. Nekotorye osobennosti vyyavleniya i organizacii rassledovaniya moshennichestva v sfere brachno-semejnyh otnoshenij // Sem'ya i tradicionnye semejnye cennosti kak duhovno-nravstvennaya osnova razvitiya obshchestva i gosudarstva: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. CHeboksary, 18-20 aprelya 2024 g. / CHuvash. gos. un-t im. I.N. Ul'yanova. CHeboksary, 2024. S. 160–167.

5. Pavlova O. Brachnyj aferist popytalsya ubezhat' ot sotrudnikov GIBDD // Sovetskaya CHuvashiya. 2023. 13 aprelya [Elektronnyj resurs]. URL: http://sovch.chuvashia.com/?p=260870

6. Rechkina O. «Nevesty» s myshkoj // Versiya. 2023. 30 maya [Elektronnyj resurs]. URL: https://ch.versia.ru/v-chuvashii-skamerov-iz-rmye-priznali-vinovnymi-v-gruppovom-moshennichestve

7. Sokolova A. «German Gref – moj priblizhennyj». V Moskve nakryli bandu gluhih aferistov // Argumenty i fakty. 2023. 24 avgusta [Elektronnyj resurs]. URL: https://aif.ru/society/safety/german_gref_moy_priblizhennyy_v_moskve_nakryli_bandu_gluhih_aferistov

8. Temnikova M. V Moskve presekli deyatel'nost' bandy brachnyh aferistov // Smotrim. 2023. 14 iyunya [Elektronnyj resurs]. URL: https://smotrim.ru/article/3404507

11. Речкина О. «Невесты» с мышкой // Версия. 2023. 30 мая [Электронный ресурс]. URL: https://ch.versia.ru/v-chuvashii-skamerov-iz-rmye-priznali-vinovnymi-v-gruppovom-moshennichestve

Г.С. МИШУГИС-БЕКЕР

# Правовая неопределённость освобождения конфидентов от уголовной ответственности

**АННОТАЦИЯ**. Статья посвящена анализу правовой неопределённости, возникающей в связи с существующим механизмом освобождения от уголовной ответственности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (далее – конфидент), предусмотренным абзацем 4 статьи 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД). Автор обосновывает тезис о нецелесообразности и внутренней противоречивости данной нормы. Критически оценивается её место в системе законодательства, отсутствие четких критериев и процедур, а также коллизии с принципами и нормами уголовного права. Основной вывод статьи заключается в необходимости исключения абзаца 4 статьи 18 ФЗ об ОРД как дефектной нормы, порождающей правовые риски и неопределённость. В качестве альтернативы предлагается формирование комплексного правового регулирования института освобождения конфидентов от уголовной ответственности непосредственно в рамках Уголовного кодекса РФ.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: конфидент, неопределённость, уголовная ответственность, освобождение, специальные нормы, оперативно-розыскная деятельность, систематизация законодательства, уголовный закон, коллизия.

**МИШУГИС-БЕКЕР ГРИГОРИЙ СЕРГЕЕВИЧ** – соискатель ученой степени кандидата юридических наук (e-mail: smihs1234@mail.ru).

Лица, оказывающие конфиденциальное содействие правоохранительным органам, часто оказываются в сложных и опасных ситуациях, где вынуждены совершать преступления для выполнения своих задач. Однако действующее законодательство не всегда учитывает специфику их деятельности и не предусматривает чётких механизмов для освобождения таких лиц от уголовной ответственности, что создаёт правовую неопределённость и приводит к определенным проблемам как для самих конфидентов, так и для правоприменительной практики в целом.

Для полного понимания проблемы следует рассмотреть её более системно. Так, одним из основных аспектов проблемы является правовая неопределённость. В частности, в настоящее время ни уголовное ни оперативно-розыскное законодательство не содержит конкретных норм, регулирующих освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления вынужденно в процессе выполнения своих обязанностей как конфидента, значит, такие лица могут быть привлечены к уголовной ответственности только на общих основаниях.

Однако в абз. 4 ст. 18 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[1] указывается, что конфидент «освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством РФ». При этом, данная формулировка порождает фундаментальные правовую коллизию и иллюзию регулирования. Порядок и основания освобождения от уголовной ответственности как институт материального уголовного права исчерпывающим образом регулируются исключительно нормами Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[2] (глава 11). УК РФ, будучи кодифицированным актом, содержит закрытый перечень оснований такого освобождения, которые признаются общими, т.к. в целом могут быть применены к любым преступлениям, что подтверждается правовой доктриной[3].

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.02.2025) "Об оперативно-розыскной деятельности" // // Российская газета. 1995. 18 августа.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. См. например, Тесленко А.В. Уголовно наказуемое ограничение конкуренции: закон, теория, практика: монография. Москва: Проспект, 2023. 272 с.; Бриллиантов А.В. О новом основании освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. 2025. № 1. С. 19–25.; Лопатина Т.М. Проблемы правоприменения нового основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) // Адвокатская практика. 2024. № 3. С. 27–30.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», по своей правовой природе являющийся законом процессуально-организационным[4], принципиально не может и не должен устанавливать самостоятельные, выходящие за рамки УК РФ, основания для освобождения от уголовной ответственности.

Таким образом, отсылка в абз. 4 ст. 18 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» к освобождению конфидентов «в соответствии с законодательством РФ» фактически не создаёт никакого специального правового механизма. Она лишь констатирует теоретическую возможность применения к конфиденту общих оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных УК РФ, если действия конфидента подпадают под их условия (например, деятельное раскаяние – ст. 75 УК РФ).

Однако специфика статуса конфидента, вынужденный характер совершаемых им в рамках санкционированной оперативно-розыскной деятельности и их общественная полезность (борьба с преступностью), сами по себе не признаются УК РФ самостоятельным юридическим фактом, влекущим прекращение уголовного преследования. Абз. 4 ст. 18 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» не восполняет этот пробел, а лишь создаёт ложное впечатление существования особого правового режима для конфидентов, которого в реальности нет. По сути, данная норма является фиктивной, так как не порождает конкретных правовых последствий, отличных от общего порядка, и не предоставляет конфидентам гарантий, вытекающих из их особой роли, что не только не снимает правовой неопределённости, но и усугубляет её, вводя в заблуждение как самих конфидентов относительно их правового иммунитета, так и правоприменителей относительно возможности применения к ним исключительных правил.

Фиктивная норма вводит в заблуждение конфидента, рассчитывающего, что его ошибки при содействии будут оправданы, а также следственные органы, вынужденные искать лазейки в законе для освобождения от уголовной ответственности конфидентов, которым оно обещано для мотивации к содействию. Оба следствия фиктивной нормы нарушают правопорядок и не способствуют соблюдению законности и формированию корректного правосознания.

Ещё одним из основных элементов проблемы является имеющийся высокий риск для конфидентов. А именно – отсутствие чётких правовых механизмов может поставить под угрозу безопасность и жизнь конфидентов, так как они могут опасаться последствий своих действий, даже если они совершены в интересах борьбы с преступностью.

Немаловажным аспектом проблемы является негативное влияние на правоприменительную практику, складывающееся в настоящий момент, что следует из многочисленных исследований в правовой доктрине (работы Ю.Ю. Тищенко, А.А. Самойловой[5], О.Ю. Кокуриной[6], Н.С. Железняк[7], А.А. Трухачева[8],

4. Подтверждается в работах: Никитин Е.Л. Рассмотрение и разрешение прокурором жалоб и иных обращений в связи с действиями и решениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Законность. 2025. № 3. С. 9–14.; Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке : монография. Москва : Норма, 2022. 400 с.; Уткин В. В. Использование в судебном доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2020. 34 с.; Назаров М.В. Совершенствование механизма представления и использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 28 с.

5. Тищенко Ю.Ю., Самойлова А.А. О возможностях применения помилования в отношении лиц, совершивших преступление в процессе оказания негласного содействия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 6. С. 3–6.

6. Кокурина О.Ю. Дискуссионные проблемы наградного права: "позитивная ответственность" и "позитивные санкции" как юридические понятия // Административное право и процесс. 2020. № 6. С. 32–44.

7. Железняк Н.С. Освобождение от уголовной ответственности конфидента – миф или реальность? // Вестник Кузбасского института. 2022. № 1(50). С. 137–145.

8. Трухачев А.А. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности конфидента // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: Сборник статей по итогам XVIII Международной научно-практической студенческой конференции. Том Часть 1. Под редакцией Е.Е. Черных, М.В. Барановой. М., 2023. Ст. 222–224.

Д.Н. Собетовой[9], А.М. Плешакова[10], С.В. Попова[11]). Неопределённость в правовом статусе конфидентов затрудняет работу правоохранительных органов и может снижать эффективность их деятельности, так как они могут избегать рискованных оперативно-розыскных мероприятий из-за страха наказания.

Важно понимать, что сама деятельность конфидента направлена на достижение целей оперативно-розыскной деятельности либо уголовно-правовой деятельности. Конфидент действует не в собственных интересах, а в интересах государства. При этом возможные противоправные действия, совершаемые конфидентом в процессе содействия правоохранительным органам, должны квалифицироваться с учётом его особого правового статуса и находиться в зоне ответственности государственных органов, сотрудничающих с ним, а не самого конфидента. Значит, для стимулирования конфиденциальной деятельности в части содействия правоохранительным органам по их инициативе следует предусмотреть и законодательно закрепить возможность освобождения от уголовной ответственности конфидентов. Иными словами, сам по себе текст абзаца 4 ст. 18 соответствует целям государственной уголовной политики[12], однако форма его закрепления не достигает целей.

Решение данной проблемы имеет важное значение для обеспечения эффективной работы правоохранительных органов и защиты лиц, оказывающих им конфиденциальное содействие.

Рассматривая вопрос о моменте возникновения статуса конфидента и предшествующих деяниях, следует исходить из принципа функциональной связи деяния с задачами оперативно-розыскной деятельности. Статус конфидента и связанные с ним правовые последствия в виде возможного освобождения от уголовной ответственности возникают с момента его официального оформления в установленном законом порядке (заключение контракта, издание соответствующего распорядительного документа оперативного подразделения и т.д.). Преступления, совершенные лицом до этого момента, не могут быть рассмотрены по основаниям, специфичным именно для конфидента, так как они лишены ключевого признака – санкционированности государством в рамках оперативно-розыскной деятельности и служения её целям. Психическое отношение лица к таким деяниям было лишено специфического социального элемента государственной задачи. Поэтому в отношении таких деяний должен применяться общий порядок привлечения к уголовной ответственности. Освобождение (или специальные основания непривлечения) должно распространяться исключительно на деяния, совершенные после приобретения статуса конфидента и непосредственно в связи с выполнением полученных от оперативных сотрудников санкционированных заданий. Это обеспечивает баланс между интересами оперативно-розыскной деятельности (недопустимостью привлечения к ответственности за санкционированные действия) и принципами уголовного права (неотвратимость ответственности за преступления, совершенные вне связи с государственной функцией).

Существующее регулирование освобождения конфидентов от уголовной ответственности демонстрирует вопиющий дефект систематизации законодательства, под которой, очевидно, понимается обеспечение внутреннего единства[13], непротиворечивости и полноты правового поля. Исключение

9. Собетова Д.Н. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Наукосфера. 2021. № 6–1. С. 453–458

10. Плешаков А.М. Оперативно-розыскное законодательство об освобождении от уголовной ответственности: юридическая фикция в правоприменении // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 4. С. 84–90

11. Попов С.В. Содействие граждан оперативным подразделения органов внутренних дел: проблемы и перспективы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского Университета МВД России. 2024. № 1(75). С. 96–102.

12. Борков В.Н. Уголовная политика и функции государства // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 23–30.

13. Федоров А.В. М.М. Сперанский и систематизация российского законодательства об уголовной ответственности юридических лиц в первой половине XIX века // Российский следователь. 2025. № 4. С. 61–66.

абз. 4 ст. 18 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» строго необходимо, поскольку данная норма, по сути, является фиктивной. Она лишь отсылает к общему законодательству, не создавая реальных оснований для освобождения, что логично следует из монополии Уголовного кодекса РФ (глава 11) на регулирование данного института. Как нельзя кстати подчеркнуть, что закрепление вопроса освобождения от уголовной ответственности вне УК РФ грубо нарушает принцип верховенства уголовного закона, девальвирует его роль и вносит дезорганизацию в систему правовых норм. Более того, сохранение этой нормы активно вводит конфидентов в опасное заблуждение относительно наличия у них особого иммунитета.

Одновременно, для устранения правовой неопределённости требуется расширение главы 11 УК РФ специальной нормой (условно, ст. 75.1), детально регламентирующей основания, условия и порядок освобождения конфидентов. Именно здесь, в кодифицированном акте материального права, данному институту обеспечено логичное место среди иных оснований освобождения от ответственности, гарантируя формальную определённость, внутреннюю целостность и непротиворечивость уголовного законодательства. Однако, критически важно понимать, что простое введение новой статьи в УК РФ при сохранении абз. 4 ст. 18 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» проблему не решит, что неизбежно породит дублирование и конфликты толкования, продолжит дезориентировать конфидентов ложной отсылкой в ненадлежащем законе и, что особенно пагубно, сохранит угрозу подрыва системной роли УК РФ[14].

Таким образом, сохранение абз. 4 ст. 18 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» наносит прямой вред как уголовному закону, нарушая его системность и верховенство, так и конфидентам, формируя у них иллюзорные и необеспеченные гарантии. Комплексное решение – исключение этой деструктивной нормы и создание специального регулирования в главе 11 УК РФ – единственный путь к формированию ясного, логичного и эффективного правового механизма. Оставление же абзаца в ФЗ об ОРД не только неоправданно, но и пагубно для права в целом.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Борков В.Н. Уголовная политика и функции государства // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 23–30.
2. Бриллиантов А.В. О новом основании освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. 2025. № 1. С. 19–25.
3. Железняк Н.С. Освобождение от уголовной ответственности конфидента – миф или реальность? // Вестник Кузбасского института. 2022. № 1(50). С. 137–145.
4. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: монография. Москва : Норма, 2022. 400 с.
5. Кокурина О.Ю. Дискуссионные проблемы наградного права: «позитивная ответственность» и «позитивные санкции» как юридические понятия // Административное право и процесс. 2020. № 6. С. 32–44.
6. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / В.П. Кашепов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др.; отв. ред. В.П. Кашепов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «Юридическая фирма КОНТРАКТ», 2018. 280 с.
7. Лопатина Т.М. Проблемы правоприменения нового основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) // Адвокатская практика. 2024. № 3. С. 27–30.
8. Назаров М.В. Совершенствование механизма представления и использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 28 с.
9. Никитин Е.Л. Рассмотрение и разрешение прокурором жалоб и иных обращений в связи с действиями и решениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Законность. 2025. № 3. С. 9–4.
10. Плешаков А.М. Оперативно-розыскное законодательство об освобождении от уголовной ответственности: юридическая фикция в правоприменении // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 4. С. 84–90.

14. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / В.П. Кашепов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др.; отв. ред. В.П. Кашепов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «Юридическая фирма КОНТРАКТ», 2018. 280 с.

11. Попов С.В. Содействие граждан оперативным подразделения органов внутренних дел: проблемы и перспективы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского Университета МВД России. 2024. № 1(75). С. 96–102.

12. Собетова Д.Н. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Наукосфера. 2021. № 6–1. С. 453–458.

13. Тесленко А.В. Уголовно наказуемое ограничение конкуренции: закон, теория, практика: монография. Москва: Проспект, 2023. 272 с.

14. Тищенко Ю.Ю., Самойлова А.А. О возможностях применения помилования в отношении лиц, совершивших преступление в процессе оказания негласного содействия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 6. С. 3–6.

15. Трухачев А. А. К вопросу об освобождении от уголовной ответственности конфидента // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики. Сборник статей по итогам XVIII Международной научно-практической студенческой конференции. Том Часть 1 / под редакцией Е.Е. Черных, М.В. Барановой. Москва2023. Ст. 222-224.

16. Уткин В.В. Использование в судебном доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2020. 34 с.

17. Федоров А.В. М.М. Сперанский и систематизация российского законодательства об уголовной ответственности юридических лиц в первой половине XIX века // Российский следователь. 2025. № 4. С. 61–66.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1.Borkov V.N. Ugolovnajapolitikaifunkciigosudarstva // Zhurnalrossijskogoprava. 2023. № 1. S. 23–30.

2. Brilliantov A.V. Onovomosnovaniiosvobozhdenijaotugolovnojotvetstvennosti // Ugolovnoepravo. 2025. № 1. S. 19–25.

3. Zheleznjak N.S. Osvobozhdenieotugolovnojotvetstvennostikonfidenta – mifilireal'nost'? // VestnikKuzbasskogoinstituta. 2022. № 1(50). S. 137–145.

4. Zaharcev S.I., Ignashhenkov Ju.Ju., Sal'nikov V.P. Operativno-rozysknaja dejatel'nost' v XXI veke: monografija. Moskva : Norma, 2022. 400 s.

5. Kokurina O.Ju. Diskussionnye problemy nagradnogo prava: «pozitivnaja otvetstvennost'« i «pozitivnye sankcii» kak juridicheskie ponjatija // Administrativnoe pravo i process. 2020. № 6. S. 32–44.

6. Kriminalizacija i dekriminalizacija kak formy preobrazovanija ugolovnogo zakonodatel'stva: monografija / V.P. Kashepov, N.A. Golovanova, A.A. Gravina i dr.; otv. red. V.P. Kashepov. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: OOO «Juridicheskaja firma KONTRAKT», 2018. 280 s.

7. Lopatina T.M. Problemy pravoprimenenija novogo osnovanija osvobozhdenija ot ugolovnoj otvetstvennosti (st. 78.1 UK RF) // Advokatskaja praktika. 2024. № 3. S. 27–30.

8. Nazarov M.V. Sovershenstvovanie mehanizma predstavlenija i ispol'zovanija rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti v ugolovnom processe: avtoreferat dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2024. 28 s.

9. Nikitin E.L. Rassmotrenie i razreshenie prokurorom zhalob i inyh obrashhenij v svjazi s dejstvijami i reshenijami organov, osushhestvljajushhih operativno-rozysknuju dejatel'nost' // Zakonnost'. 2025. № 3. S. 9–4.

10. Pleshakov A.M. Operativno-rozysknoe zakonodatel'stvo ob osvobozhdenii ot ugolovnoj otvetstvennosti: juridicheskaja fikcija v pravoprimenenii // Vestnik Ural'skogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 4. S. 84–90.

11. Popov S.V. Sodejstvie grazhdan operativnym podrazdelenija organov vnutrennih del: problemy i perspektivy // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii. 2024. № 1(75). S. 96–102.

12. Sobetova D.N. K voprosu ob osvobozhdenii ot ugolovnoj otvetstvennosti lic, sodejstvujushhih organam, osushhestvljajushhim operativno-rozysknuju dejatel'nost' // Naukosfera. 2021. № 6-1. S. 453–458.

13. Teslenko A.V. Ugolovno nakazuemoe ogranichenie konkurencii: zakon, teorija, praktika: monografija. Moskva: Prospekt, 2023. 272 s.

14. Tishhenko Ju.Ju., Samojlova A.A. O vozmozhnostjah primenenija pomilovanija v otnoshenii lic, sovershivshih prestuplenie v processe okazanija neglasnogo sodejstvija // Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie. 2022. № 6. S. 3–6.

15. Truhachev A. A. K voprosu ob osvobozhdenii ot ugolovnoj otvetstvennosti konfidenta // Aktual'nye problemy sovremennoj juridicheskoj nauki i praktiki. Sbornik statej po itogam XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj studencheskoj konferencii. Tom Chast' 1. Pod redakciej E.E. Chernyh, M.V. Baranovoj. Moskva2023. St. 222–224.

16. Utkin V.V. Ispol'zovanie v sudebnom dokazyvanii po ugolovnym delam rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2020. 34 s.

17. Fedorov A.V. M.M. Speranskij i sistematizacija rossijskogo zakonodatel'stva ob ugolovnoj otvetstvennosti juridicheskih lic v pervoj polovine XIX veka // Rossijskij sledovatel'. 2025. № 4. S. 61–66.

Е.Н. СЕНИНА

# Восстановительный подход в отношении несовершеннолетних правонарушителей: уголовно-правовые и криминологические аспекты

**АННОТАЦИЯ**. В статье представлены результаты исследования уголовно-правовых и криминологических аспектов восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Выявлены ключевые проблемы институциональной инерции и ограниченного применения восстановительных процедур в России. Предлагаются направления их преодоления через развитие медиации, приоритизацию воспитательных мер и формирование новых общественных и профессиональных установок.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: восстановительное правосудие, несовершеннолетние правонарушители, уголовная ответственность, принудительные меры воспитательного воздействия, примирительная медиация, ресоциализация, ювенальная юстиция.

**СЕНИНА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА** – кандидат юридических наук, директор Института медиации Российского университета адвокатуры и нотариата им. Г.Б. Мирзоева (email: eadvocat8@gmail.com).

Преступность несовершеннолетних представляет собой одну из наиболее острых социальных проблем современной России. Ежегодно фиксируются десятки тысяч правонарушений, совершаемых подростками: так, в 2024 г. к уголовной ответственности привлечено около 9,5 тыс. подростков в возрасте 14–17 лет; хотя общее число преступлений с их участием снизилось на 3,4 %, количество особо тяжких деяний, напротив, возросло на 22 % по сравнению с предыдущим годом[1]. Наблюдается тревожная тенденция омоложения преступности и роста групповых преступлений. Среди ключевых причин данного явления выделяются ослабление семейного воспитания и надзора, подражание асоциальным образцам поведения взрослых, ранняя алкоголизация и наркомания, а также стремление к самоутверждению в среде сверстников. Указанные факторы способствуют вовлечению подростков в преступную деятельность взрослыми лицами.

Традиционная система уголовно-правового реагирования, основанная преимущественно на карательных мерах, демонстрирует ограниченную эффективность и носит деперсонифицированный характер. В этой связи актуализируется поиск альтернативных подходов, способных обеспечить не только защиту общества и восстановление прав потерпевших, но и ресоциализацию несовершеннолетних правонарушителей. Одним из таких перспективных направлений является восстановительное правосудие (восстановительный подход), предполагающее смещение акцента с наказания виновного на заглаживание причинённого преступлением вреда и содействие осознанию подростком своей ответственности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления устоявшихся методов уголовного преследования несовершеннолетних в контексте внедрения восстановительных процедур. Проблема заключается в том, что при сохраняющейся высокой подростковой преступности действующее законодательство и правоприменительная практика ещё недостаточно ориентированы на восстановительный подход. Требуется научный анализ уголовно-правовых и криминологических аспектов применения восстановительных программ к несовершен-

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/

нолетним с учётом как зарубежного опыта, так и отечественных реалий.

Восстановительное правосудие в отношении несовершеннолетних представляет собой альтернативную модель разрешения уголовно-правового конфликта, в центре которой находится достижение баланса интересов жертвы, правонарушителя и общества посредством заглаживания вреда и ресоциализации виновного, а не назначения строгого наказания. Как отмечает А.Г. Власов, это новый подход, направленный прежде всего на восстановление материального, морального и иного ущерба, причиненного жертве и обществу, на осознание и заглаживание вины правонарушителем, а также на содействие его реабилитации. Преступление рассматривается не только как нарушение закона, но и как причинение вреда конкретному человеку, что требует активного участия правонарушителя в исправлении причинённого вреда[2]. В отличие от традиционного наказания, связанного с претерпеванием ограничения прав и свобод, восстановительные меры активизируют субъектную позицию подростка, превращая его из пассивного объекта в активного участника разрешения конфликта. Л.М. Карнозова подчёркивает двуединую направленность ювенальной юстиции в восстановительной парадигме: удовлетворение интересов потерпевших и воспитательное воздействие на правонарушителя[3].

Ключевым инструментом восстановительной юстиции выступают процедуры посредничества (медиации) между потерпевшим и правонарушителем. Так, Р.Р. Максудов определяет восстановительную медиацию как процесс, в котором нейтральный посредник создает условия для восстановления способности сторон понимать друг друга и договариваться о приемлемых вариантах разрешения проблемы, включая возмещение вреда. Прямая коммуникация в безопасной обстановке позволяет достичь взаимопонимания, дать подростку шанс извиниться и компенсировать ущерб, а жертве – получить удовлетворение[4]. Успешность применения восстановительного подхода зависит от ряда условий: признание вины несовершеннолетним, добровольное согласие потерпевшего на участие в программе, наличие квалифицированных медиаторов и социальных работников. Наиболее оправдано использование восстановительных программ при преступлениях небольшой и средней тяжести, часто совершаемых впервые.

В отечественной науке и практике интерес к ювенальным технологиям и восстановительному подходу заметно возрос в последние десятилетия. Ключевым принципом современной ювенальной юстиции является дружественное к ребёнку правосудие, закреплённое Национальной стратегией действий в интересах детей на 2012–2017 гг. Эта концепция предполагает обеспечение уважения прав ребёнка с учётом его возраста и уровня развития, приоритет воспитательных мер и восстановительного подхода, признание роли семьи, учёт условий жизни и воспитания, наличие системы специализированных служб, включая службы примирения[5]. Таким образом, на нормативном уровне провозглашён переход от карательной реакции к реабилитационно-восстановительной модели ювенального правосудия.

Следует особенно отметить, что восстановительный подход давно и успешно применяется в ряде зарубежных стран. Международные стандарты, такие как Пекинские правила ООН 1985 г., рекомендуют государствам развивать альтернативы уголовным наказаниям для несо-

2. Власов А.Г. Роль восстановительного правосудия в развитии уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних // Развитие территорий. 2018. № 2. С. 45.

3. Карнозова Л.М. Программы восстановительного правосудия с несовершеннолетними правонарушителями // Психология и право. 2012. № 4. С. 144.

4. Максудов Р.Р. Особенности работы с конфликтными и криминальными ситуациями в программах восстановительной медиации // Вестн. восстановительной юстиции. 2017. № 14. С. 18.

5. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы: утв. Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

вершеннолетних[6]. В частности, в Германии Закон о судах по делам несовершеннолетних (Jugendgerichtsgesetz) предусматривает возможность прекращения уголовного преследования несовершеннолетнего при условии примирения с потерпевшим и возмещения вреда. В Австрии внесудебное урегулирование конфликтов с участием несовершеннолетних (Tatausgleich) было введено в 1988 г. и расширено реформой 1999 г. В Новой Зеландии с конца 1980-х гг. действуют семейные групповые конференции, ставшие частью официальной системы и показавшие впечатляющие результаты по снижению рецидива[7].

Российские исследователи отмечают, что, несмотря на различия в классификации мер воспитательного воздействия в разных правовых системах, их суть едина – исправление и перевоспитание подростков менее суровыми средствами[8]. Несмотря на наличие негативного восприятия зарубежного опыта в России, консенсус исследователей склоняется к необходимости его адаптации с учётом российских социокультурных условий.

Российское законодательство содержит ряд положений, которые можно отнести к элементам восстановительного подхода. В частности, ст. 76 Уголовного кодекса РФ и ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса РФ устанавливают возможность освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причинённый вред. Данное основание особенно часто применяется именно в отношении несовершеннолетних.

Уголовный кодекс РФ в ст. 90 предусматривает освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия (далее – ПМВВ), если его исправление может быть достигнуто без уголовного наказания. К таким мерам относятся: предупреждение, передача под надзор родителей или специализированного государственного органа, обязанность загладить причинённый вред, ограничение досуга и установление особых требований к поведению. Допускается освобождение от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ст. 92 Уголовного кодекса РФ).

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в главе 50 устанавливает особый порядок производства по делам несовершеннолетних, обязывающий суд выяснять условия жизни и воспитания подростка, уровень психического развития и иные особенности личности. Закон требует участия в процессе законных представителей, представителей комиссий по делам несовершеннолетних, инспекции по делам несовершеннолетних МВД, педагогов.

Реализация восстановительного подхода в практике российских судов идет постепенно и неравномерно. Имеются примеры прекращения дел ввиду примирения сторон. Как правило, судьи прекращают уголовные дела в отношении несовершеннолетних, обвинявшегося в совершении или покушении на совершение преступлений против собственности, в связи с примирением потерпевшим после возмещения ущерба и принесения извинений[9]. В то же время применение ПМВВ до недавнего времени оставалось исключением. Исследование

6. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»): приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 10 декабря 1985 г. // Советская юстиция. 1991. №№ 12–14.

7. См. подр.: Марков Р.С., Митин Е.А. Из истории возникновения и развития института медиации // В зеркале права – 2021: Сб. науч. тр. Вып. 2: Медиаия в современном обществе. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 34–35.

8. См., напр.: Сидоров А.В., Волкова С.Н., Кузнецов А.В. О некоторых вопросах применения ювенальных технологий и восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей // Закон и право. 2024. № 5. С. 275–279.

9. См., напр.: Постановление Останкинского районного суда г. Москвы от 2 июня 2020 г. по делу № 1-293/2020; Постановление Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга от 9 сентября 2021 г. по делу № 1-1036/2021; Постановление Хамовнического районного суда г. Москвы от 14 июня 2022 г. по делу № 01-0135/2022; Постановление Центрального районного суда г. Волгограда от 6 марта 2025 г. по делу № 1-120/2025; Постановление Ленинский районный суд г. Новосибирска от 31» января 2025 г. по делу № 1-103/2025; Постановление Кировского районный суд г. Новосибирска от 14» мая 2025 г. по делу № 1-300/2025; Постановление Динского районного суда Краснодарского края от 27 мая 2025 г. по делу № 1-269/2025.

А.Г. Власова показало, что в 2010-е гг. в Новосибирской области ходатайства о прекращении дел с ПМВВ составляли около 4 % от общего числа дел несовершеннолетних. В 2015 г. по стране таких решений было всего 16 (1,5 %). После вмешательства прокуратуры в 2016 г. наблюдался временный рост (9,5 %), но затем показатели вновь снизились[10]. Суды неохотно удовлетворяют ходатайства о ПМВВ. При этом Верховный Суд РФ в своих разъяснениях регулярно ориентирует суды на приоритетное применение ПМВВ во всех случаях, когда исправление несовершеннолетнего возможно без наказания[11].

Представленный анализ позволяет сформулировать несколько проблем, сложившихся в законодательном регулировании восстановительного подхода в отношении несовершеннолетних и непосредственной практики реализации восстановительного подхода.

1. Современное состояние правового регулирования восстановительных процедур в отношении несовершеннолетних правонарушителей характеризуется отсутствием полноценных нормативных оснований: так, Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» не охватывает сферу уголовно-правовых конфликтов, а законопроект «Об основах системы ювенальной юстиции» так и не был реализован, в результате чего восстановительные программы сохраняют статус экспериментальных или региональных инициатив. Решение данной проблемы видится в комплексном институциональном укреплении восстановительного подхода посредством внесения соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ положений. Кроме того, видятся целесообразными создание межведомственных центров восстановительной медиации при судах и прокуратуре, расширение компетенции комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, наделение их полномочиями инициировать и сопровождать восстановительные процедуры и, наконец, интеграция восстановительных практик в национальные стратегии профилактики подростковой преступности.

2. Несмотря на наличие в уголовном законодательстве механизмов, ориентированных на восстановительный подход, их фактическое применение остаётся минимальным: доля дел, прекращаемых за примирением либо с использованием принудительных мер воспитательного воздействия, не превышает 1–3 %[12], что во многом объясняется отсутствием в законе чётко выраженного приоритета этих мер над уголовным наказанием, вследствие чего правоприменитель воспринимает их лишь как равнозначные альтернативы. Решение данной проблемы предполагает институциональное укрепление восстановительного подхода: во-первых, через усиление надзорных полномочий прокуратуры, во-вторых, посредством закрепления в ст. 90 УК РФ прямого указания на приоритетность применения воспитательных мер в отношении несовершеннолетних при наличии условий для их использования.

3. Еще одной существенной проблемой остаётся восстановительной юстиции негативное восприятие и недостаток доверия как в массовом сознании, так и среди части правоприменителей. В обществе сохраняется стереотип о необходимости карающего наказания, примирение ошибочно трактуется как уход от ответственности, а традиционные подходы практически не учитывают возрастные и личностные особенности подростков, в том числе специфику их психологического переживания вины. Решение данной проблемы требует системной просветительской работы вместе с общественной дискуссией о сущности и преимуществ восстановительного право-

10. Власов А. Г. Указ. соч. С. 44.

11. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (в ред. от 29 ноября 2016 г.) // Российская газета. 2011. 11 февраля.

12. Данные судебной статистики. URL: http://cdep.ru/?id=79

судия, широкое освещение положительных примеров и опору на научно подтверждённые данные о его результативности (сокращение рецидива, повышение удовлетворённости потерпевших). Наряду с этим необходимо развивать индивидуально ориентированные восстановительные программы с участием профессиональных психологов и активным вовлечением семьи несовершеннолетнего через формат семейных конференций, что позволит персонифицировать подход и рассматривать подростка не как объект наказания, а как личность, которая нуждается в поддержке.

Таким образом, сегодня ключевым препятствием для развития восстановительного подхода выступает не столько отсутствие правовых оснований, сколько институциональная инерция системы уголовного правосудия, выражающаяся в стереотипном воспроизводстве карательных практик, восприятии воспитательных мер как вторичных и в нежелании правоприменителей использовать имеющиеся механизмы примирения и ресоциализации. Это указывает на системное противоречие между провозглашённым в стратегиях и международных стандартах курсом на дружественное к ребёнку правосудие и фактическим доминированием карательных начал. Ситуация усугубляется культурным контекстом: в российском правосознании наказание традиционно воспринимается как единственный легитимный ответ на преступление, что препятствует социальной легитимации иных парадигм правосудия. Следовательно, главным вызовом выступает именно трансформация профессиональных воззрений судей, прокуроров и следователей, а также изменение общественного восприятия сущности восстановительной юстиции.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Власов А.Г. Роль восстановительного правосудия в развитии уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних // Развитие территорий. 2018. № 2. С. 44–49. DOI: 10.32324/2412-8945-2018-2-44-49.

2. Карнозова Л.М. Программы восстановительного правосудия с несовершеннолетними правонарушителями // Психология и право. 2012. № 4. С. 143–153.

3. Максудов Р.Р. Особенности работы с конфликтными и криминальными ситуациями в программах восстановительной медиации // Вестн. восстановительной юстиции. 2017. № 14. С. 17–23.

4. Марков Р.С., Митин Е.А. Из истории возникновения и развития института медиации // В зеркале права – 2021: Сб. науч. тр. Вып. 2: Медиация в современном обществе. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 33–36.

5. Сидоров А.В., Волкова С.Н., Кузнецов А.В. О некоторых вопросах применения ювенальных технологий и восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей // Закон и право. 2024. № 5. С. 275–279. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-5-275-279.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Vlasov A.G. Rol' vosstanovitel'nogopravosudiyavrazvitiiugolovnogosudoproizvodstvavotnosheniinesovershennoletnih // Razvitieterritorij. 2018. № 2. S. 44–49. DOI: 10.32324/2412-8945-2018-2-44-49.

2. Karnozova L.M. Programmy vosstanovitel'nogo pravosudiya s nesovershennoletnimi pravonarushitelyami // Psihologiya i pravo. 2012. № 4. S. 143–153.

3. Maksudov R.R. Osobennosti raboty s konfliktnymi i kriminal'nymi situaciyami v programmah vosstanovitel'noj mediacii // Vestn. vosstanovitel'noj yusticii. 2017. № 14. S. 17–23.

4. Markov R.S., Mitin E.A. Iz istorii vozniknoveniya i razvitiya instituta mediacii // V zerkale prava – 2021: Sb. nauch. tr. Vyp. 2: Mediaciya v sovremennom obshchestve. Lipeck: LGPU imeni P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2021. S. 33–36.

5. Sidorov A.V., Volkova S.N., Kuznecov A.V. O nekotoryh voprosah primeneniya yuvenal'nyh tekhnologij i vosstanovitel'nogo pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnih pravonarushitelej // Zakon i pravo. 2024. № 5. S. 275–279. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-5-275-279.

И.А. АРТЕМЕНКО

# Становление и развитие профессионального правосознания лиц, реализующих судебную функцию в России в XV–XVII веках

**АННОТАЦИЯ**. В настоящей статье рассматриваются вопросы становления и развития профессионального правосознания судей в России XV–XVII вв. Обращаясь к основным источникам права Московского государства, автор выделяет первичные источники формирования профессионального правосознания лиц, реализующих судебную функцию в государстве в указанный период, анализирует его идеологические компоненты. Автор сделал вывод о том, что с XV века в Русском государстве появились первые предпосылки формирования общего и профессионального правосознания социума, становление которых проходило в условиях функционирования сословно-представительной монархии.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: общее, профессиональное правосознание, суд, судьи, судебное разбирательство.

**АРТЕМЕНКО ИГОРЬ АНАТОЛЬЕВИЧ** – соискатель ученой степени кандидата юридических наук, адвокат, член Адвокатской палаты Краснодарского края (e-mail: advokatartemenko@mail.ru).

Анализ документальных правовых источников, архивных документов, научной литературы, посвящённых истории русского права, свидетельствует, что в Русском (Московском) государстве в XV–XVII вв. проходило становление первичных основ правового сознания населения и «служивого люда» государя.

Правосознание на Руси формировалось на материальной и духовно-нравственной базах, в которую, по нашему мнению, можно отнести следующие составляющие (элементы):

– законодательные акты, в первую очередь, Великокняжеский (1497 г.) и Царский (1550 г.) Судебники, Соборное уложение (1649 г.);

– субъектное нормотворчество князя (царя), выражающее его государственную волю:

– интегративные морально-правовые источники, формирующие духовно-нравственные императивы правосознания населения Русского государства;

– процессуальные нормы, регулирующие судебное разбирательство, а также первичный опыт обобщения судебной практики.

Важную роль на первоначальном этапе становления правосознания русского народа играли религиозные нормы, нормы общежития народов разных национальностей и конфессий.

Анализ отдельных норм законодательства Московского централизованного государства, позволяет выявить этапы становления и развития правосознания русского народа, его трансформацию в различные исторические периоды.

При этом право понималось как свод правил, установленных верховной властью (Великим князем (царём), Боярской Думой, Земским Собором) для реализации Закона Божьего – библейских заповедей (не убий, не укради и пр.).

Примечательно, что «существовавшие в России законодательные акты, например, Судебники 1497 г. и 1550 гг., Соборное Уложение 1649 г., следующие уложения, в том числе уголовные, почти в полном объёме включали в себя нормы Закона Моисея, конкретизируя и развивая их в соответствии с российскими реалиями»[1].

1. Бойко А. И. и др. Мировые религии о преступлении и наказании. М.: РИПОЛ-Классик, 2013. С. 73.

Необходимо подчеркнуть, что законодательные акты обсуждались и принимались Боярской Думой и утверждались Государем (царём).

Для этого этапа развития государства объективным обстоятельствами являлись: низкий уровень развития имущественных отношений, активное укрепление самодержавия, рост преступности. В этих условиях реализация уголовно-правой доминанты в общественных отношениях являлось адекватной мерой в строительстве централизованного монархического государства.

Подтверждением названного явился тот факт, что численность статей уголовной направленности в Судебниках значительно превышало статьи, регулирующие гражданские и процессуального нормы права.

Не стоит забывать, что правовая система России в этот исторический период формировалась как оригинальная, самобытная, с наличием своей юридической терминологии. Примером последнего служит, закреплённое в Судебниках содержание преступного деяния – «лихого дела», а также понятие «ведомого лихого человека». По мнению А. Н. Федоровой: «Лихой человек – это преступник, термин, производный от термина «лихое дело» – преступление»[2].

Важным обстоятельством являлось и то, что в Судебниках законодатель закрепил один из обязательных признаков, характеризующих преступление, – общественную опасность, который вытекает из анализа ст. 9 Судебника (1497 г.). В соответствии с нормой данной статьи высшая мера наказания назначалась: «коромольнику», «церковному тятю», «головному» (тятю), «подымщику», «зажигальнику»[3], т.е. как служивым людям государя, так и его смердам.

Можно согласиться с Е.В. Епифановой, что, во-первых, нормы Судебников расширяли перечень общественно опасных деяний. В их число были отнесены посягательства на интересы церкви, государства и личности; во-вторых, «...наказание стало иметь своим назначением устрашение и нравственное возмездие (выделено нами – *И.А.*), что непосредственно вытекало из религиозно-нравственных воззрений на преступление как на греховное действие»; в-третьих, реализацию наказания виновных церковь предоставила светской власти; в-четвертых, духовенство вместе со светской властью реализовывали общую цель – охрану норм религиозных Уставов и основ нравственности[4].

Учёный отмечает, что «понимание общественной опасности изменяется от опасности для личности до опасности для интересов церкви и государства. Об этом свидетельствует расположение глав в Соборном Уложении 1649 г. Первая глава посвящена религиозным преступлениям, вторая – государю, третья – государственным преступлениям, последняя – преступления частного характера»[5].

Однако, к сожалению, юридическая сущность понятия «преступное деяние» в Уложении не было достаточно определённо сформулировано, т.е. согласно ему лицо подлежало наказанию за «непослушание царской воле, нарушение предписаний».

Необходимо отметить, что принятие Соборного Уложения 1649 года явилось важнейшим этапом в расширении регулятивных воздействий права на общественные отношения, постепенного ограничения им роли религии в судебной деятельности, что, по нашему мнению, в определённой мере способствовало становлению общего и профессионального правосознания в России.

В этой связи представляет научный интерес содержание субъектного нормотворчества князя

---

2. Федорова А. Н. Эволюция понятия правонарушения в период с XII–XV вв. // Право и государство: теория и практика. 2011. № 8. С. 96.

3. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 2.: Период образования и развития централизованного государства. М., 1984. С. 55.

4. Епифанова Е.В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 10.

5. Епифанова Е.В. Указ.соч. С. 10–11.

(царя), выражающего государственную волю, статут суверена. Анализ правовых источников свидетельствует, что с правовой точки зрения в законодательных актах закреплялось единая парадигма – единство и верховенство власти царя, которая вещественно реализовывалась в нормах Судебников. В частности, к отмеченному выше можно отнести нормы, регулирующие решения судебных инстанций в выборе вида и размера наказания, которое выражало безусловную волю государя. Подтверждением изложенного являются нормы Судебника 1550 года, в котором отмечается: «...Государь укажетъ» (ст. 3, 53, 54)[6], «быть от Царя и великого Князя въ опалъ» (ст. 7)[7].

Полагаем, что приведённые выше формулировки убедительно подтверждают зависимость решения суда от усмотрения Царя. Именно в такой же ипостаси необходимо расценивать упоминание о Иване Грозном как о царе «Правды» («Ты еси царь правды!»), нередко цитируемой в научной литературе[8].

Таким образом, роль суверенности государя в решении всего спектра государственных задач, в том числе и в реализации судебных правомочий, получает четкое правовое закрепление, усиливая его единоличную власть в сравнении с прежними государственными установлениями.

Необходимо констатировать, что архивные источники и научные работы однозначно подтверждают, что в эти годы в государственном строительстве закрепляется этатизм, т.е. абсолютное полновластие государя (суверена) во всех сферах общественной жизни страны, которое наиболее зримо проявляется при анализе отечественного права. Так, иерархия объектов правоохраны свидетельствует, что согласно наименованию глав Соборного Уложения 1649 г., Государь совместно с православной церковью находятся на вершине этой иерархической пирамиды.

При рассмотрении содержания интегративных морально-правовых источников, формирующих духовно-нравственные императивы правосознания поданных Русского государства надо иметь ввиду, что только в период абсолютной монархии сформировалось в обществе, с одной стороны, понимание идентичности права и закона, с другой, взаимосвязь права и религии, реализуемой в нормативности.

В действующем законе того времени выражалась воля православного монарха, руководствующегося в своей деятельности Святым писанием.

При анализе процессуальных норм, регулирующих судебное разбирательство, настоятельной необходимостью является выяснение категорий «лиц, реализующих судебную функцию государства».

Полагаем, что к таким лицам в исследуемый исторический период относились несколько категорий так называемого служивого люда. К первой категории необходимо отнести лиц, осуществляющих сыскное производство (т.е. дознание). Эту категорию людей В. О. Ключевский именует термином «судьи». По его мнению: судья – начальник приказа того или иного ведомства[9].

Во вторую категорию необходимо включить приближенных к государю лиц, которые по его повелению включались в состав Боярской Думы для рассмотрения и вынесения предварительного (совещательного) решения по конкретному уголовному делу с последующим докладом царю для вынесения им кары (наказания) обвиняемому.

Непосредственная деятельность лиц, связанная с проведением дознания по убийствам, разбоям, кражами другим наказуемым деяниям,

---

6. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 2.: Период образования и развития централизованного государства. М., 1984. С. 97, 107.

7. Указ.соч. С. 98.

8. Карамзин Н. М. Предания веков. М.: Правда, 1988, С. 564.

9. Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. VI. М., 1959. С. 187.

в том числе нарушениям религиозных постулатов, разрешению имущественных тяжб, осуществлялась государством различными организационными и правовыми способами, которые, по нашему мнению, самым непосредственным образом влияли как на правосознание обывателей, так и лиц, осуществляющих эту деятельность, в соответствии с теми или иными нормативными процессуальными процедурами.

Анализ исторических источников по этому вопросу свидетельствует, что в XV–XVII веках содержание судебной деятельности составляло некоторый набор профессиональных приёмов. В неё входили: тайный допрос подозреваемого «очи в очи», проведение очной ставки, пыточная процедура, ведение письменного делопроизводства, включающего в себя оформление «допросной речи» (т.е. письменного протокола допроса) и вынесение мотивированного приговора.

Вместе с тем процесс укрепления власти государя, в том числе и в сфере управления судебной деятельностью, оказывал позитивное влияние на развитие правосознания. Распространение юрисдикции великокняжеского суда на всю территорию Московского централизованного государства способствовало, во-первых, появлению в законодательстве норм об ответственности судьи за неправосудное решение (ст. 19 Судебника 1497 г.), а также общих процессуальных процедур судопроизводства[10]. Во-вторых, формальному закреплению в законе принципа объективного, беспристрастного судопроизводства: «Всякая расправа делати всем людям Московского государства, от большего и до меньшего чину, вправду» (гл. X, ст. 1 Соборного уложения 1649 г.)[11]. Действия, нарушающие данный принцип судопроизводства, определялись законом как наказуемые. И, в-третьих, категорически запрещалось принятие судебного решения о наказании либо оправдании преступника без доклада государю (ст. 71 Судебника 1550 г.)[12].

Таким образом, названный процесс укрепления самодержавия оказывал двойственное влияние на формирование профессионального правосознания в России XV–XVII вв. С одной стороны, централизация государства способствовала становлению как общего, так и профессионального правосознания. С другой, созданные Иваном III суды наместников и волостелей, хотя и обеспечивали определённое влияние центра на правовую сферу жизни общества, но их деятельность сдерживались существующей системой управления в государстве.

В практической государственной деятельности происходило совмещение административных, налоговых, полицейских и судебных функций в едином приказе (управленческом подразделении). Система самоснабжения «служивого люда» за счет местного населения («так называемое кормление»), а также кратковременное пребывание в должности, оказывали негативное влияние на процесс становления профессионального правосознания этих лиц.

Оценивая позитивно судебную и земскую реформу Ивана IV, привёдшие к замене наместников и волостелей выборными представителями местного дворянства и посадскими простолюдинами, полагаем, что реформы способствовали в определённой мере усилению правовой защиты местного населения. Однако чрезвычайные меры (опричнина), использовавшиеся верховной властью для утверждения самодержавия, реализации представлений монарха о его безграничном всевластии над подданными: «а жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить...»[13], являлись серьезными препятствиями в вопросе укрепления, как общего правосознания народа, так и правосо-

10. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 2.: Период образования и развития централизованного государства. М., 1984. С. 56.

11. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т.3.: Акты Земских соборов. М., 1984. С. 102.

12. Указ.соч. С. 113.

13. Цит по: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / подг. текста Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыкова. Ленинград: Наука, 1979.

знания монарха, осуществлявшего совместно с Боярской Думой законодательные и судебные функции, нивелировало принцип законности в государственной правоприменительной деятельности.

Таким образом, можно заключить, что с XV века в Русском государстве появились первые предпосылки формирования общего и профессионального правосознания социума, становление которых проходило в условиях функционирования сословно-представительной монархии.

Этот исторический период характеризовался тем, что, во-первых, происходило дальнейшее усиление самодержавия, законодательное закрепление единоличной власти главы государства – царя (особа монарха священна и неприкосновенна).

Во-вторых, отсутствовали самостоятельные государственные судебные учреждения, судебную функцию государства реализовывали не штатные работники, а представители из разных сословных групп, в первую очередь бояре.

В-третьих, в тот исторический период в формировании профессионального правосознания домашнее и церковное образование (воспитание) играли второстепенную роль, а преимущество имело использование в судебной практике опыта предыдущих судебных разбирательств. Вместе с тем, ввиду отсутствия государственной системы в их обобщении, подобная практика имела единичный характер, широкого распространения не получила, эпизодическое и опосредованное обращение к римскому праву, главным образом через каноническое право, скорее были исключением, чем правилом. Все изложенное сдерживало институализацию профессионального правосознания судейского корпуса.

Именно религия в тот исторический период времени явилась первоосновой составного элемента правосознания – правовой идеологии общего и профессионального правосознания поданных России, так как способствовала признанию лицами, реализующими судебную функцию государства, понятия справедливости (правды), представлениям о добре и зле, о неотвратимости наказания (воздаяния за грехи).

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. VI. Специальные курсы М.: Мысль, 1959. 476 с.

2. Карамзин Н. М. Предания веков: Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского». М.: Правда, 1988, 765 с.

3. Мировые религии о преступлении и наказании: монография / С. Бабкина, А. Бойко, О. А. Мозговой, Л. Р. Сюкияйнен, К. В. Харабет, А. А. Тер-Акопов. М.: РИПОЛ-Классик, 2013. 339 с.

4. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность: монография / Епифанова Е. В. М.: Юрлитинформ, 2012. 146 с.

5. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подготовили Я. С. Лурье и Ю.Д. Рыков. Ответственный редактор Д.С. Лихачев. Л.: Издательство «Наука», 1979. 447 с.

6. Соборное Уложение 1649 г. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 3.: Акты Земских соборов. М., 1984. 512 с.

7. Судебник 1497 г. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 2.: Период образования и развития централизованного государства. М., 1984. 526 с.

8. Федорова А. Н. Эволюция понятия правонарушения в период с XII–XV вв. // Право и государство: теория и практика. 2011. N 8. С. 95–98.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Kljuchevskij V. O. Sochinenija: V 9 t. T. VI. Special'nye kursy M.: Mysl', 1959. 476 s.

2. Karamzin N. M. Predanija vekov: Skazanija, legendy, rasskazy iz «Istorii gosudarstva Rossijskogo» . M.: Pravda, 1988, 765 s.

3. Mirovye religii o prestuplenii i nakazanii: monografija / S. Babkina, A. Bojko, O. A. Mozgovoj, L. R. Sjukijajnen, K. V. Harabet, A. A. Ter-Akopov. M.: RIPOL-Klassik, 2013. 339 s.

4. Obshhestvennaja opasnost' kak nauchnaja kategorija, zakonodatel'naja definicija: istorija i sovremennost': monografija / Epifanova E. V. M.: Jurlitinform, 2012. 146 s.

5. Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim / Tekst podgotovili Ja. S. Lur'e i Ju.D. Rykov. Otvetstvennyj redaktor D.S. Lihachev. L.: Izdatel'stvo «Nauka», 1979. 447 s.

6. Sobornoe Ulozhenie 1649 g. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. V 9 t. T. 3.: Akty Zemskih soborov. M., 1984. 512 s.

7. Sudebnik 1497 g. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. V 9 t. T. 2.: Period obrazovanija i razvitija centralizovannogo gosudarstva. M., 1984. 526 s.

8. Fedorova A. N. Jevoljucija ponjatija pravonarushenija v period s XII–XV vv. // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. 2011. N 8. S. 95–98.

А. В. ДОЛГОВ

# Публично-правовое регулирование в сфере адаптивной физической культуры и порта лиц с ограниченными возможностями здоровья в новых субъектах Российской Федерации: общая характеристика

**АННОТАЦИЯ**. В настоящей работе автором проводится обзор действующего административного законодательства и правоприменительной практики в области организации адаптивной физической культуры и спорта лиц с ограниченными возможностями здоровья в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Херсонской области и Запорожской области.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: публично-правовое регулирование; физическая культура; адаптивная физическая культура; спорт; адаптивный спорт; социальные гарантии; лица с ограниченными возможностями; правовая интеграция; Донецкая народная республика; Луганская народная республика; Херсонская область; Запорожская область.

**ДОЛГОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ** – аспирант Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (E-mail: dolgov-aleksandr@ro.ru).

Физическая культура и спорт в современной Российской Федерации играют значительную роль в социальной, психологической и физической реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ). Для поддержки данной категории населения регулярно проводятся соревнования на разных уровнях, включая муниципальные, региональные, государственные и международные мероприятия.

Важность рассматриваемой сферы неоднократно подчёркивало в своих выступлениях и руководство страны, выражая необходимость создания комфортных условий для жизни инвалидов и разработки эффективной системы реабилитации. Так, Путин В.В. зимой 2022 года указывал, что нельзя допускать случаев, при которых лица с ОВЗ из-за объективных физических ограничений будут оставаться «один на один со своими проблемами»[1].

Для развития адаптивной физической культуры (далее – АФК)[2] и адаптивного спорта (далее – АС)[3] учитываются особенности заболевания, его степень и категория. Важно также учесть различные нагрузки, подходящие для людей определённой нозологической группы. Для успешной реабилитации используется специализированный инвентарь и оборудование[4]. Это позволяет частично восстановить навыки или обеспечить более быструю адаптацию людей. Технические средства (например, звуковые датчики и различные разметки поверхности) также используются, особенно в спорте для слепых, для обеспечения безопасности и эффективности тренировок.

Однако такая деятельность крайне затратна с финансовой точки зрения, а потому необходимо активное участие государства. Вместе с тем, реализация таких функций невозможна без должного правового и организационного обеспечения.

1. Путин В.В. обсудил с инвалидами создание центров реабилитации и новые соревнования для паралимпийцев // Российская газета. 2022. 4 дек.

2. АФК – часть физической культуры, использующая комплекс эффективных средств физической реабилитации инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья.

3. АС – разновидность спорта, направленная на социальную адаптацию и физическую реабилитацию инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья.

4. Бобровский Е.А. Адаптивный спорт и физическая культура как метод реабилитации инвалидов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 4 (часть 2). С. 456–459.

Особенно актуальна данная проблематика для принятых в состав Российской Федерации на основании соответствующего договора Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), Луганской Народной Республики (далее – ЛНР), Запорожской и Херсонской областей, находящихся на этапе интеграции в российское правовое пространство.

Говоря о степени научной разработанности рассматриваемой проблематики, отметим, что анализ отечественной историографии свидетельствует о наличии широкого круга работ в области истории развития АФК и АС, а также соответствующего законодательства. Ряд исследователей подробно изучает административно-правовое регулирование физической культуры и спорта в целом в Российской Федерации. В свою очередь, заявленная нами проблематика ввиду специфики пути государственно-правовых трансформаций в стране и указанных регионах не получила объективно необходимого внимания. Значительная часть вопросов в данной сфере по состоянию на данный момент детально не проработана как на законодательном, так и доктринальном уровнях.

В рамках стремления к скорейшей интеграции регионов в состав России, руководители ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, при поддержке Крыма, намерены консолидировать свои усилия с целью согласованного и модельного принятия нормативных документов.

Такое сотрудничество постепенно начинается. Однако все заинтересованные стороны единодушно согласны в том, что современная военно-политическая обстановка затрудняет быстрое принятие необходимых документов. С целью согласования интересов новых регионов и Федерации, а также передачи позитивного правового опыта вопрос полноценного вхождения новых субъектов в правовую систему России обсуждается и на комиссии Совета законодателей. В рамках ее функционирования осуществляется оперативное согласование дальнейших направлений формирования законодательной базы в новых регионах с учетом мнений всех сторон данного процесса. Координируется взаимодействие между самими субъектами федерации[5].

Поскольку переходный период будет длиться до 1 января 2026 года, часть законодательных актов ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей продолжает действовать по сей день. В связи с вышеизложенным полагаем целесообразным рассмотреть общие особенности административно-правового регулирования в сфере АФК и АС ввиду необходимости формирования дальнейшего вектора развития.

В этой связи в качестве основы источниковой базы настоящего было избрано действующее отечественное конституционное и административное законодательство, соответствующие нормативные правовые акты ДНР и ЛНР, принятые в период с 2014 по 2022 годы. Кроме того, отдельное внимание уделялось официальным интернет-ресурсам органов государственной власти, ответственных за реализацию политики в области АФК и АС.

Основу для создания и функционирования правового поля в переходный период должен был заложить принятый 24.06.2023 Федеральный закон № 271 «Об особенностях правового регулирования отношений в области физической культуры и спорта в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области»[6].

---

5. Согласно федеральному конституционному законодательству на указанные территории с 30 сентября 2022 года распространяются нормативные правовые акты Российской Федерации. К ним относятся и правовые основы федеральной государственной политики в области АФК и АС лиц с ОВЗ. Кроме того, в начале 2023 года был принят закон, связанный с социальными гарантиями инвалидам, проживающим на указанных территориях.

6. Об особенностях правового регулирования отношений в области физической культуры и спорта в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов - Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области : Федеральный закон от 24.06.2023 № 271-ФЗ // Российская газета. 2023. 26 июня.

В отношении рассматриваемой нами проблематики в нем содержатся лишь нормы по социальному обеспечению призёров и чемпионов Паралимпийских игр, а также о необходимости дальнейшего развития соответствующих видов спорта в регионах (поручено Правительству РФ до конца переходного периода).

Наибольшие проблемы с точки зрения состояния урегулированной в исследуемой сфере можно увидеть в Запорожской и Херсонской областях: там пока что полностью отсутствует необходимое законодательство. Данная проблема обусловливается объективными обстоятельствами.

После государственного переворота на Украине в 2014 году в юго-восточных областях начались массовые протесты, и местные жители создали народное ополчение. Ввиду начавшегося конфликта 7 апреля 2014 года ДНР объявила о своём суверенитете, а 27 апреля на митинге в Луганске была провозглашена ЛНР. В мае были приняты конституции республик. Так, постепенно начали формироваться их собственные правовые системы, опиравшиеся на накопленный опыт как самого Донбасса, так и Российской Федерации.

В свою очередь, исторический путь развития названных областей в этом плане существенно отличался. Как заявил весной 2023 года врио губернатора Херсонской области В.В. Сальдо: «У нас ситуация с интегрированием в правовое поле России посложнее... И это связано с тем, что у нас нет Заксобрания. Мы работаем в формате нормативно-правовых актов, которые принимались до вхождения в состав России»[7].

Так, первые заседания Законодательного собрания Запорожской области и Херсонской областной Думы состоялись лишь в сентябре 2023 года.

Несколько лучше с точки зрения административного права в регионе регулируется организация АФК и АС в ЛНР. Там с 21.02.2019 действует Закон № 24-III «О физической культуре и спорте» (последние изменения вносились 25.03.2021).

Данный документ не носит специализированного характера с точки зрения адаптивной деятельности, однако вопросы АФК и АС частично находят там свое отражение, в то числе и в части формирования понятийного аппарата: «физическая реабилитация – восстановление... нарушенных или временно утраченных функций организма человека и способностей к общественной и профессиональной деятельности инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья с использованием средств и методов адаптивной физической культуры и адаптивного спорта, которые направлены на устранение или возможно более полную компенсацию ограничений жизнедеятельности, вызванных нарушением здоровья». Нормативный правовой акт содержит отдельную статью, непосредственно посвящённую АФК и АС, в которой закреплены:

– значение данной деятельности;

– ее общее содержание;

– субъекты АФК и АС.

Наибольшее внимание среди новых субъектов регламентации в сфере АФК и АС уделяется в ДНР, где был принят Закон 23.08.2019 № 55-IIНС «Об адаптивной физической культуре и спорте», в котором содержится исчерпывающий перечень норм, необходимых для организации деятельности в рассматриваемой сфере. Так, помимо положений законодательства ЛНР, здесь урегулированы следующие вопросы:

– подробная институциональная характеристика АФК и АС;

– особенности взаимодействия между государственной и муниципальной власти в рассматриваемой сфере;

– характеристика идеологической работы органов государственной власти в сфере АФК и АС;

– система социальных гарантий.

Рассмотренные нормы активно реализуются в новых субъектах Российской Федерации. Например, существуют специализированные центры:

7. Новые регионы осваивают правовое поле России // Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.pnp.ru/politics/novye-regiony-osvaivayut-pravovoe-pole-rossii.html

– в ЛНР – Центр комплексной реабилитации инвалидов и Республиканский центр инвалидного спорта «Инваспорт»;

– в ДНР – Донецкий республиканский центр адаптивной физической культуры и спорта Донецкой Народной Республики;

– в Херсонской области – Херсонский областной центр адаптивной физической культуры и спорта «Инваспорт».

Если в ДНР и ЛНР спортивные мероприятия для лиц с ОВЗ проводятся достаточно давно, то ввиду указанной специфики Херсонской и Запорожской областей последние – лишь начинают свои первые шаги в данном направлении. Так, в октябре 2023 года в г. Геническе прошли инклюзивные соревнования по настольному теннису.

Таким образом, на текущем этапе трансформации региональных элементов национальной правовой системы РФ в ДНР и ЛНР прослеживается отсутствие единообразия в сфере административно-правового регулирования АФК и АС лиц с ОВЗ в данных регионах; в случае же с Запорожской и Херсонской областями в силу объективных обстоятельств и вовсе прослеживается некоторый правовой вакуум. Ввиду высокой степени социальной уязвимости лиц с ОВЗ необходимо ускорение интеграции новых субъектов в правовое поле Российской Федерации в активном взаимодействии с соседними регионами. Одновременно с этим правовой опыт ДНР в рассматриваемой сфере требует более детального изучения и может в дальнейшем лечь в основу совершенствования законодательства на федеральном уровне.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Владимир Путин обсудил с инвалидами создание центров реабилитации и новые соревнования для паралимпийцев // Российская газета. 2022. 4 дек.

2. Бобровский Е.А. Адаптивный спорт и физическая культура как метод реабилитации инвалидов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 4 (часть 2). С. 456–459.

3. Новые регионы осваивают правовое поле России // Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.pnp.ru/politics/novye-regiony-osvaivayut-pravovoe-pole-rossii.html

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Vladimir Putin obsudil s invalidami sozdanie centrov reabilitacii i novye sorevnovaniya dlya paralimpijcev // Rossijskaya gazeta. 2022. 4 dek.

2. Bobrovskij E.A. Adaptivnyj sport i fizicheskaya kul'tura kak metod reabilitacii invalidov // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. 2017. № 4 (chast' 2). S. 456–459.

3. Novye regiony osvaivayut pravovoe pole Rossii // Parlamentskaya gazeta [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.pnp.ru/politics/novye-regiony-osvaivayut-pravovoe-pole-rossii.html

П.К. ДОЛЖИКОВ

# Актуальность уголовно-правового противодействия повреждению, уничтожению, утрате военного имущества (ст.ст. 346–348 УК РФ)

**АННОТАЦИЯ**. Охрана военного имущества в условиях современных геополитических вызовов, включая проведение специальной военной операции (далее – СВО) имеет важное стратегическое значение для безопасности страны. Военное имущество, являясь материальной основой обороноспособности государства, требует особой правовой защиты, что подтверждается историческим опытом и текущими законодательными изменениями, в статье автор рассмотрел меры уголовно-правового противодействия повреждению, уничтожению, утрате военного имущества, предусмотренные ст.ст. 346-348 УК РФ. Автор предложил закрепить критерии разграничения уголовной ответственности за уничтожение, повреждение или утрату военного имущества (ст. 346–349 УК РФ) от материальной или гражданской ответственности по степени общественной опасности, категории военного имущества и ее правового статуса, наличия вины, размера ущерба.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: уголовная ответственность, повреждение военного имущества, уничтожение военного имущества, актуальность изменения законодательства

**ДОЛЖИКОВ ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ** – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики РУДН им. П. Лумумбы (E-mail: peter1721@yandex.ru).

Особое значение приобретает технологическая эволюция состава современного военного имущества. Президент РФ В.В. Путин отметил, что «российское вооружение должно постоянно совершенствоваться и оставаться эффективным»[1].

Согласно ст. 8 Конституции Российской Федерации в нашем государстве признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности, а УК РФ устанавливает механизм уголовно-правовой защиты имущества от уничтожения или повреждения.

Государственное имущество и бюджетные накопления, зарезервированные на нужды обороны, как и вся совокупность военно-технического потенциала страны, нуждаются в особой, усиленной правовой защите. Вопросы сохранности военного имущества значимы не только для административно и уголовно-правового поля, но и являются первостепенными для внешней политики государства. Именно цельная и защищённая обороноспособность страны является одним из главных условий ее выживания на международной политической арене. Оружие, боеприпасы, предметы военной техники составляют материальную основу боеготовности и боеспособности воинских формирований, осуществляющих свою деятельность военными методам[2]. Отсутствие данной категории имущества по установленным нормативам делает невозможным поддержание воинских частей и подразделений в заданной степени готовности к боевому применению и выполнению задач по предназначению.

Отечественный опыт вполне определённо доказывает, что правовые пробелы в регулировании

1. Путин поручил выстроить работу по обеспечению военных РФ экипировкой | Новости армии | Известия [Электронный ресурс] // URL: https://iz.ru/1419916/2022-11-02/putin-poruchil-vystroit-rabotu-po-obespecheniiu-voennykh-rf-ekipirovkoi (дата обращения: 22.04.2025).

2. Военная доктрина Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. // Российская газета. 2014. 30 декабря.

имущественных отношений и отсутствие контроля за состоянием военного имущества приводят к снижению обороноспособности Российской Федерации, срыву оборонных заказов и хищениям бюджетных средств, выделенных на военные цели. За системой Министерства обороны Российской Федерации числится колоссальное количество земель, заводов, полигонов и прочих материально-технических средств, которые в совокупности образуют широкое понятие «военного имущества»[3].

Стоит отметить, что одним из факторов назначения на пост Министра обороны Российской Федерации известного экономиста А. Р. Белоусова стало как раз необходимость сохранности и надлежащего использования военного имущества. Сохранность и надлежащее использование военного имущества напрямую влияют на выполнение поставленных задач, что обусловливает повышенную значимость правовых механизмов противодействия его уничтожению, повреждению или утрате.

Например, выявлены сложности квалификации при утрате военного имущества, не состоящего на официальном учёте (например, БПЛА, переданных общественными организациями). В таких случаях возможно привлечение к гражданско-правовой ответственности, но не к уголовной или материальной, если имущество было получено в результате сбора пожертвований или волонтёрской помощи участникам спецоперации, но не было должным образом поставлено на баланс, не оформлено.

Целесообразно закрепить на законодательном уровне критерии разграничения дисциплинарной и уголовной ответственности за деяния, связанные с нарушением правил эксплуатации, хранения и использования военного имущества. На практике наблюдается значительное количество правовых ситуаций, когда схожие действия военнослужащих могут квалифицироваться либо как дисциплинарный проступок, либо как преступление, что зависит от усмотрения должностных лиц командования или следственных органов. Такое положение вещей приводит к снижению правовой определённости, порождает правовой нигилизм в войсках и сложности в судебной практике. Особенно остро эта проблема проявляется в делах по статьям 346–348 УК РФ, где отсутствие чётких количественных и качественных критериев причинённого ущерба создаёт предпосылки субъективного вменения.

Предлагается закрепить следующие критерии разграничения уголовной ответственности за уничтожение, повреждение или утрату военного имущества (ст. 346–349 УК РФ) от материальной или гражданской ответственности: степень общественной опасности, категория военного имущества и ее правовой статус, наличие вины, размер ущерба, процессуальные последствия.

Кроме того, в период 2020–2025 гг. отмечается устойчивый рост общего числа уголовных дел, возбуждённых по главе 33 УК РФ («Преступления против военной службы»): если в мирное время (2020 г.–январь 2022 г.) среднегодовой показатель составляет около 1 000–1 200 случаев, то в ходе СВО (февраль 2022 г. – настоящее время) за шесть месяцев 2022 г. их число превысило 2 000, а к концу года общее количество доходило до 3 000[4]. При этом публичная статистика не содержит дифференциации по отдельным составам 33 главы Уголовного кодекса Российской Федерации, что свидетельствует о закрытости данных о наиболее опасных посягательствах на военное имущество.

Научный анализ уголовно-правовой статистики по исследуемой категории преступлений (ст.ст. 167, 168, 346, 347, 348 УК РФ), иные

3. Кавченков К. В. К вопросу о понятии военного имущества в уголовном законодательстве / К. В. Кавченков // Вестник военного права. 2023. № 2. С. 69–73.

4. Преступлений стало вдвое больше // Коммерсантъ. 2023. 30 марта. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5784829 (дата обращения: 04.04.2025)

социологические исследования свидетельствуют о росте числа указанных зарегистрированных преступлений (2016–2023 гг.)[5], а также о наличии проблем дифференциации уголовной ответственности за их совершение. При этом статистика Судебного департамента при Верховном суде говорит о незначительном количестве осуждённых:

по ст. 167 УК РФ: в 2019 г. – 3 179 человек, в 2020 г. – 3 161, в 2021 г. – 3 180, в 2022 г. – 3 128, в 2023 г. – 2 911;

по ст. 168 УК РФ: в 2019 г. – 129 человек, в 2020 г. – 141, в 2021 г. – 143, в 2022 г. – 155, в 2023 г. – 164;

по ст. 347 УК РФ: в 2019 г. осуждён только 1 человек, в 2021 г. – всего 3, в 2020, 2022 г. и в 2023 г. осуждённых по данной статье не было.

Уголовно-правовая охрана военного имущества в УК РФ представлена нормами ст. 346–348, устанавливающими ответственность за умышленное или неосторожное уничтожение, повреждение или утрату оружия, боеприпасов и предметов военной техники. Однако законодательное определение понятия «военное имущество» отсутствует, что создаёт сложности в правоприменении. При этом отсутствует единый подход к квалификации сложных технических систем (например, танков, БПЛА), что приводит к противоречивой судебной практике. Отсутствуют четкие критерии отнесения имущества к военной технике, особенно для вспомогательных и нештатных объектов (например, БПЛА, переданных волонтёрами).

По мнению А. В. Баженова, военное имущество в широком смысле представляет собой совокупность специальных материальных средств, предназначенных для обеспечения непосредственного качественного и непрерывного исполнения обязанностей военной службы. Это обширный перечень предметов, устройств и приспособлений, используемых в повседневной деятельности войск и предназначенных для обеспечения как специальных задач, так и насущных бытовых потребностей[6].

В. В. Лесовой рассматривает военное имущество как относящееся к самому первичному звену государственной военной системы – имущество военной организации: все виды вооружения, боевой и другой техники, боеприпасы, горючее, продовольствие, автомобильную технику, вещевое, инженерное, химическое, квартирное имущество, другие материальные и денежные средства, находящиеся в ведении военных организаций[7].

Для устранения пробелов в уголовно-правовой охране военного имущества и военной техники предлагаются следующие определения:

Военное имущество – материальные объекты, находящиеся в ведении Министерства обороны РФ, иных силовых структур или войск, предназначенные для обеспечения обороноспособности и безопасности государства, включая:

- вооружение, боеприпасы и средства их доставки;
- военную технику (боевую, специальную, вспомогательную);
- инженерные сооружения, средства связи и разведки;
- военное обмундирование, снаряжение и иное имущество, используемое в военных целях.

Военная техника – технические средства, специально разработанные или адаптированные для применения в военных целях, включая:

- боевые системы (танки, БМП, артиллерийские установки, БПЛА ударного назначения и т. д.);
- специальные системы (средства РЭБ, разведки, связи, ПВО);

5. На основании формы государственного статистического наблюдения «Единый отчет о преступности» (Форма 1-Г) за 2002–2021 гг. / По данным ГИАЦ МВД России.

6. Баженов А.В. Военное имущество как предмет преступлений коррупционной направленности // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань: Бук, 2016. С. 226–228. URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/181/10339 (дата обращения: 20.02.2025).

7. Лесовой В.В. Правовой режим имущества военных организаций: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 151 с.

• вспомогательные системы (транспортные, инженерные, ремонтные машины);

• комплектующие элементы, критически важные для функционирования техники (прицелы, системы наведения, двигатели).

Эти определения позволят унифицировать судебную практику и закрыть пробелы в квалификации преступлений против военного имущества.

Кроме того, в настоящее время актуальность вопроса возрастает в условиях динамичной трансформации геополитической обстановки и связанных с ней изменений в характере обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации. Проведение СВО объективно актуализировало проблему эффективной уголовно-правовой охраны военного имущества. Проведение Российской Федерацией специальной военной операции явилось тем объективным фактором, который способствовал активизации законотворческой деятельности, в том числе по вопросам, касающимся привлечения военнослужащих к уголовной ответственности за совершение преступлений против военной службы в условиях военного времени.

Ответственность военнослужащих за утрату, уничтожение или повреждение военного имущества регулируется комплексом нормативных актов, включая УК РФ, уставы Вооружённых Сил и федеральные законы. Военнослужащие могут привлекаться к различным видам ответственности (дисциплинарной, административной, материальной, уголовной) в зависимости от характера правонарушения. Ключевым критерием разграничения уголовной и дисциплинарной ответственности при утрате или повреждении военного имущества является наличие тяжких последствий по ст. 346-347 УК РФ, однако в ст. 348 УК РФ этот критерий отсутствует, что создаёт трудности в правоприменении. Для устранения пробела предлагается дополнить ст. 348 УК РФ указанием на значительный размер причинённого материального ущерба.

Так, в сентябре 2022 г. Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Россий-ской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 365-ФЗ) ст.ст. 346 и 347 УК РФ дополнены указанием на «совершенные в период военного положения, в военное время либо в условиях вооружённого конфликта или ведения боевых действий».

Законодательство в сфере охраны военного имущества находится в стадии реформирования. Например, Федеральный закон от 23.11.2024 № 410-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих» предусмотрел, что граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, предусмотренных Федеральным законом от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ «Об обороне», привлекаются к материальной ответственности за ущерб, причинённый ими при исполнении обязанностей по контракту о пребывании в добровольческом формировании имуществу, которым добровольческое формирование обеспечивается в порядке, предусмотренном указанным Федеральным законом, и возмещают такой ущерб на условиях, в размерах и порядке, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, с учётом установленных настоящим Федеральным законом особенностей возмещения ущерба и производства денежных удержаний из денежного содержания граждан, пребывающих в добровольческих формированиях[8].

В условиях цифровизации, автоматизации управления и стремительного развития военных технологий традиционное понимание

8. Федеральный закон от 23 ноября 2024 г. № 410-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О материальной ответственности военнослужащих" [Электронный ресурс] // URL: https://rg.ru/documents/2024/11/27/fz410.html. (дата обращения: 12.04.2025).

военного имущества как совокупности материальных средств обеспечения нужд армии оказывается неполным. Современные вооружённые конфликты характеризуются применением сложных технических систем, включая беспилотные летательные аппараты различного назначения, автоматизированные комплексы управления войсками, спутниковую и радиотехническую связь, средства радиоэлектронной борьбы, высокоточное управляемое вооружение, а также роботизированные комплексы. Повреждение или уничтожение указанных объектов, равно как и их несанкционированная модификация, представляет собой не просто материальный ущерб, но и прямую угрозу выполнению боевых задач, устойчивости системы военного управления и обороноспособности государства в целом.

Необходима системная доработка статьёй главы 33 Уголовного кодекса Российской Федерации, направленная на актуализацию состава преступлений, связанных с уничтожением, повреждением, утратой и ненадлежащим использованием военного имущества. В настоящее время нормы данной главы во многом отражают советские подходы к регулированию военной службы и не учитывают специфику современных вооружённых конфликтов, цифровизации вооружённых сил, а также участие в обеспечении военной инфраструктуры гражданских подрядчиков и организаций. Некоторые статьи главы 33, например, статья 345 УК РФ, не реализуются в судебной практике, а другие (346–348 УК РФ) имеют слишком общий характер, не позволяющий в полной мере охватить новые формы и способы преступного воздействия на военное имущество. Как справедливо, в связи с этим отмечал А.А. Тер-Акопов, воинские правоотношения могут являться составной частью общих отношений, охраняемых общеуголовной нормой. В качестве примера учёный приводил отношения, возникающие по поводу сбережения военного имущества как части государственного имущества, деятельности аппарата военного управления как части государственного управления и т. д.[9]

С учётом возрастающего значения вооружения, средств связи, навигации и автоматизированных систем управления, необходимо расширить перечень охраняемых объектов, конкретизировать виды преступлений, а также предусмотреть специальные составы, связанные с уничтожением имущества в ходе боевых действий, СВО, в условиях мобилизации или чрезвычайного положения. Переработка главы 33 УК РФ должна предусматривать градацию деяний по характеру вреда, форме вины и угрозе для обороноспособности, что обеспечит более точную уголовно-правовую реакцию и усилит превентивную функцию законодательства в условиях современной военной доктрины.

В свою очередь, Я.Н. Ермолович предлагает внести в проектный Уголовный кодекс раздел «Преступления против военной безопасности», включив в него наряду с главой о преступлениях против военной службы главу о преступлениях против обороны Российской Федерации[10]. К последним, по его мнению, должны относиться также составы, посягающие на военное имущество, такие как:

– выпуск и поставка

войска некачественной, нестандартной или некомплектной военной техники и вооруже-

ния;

– несдача и порча оружия, боеприпасов и иного трофейного имущества.

– хищение в воинской части или у военнослужащих состоящего на вооружении огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а равно вымогательство тех же предметов у военнослужащих;

9. Тер-Акопов А.А. Правовые основания ответственности за воинские преступления: учеб. пособие. М., 1981. С. 162, 163.

10. Ермолович Я.Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации: моногр. М., 2012. С. 384–387.

– захват зданий, сооружений, транспортных средств, коммуникаций оборонного назначения либо их удержание[11].

Совершенствование уголовного отечественного законодательства в данной сфере возможно на основе практики зарубежных государств. Анализ уголовных кодексов государств – членов ЕАЭС (Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики) демонстрируют схожие подходы к квалификации преступлений, связанных с уничтожением военного имущества, что обусловлено общим историческим наследием и влиянием Модельного уголовного кодекса СНГ. Вместе с тем наблюдаются различия в определении объекта преступления, видах санкций и отягчающих обстоятельствах. Например, в Республике Казахстан предусмотрены более строгие наказания за деяния, совершенные в военное время, а в Республике Беларусь – за преступления в боевой обстановке. Российское законодательство в данной сфере может быть дополнено за счет имплементации отдельных норм из УК Беларуси, в частности, в части дифференциации ответственности в зависимости от размера ущерба и форм соучастия, а также целесообразно расширить перечень объектов преступления, включив иное военное имущество (по примеру Республики Казахстан и Республики Беларусь).

Во всех иных правовых системах уничтожение военного имущества рассматривается как деяние, представляющее повышенную опасность для национальной безопасности. Это отражается в ужесточении санкций за действия, направленные на подрыв обороноспособности государства, независимо от того, к какой правовой традиции относится конкретная страна. Общим для всех систем является признание того, что военное имущество — будь то техника, инфраструктура или документы — служит материальной основой суверенитета, и его защита становится приоритетом уголовной политики. Важным сходством выступает дифференциация ответственности в зависимости от субъекта преступления: военнослужащие и гражданские лица, как правило, подчиняются разным нормам. Для первых предусмотрены специализированные составы и дисциплинарные меры, тогда как вторые привлекаются к ответственности по общим статьям, что подчеркивает особый статус военной службы и повышенные требования к её представителям.

В результате анализа зарубежного законодательства рекомендуется в рамках российского законодательства введение в ст. 346-348 УК РФ дополнительных квалифицирующих признаков, таких как размер ущерба, групповой характер преступления, применение насилия (по опыту Франции, Германии, Китая, Ирана и США). Для усиления уголовно-правовой защиты военного имущества в ст. 346–348 УК РФ предлагается ввести следующие квалифицирующие признаки, основанные на сравнительном анализе зарубежного законодательства (Франция, Германия, Китай, США, Иран) и российской правоприменительной практики[12]:

• Размер ущерба: крупный ущерб – свыше 1 млн руб. (или стоимость стандартной единицы военной техники, например БПЛА, пулемёта), особо крупный ущерб – свыше 5 млн руб. (либо вывод из строя сложной системы, например танка, РЛС).

• Групповой характер преступления. Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 35 УК РФ) – повышение наказания на 1/3. Организованной груп-

11. Камаев Р.Р., Румянцев А.А. Преступления против порядка сбережения и хранения военного имущества как преступления против военной службы и воинской обязанности // Теория и практика современной юридической науки: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29 марта 2013 года / отв. ред. Т. В. Седлецкая. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2013. С. 41–54.

12. Должиков П.К. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение имущества в России и Франции // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2022. № 7. С. 34–37.

пой (ч. 3 ст. 35 УК РФ) – повышение наказания в 1,5–2 раза.

• Применение насилия или угроза его применения. Насилие, не опасное для жизни (например, связывание часового) – квалифицированный состав. Насилие, опасное для жизни (вооружённое нападение) – особо квалифицированный состав.

• Цель подрыва обороноспособности. Умышленное уничтожение имущества в интересах иностранного государства или террористической организации – отнесение к категории тяжких/особо тяжких преступлений.

Таким образом, совершенствование уголовно-правовых механизмов защиты военного имущества является не только вопросом юридической техники, но и важнейшим элементом обеспечения национальной безопасности. В условиях современных вызовов, включая цифровизацию вооружённых сил и новые формы вооружённых конфликтов, законодательство должно оперативно адаптироваться к изменяющимся реалиям. Предложенные меры – от чёткого определения ключевых понятий до введения дифференцированных составов преступлений – позволят создать более эффективную систему противодействия посягательствам на военное имущество. Это, в свою очередь, будет способствовать укреплению обороноспособности страны, повышению дисциплины в войсках и минимизации рисков, связанных с незаконным использованием или уничтожением стратегически важных ресурсов. Реализация данных инициатив требует скоординированных усилий законодателей, правоохранительных органов и военного командования, что в итоге обеспечит надёжную защиту интересов государства в сфере обороны и безопасности.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Должиков П. К. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение имущества в России и Франции // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2022. № 7. С. 34–37.
2. Ермолович Я.Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации: моногр. М., 2012. С. 384–387.
3. Кавченков К. В. К вопросу о понятии военного имущества в уголовном законодательстве // Вестник военного права. 2023. № 2. С. 69–73.
4. Камаев Р.Р., Румянцев А.А. Преступления против порядка сбережения и хранения военного имущества как преступления против военной службы и воинской обязанности // Теория и практика современной юридической науки: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29 марта 2013 года / отв. ред. Т. В. Седлецкая. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2013. С. 41–54.
5. Тер-Акопов А.А. Правовые основания ответственности за воинские преступления: учеб. пособие. М., 1981. 151 с.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Dolzhikov P. K. Ugolovnaya otvetstvennost` za unichtozhenie ili povrezhdenie imushhestva v Rossii i Francii // E`lektronnoe setevoe izdanie «Mezhdunarodny`j pravovoj kur`er». 2022. № 7. S. 34–37.
2. Ermolovich Ya.N. Teoretiko-pravovy`e osnovy` voenno-ugolovnoj politiki v Rossijskoj Federacii: monogr. M., 2012. S. 384–387.
3. Kavchenkov K. V. K voprosu o ponyatii voennogo imushhestva v ugolovnom zakonodatel`stve // Vestnik voennogo prava. 2023. № 2. S. 69–73.
4. Kamaev R. R., Rumyantsev A.A. Prestupleniya protiv poryadka sberezheniya i xraneniya voennogo imushhestva kak prestupleniya protiv voennoj sluzhby` i voinskoj obyazannosti / R. R. Kamaev, A. A. Rumyancev // Teoriya i praktika sovremennoj yuridicheskoj nauki : Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 29 marta 2013 goda / otv. red. T. V. Sedleczkaya. Sankt-Peterburg: Leningradskij gosudarstvenny`j universitet im. A.S. Pushkina, 2013. S. 41–54.
5. Ter-Akopov A.A. Pravovy`e osnovaniya otvetstvennosti za voinskie prestupleniya: ucheb. posobie. M.: , 1981. 151 s.

И.С. КАМИНСКИЙ

# Необходимо усилить уголовную ответственность за внешнеэкономические преступления в странах ЕАЭС

**АННОТАЦИЯ**. В статье анализируются системные угрозы экономической безопасности Российской Федерации и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), возникшие в условиях санкционного давления. На основе анализа статистических данных и правовых коллизий выявляются ключевые проблемы: использование территории ЕАЭС для обхода санкций («серый» импорт), масштабные бюджетные потери от неуплаты таможенных платежей и фрагментарность уголовно-правового регулирования. Обосновывается невозможность эффективного противодействия этим вызовам на основе исключительно модельных актов. В связи с этим необходимо выработать эффективные пути правового, в том числе уголовно-правового противодействия негативному влиянию санкций на экономику страны. В отечественном уголовном законодательстве не учитывается в полной мере участие Российской Федерации ЕАЭС, хотя данный факт существенным образом повлиял на объективную сторону внешнеэкономических преступлений, а нормативно-правовая база интеграционного объединения в сфере уголовной и административной ответственности позволяет снизить риски внешнеэкономических преступлений.

В качестве решения предлагается гармонизация уголовного законодательства государств-членов ЕАЭС через внесение изменений в действующий Договор от 5 июля 2010 года, а также введение в Уголовный кодекс РФ новой специальной нормы, криминализирующей нарушение санкционных запретов ЕАЭС.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: внешнеэкономические преступления, международное регулирование, ЕАЭС, санкционные запреты.

**КАМИНСКИЙ ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ** – аспирант кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева (РУАН), Начальник отдела доступа на внешние рынки и урегулирования торговых споров Евразийской экономической комиссии (e-mail: il.kaminskiy@gmail.com).

Одним из приоритетов, выделенных в Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 года, является защита российской экономики и международных торгово-экономических связей от недружественных действий иностранных государств посредством применения специальных экономических мер в качестве реакции на такие действия[1].

В настоящее время участие Российской Федерации в международных организациях существенно ограничено из-за специальной военной операции на Украине, или сторонами международных соглашений нарушаются взятые обязательства в отношении государств-членов ЕАЭС, например, Европейский союз и Япония отменили принцип режима наибольшего благоприятствования в отношении Республики Беларусь и Российской Федерации, предусмотренный Договором о создании Всемирной торговой организации (далее – ВТО), что существенно осложняет защиту экономических и государственных интересов государства.

Учитывая данные обстоятельства, рассмотрим ниже причины, обуславливающие актуальность указанного исследования:

1) недобросовестное использование единого экономического пространства побуждает государство использовать уголовно-правовые механизмы в рамках противодействия санкционной политики третьих государств. В связи с введением в 2014 году санкций и последующим их ужесточением в 2022 году Российская Федерация

1. Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 года // [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090 (дата обращения: 15.01.2025).

оказалась в сложной внешнеполитической и экономической ситуации. Ситуацию усугубило то, что недобросовестные предприниматели воспользовалась преимуществами свободного перемещения товаров на территории Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), «и в короткий срок другие государства – члены ЕАЭС стали крупнейшими перевалочными базами санкционной продукции на территорию Российской Федерации, заняв 35,5 % импортного рынка Российской Федерации, тогда как в 2013 году доля такой продукции не превышала 3,9 %, а в 2012 году – 0,9 %»[2].

Членами Евразийского экономического союза являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация. В рамках ЕАЭС устанавливается единая таможенная граница, единый таможенный тариф и экономический режим со свободным передвижением товаров, услуг, лиц и капитала.

«Всего с момента введения экономических контрмер в отношении западных стран было уничтожено около 100 тыс. тонн санкционной плодоовощной продукции, при этом продукция, ввезённая из государств – членов ЕАЭС составила 95 % от всей уничтоженной санкционной продукции»[3]. С целью идентификации страны происхождения товаров правоохранительными органами даже применялись палиноморфологические методы, а именно метод спорово-пыльцевого анализа на продукции растительного производства, которые требовали больших финансовых затрат для проверки каждой подозрительной партии.

2) государство несёт колоссальные убытки в связи с отсутствием уголовной ответственности за установленные ограничения и запреты во внешнеэкономической деятельности, а также с отсутствием унифицированных подходов в ЕАЭС к уголовной ответственности за внешнеэкономические преступления. Значительные убытки для российской экономики связаны неполучением дохода от таможенных пошлин, распределяемых в рамках ЕАЭС между всеми участниками объединениями. То есть если кто-то из участников интеграционного объединения завозит товар из третьей страны через таможенную границу Союза доход от таможенных пошлин распределяется между всеми государствами-членами. Однако отдельные государства-члены не декларируют в своей таможенной статистике такой импорт. «Зеркальная» статистика, представленная ВТО статистика, подтверждает данный факт.

Приведем примеры такой «зеркальной» статистики партнеров Российской Федерации по ЕАЭС в рамках торговли с западными странами: Рост экспорта Германии в Кыргызскую Республику за 2022 год увеличился в 6 раз по сравнению с 2021 годом (с 57,5 млн долл. США до 331,1 млн долл. США)[4]. За 2023 год экспорт увеличился еще в 2,3 раза по сравнению с 2022 годом (с 331,1 млн долл. США до 771 млн долл. США). В то время как таможенная служба Кыргызской Республики фиксирует рост импорта из Германии всего лишь в 2 раза (с 62,7 млн. долл. США до 164 млн долл. США).

Другой пример – Республика Казахстан по данным таможенной статистики импортировала из Германии в 2022 году товаров на 756 млн долл. США, а по данным немецкой таможни в 2022 году Германия экспортировала в Казахстан 2,8 млрд долл. США (разница почти в 4 раза). В то же время Республика Корея экспортировала в Республику Казахстан товаров на 1,8 млрд долл.

---

2. Международный торговый центр. Статистика внешней торговли // [Электронный ресурс]. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c%7c14719%7c%7c180595%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 15.01.2024).

3. Каминский И.С. Уголовно-правовая охрана внешнеэкономической деятельности в государствах-членах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Международный научный вестник. 2025. № 3. С. 194-197.

4. Портал статистической информации международного центра торговли ВТО URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c276%7c%7c417%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 15.01.2025).

США, а казахстанская таможня зафиксировала импорт только на 180 млн долл. США.

Учитывая средневзвешенную ставку импортного тарифа ЕАЭС в размере 5 % только из этих примеров недополученный доход в бюджет Российской Федерации можно оценить в 250 млн долл. США, а учитывая долю Кыргызской Республики и Республики Казахстан в товарообороте Российской Федерации с другими государствами-членами ЕАЭС в размере всего лишь 30 % недополученные доходы могут расцениваться в десятках миллиардах долларов США.

Данный факт подтверждает информация от Министерства финансов Российской Федерации, в соответствии с которым по итогам 2023 года доход в бюджет Российской Федерации от таможенных пошлин сократился на 1,1 трлн рублей.

3) чрезвычайные меры по упрощению ввоза товаров на таможенную территорию Российской Федерации и в рамках ЕАЭС повлекли массовые попытки ввоза значительного количества нелегальной продукции. Введение экономических санкций в отношении Российской Федерации и введение страной ответных санкций закономерно привело к негативным социально-экономическим последствиям внутри государства «В результате чего, Правительством Российской Федерации были приняты чрезвычайные меры по упрощению ввоза товаров на таможенную территорию Российской Федерации, а также в рамках ЕАЭС, что повлекло массовые попытки ввоза значительного количества нелегальной продукции».

«Так, в 2022 году таможенными органами Российской Федерации было возбуждено 898 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями УК РФ, из них: 159 дел – по ст. 229.1 УК РФ; 478 дела – по ст. 226.1 УК РФ; 95 дел – по ст. 200.2 УК РФ; 33 дела – по ст. 200.1 УК РФ; 91 дело – по ст. 194 УК РФ; 0 дел – по ст. 193 УК РФ; 38 дело – по ст. 193.1 УК РФ; 4 дела – по ст. 189 УК РФ»[5].

В 2023 году количество уголовных дел увеличилось на 9 % по сравнению

с предыдущим периодом до 974: 176 осуждённых по ст. 229.1 УК РФ; 546 дел – по ст. 226.1 УК РФ; 84 дела – по ст. 200.2 УК РФ; 57 дел – по ст. 200.1 УК РФ; 66 дел – по ст. 194 УК РФ; 1 дело – по ст. 193 УК РФ; 43 дела – по ст. 193.1 УК РФ; 1 дело – по ст. 189 УК РФ.

Проводя сравнительный анализ возбуждённых таможенными органами уголовных дел, можно отметить, что по сравнению с 2023 годом, когда доля товарной контрабанды, как один из основных составов среди внешнеэкономических преступлений, держалась на отметке 43 %, в 2024 г. этот показатель возрос до 52 %[6].

Кроме того, преступления в сфере внешнеэкономической деятельности, посягающие на государственную, экономическую и общественную безопасность, в настоящее время получили особую актуальность в настоящее время, учитывая частые террористические акты, политику импортозамещения и сокращение бюджета от таможенных платежей.

В последнее время похожей тематике было уделено внимание В.К. Заиграевой[7] и Н.В. Кузнецовой в своих диссертационных работах 2021 и 2023 годов. Работа В.К. Заиграевой «Уголовная ответственность за контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов в условиях функционирования Евразийского экономического союза» сосредоточена на одном составе преступления в сфере внешнеэкономической деятельности. Исследование Н.В. Кузнецовой «Уголовно-правовые средства охраны внешнеэкономической деятельности государств-членов

5. ФТС. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации. Официальный сайт. // [Электронный ресурс]. URL: https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovanij-i-doznaniya/document/323702 (дата обращения: 15.01.2025)

6. Невзгодова А.Э. Проблемы уголовной ответственности за таможенные преступления в России // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 10(79). С. 162–166.

7. Заиграева В.К. Уголовная ответственность за контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов в условиях функционирования Евразийского экономического союза: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. 214 с.

Евразийского экономического союза» направлено на формирование модельного уголовного законодательства в рамках ЕАЭС[8].

Однако подход, который подразумевает установление модельных или рекомендательных норм, представляется нецелесообразным. В ЕАЭС реализуется наднациональная внешнеэкономическая политика – в том числе через принятие общих и обязательных решений, в том числе установления единого таможенного тарифа, единых мер защиты внутреннего рынка (антидемпинговых и специальных защитных мер) единых требований к техническим регламентам и санитарно-фитосанитарным мерам, предъявляемых при ввозе из третьих стран и т.д. Применяются общие меры для предотвращения «серого» импорта из третьих стран, в том числе введение маркировки средствами идентификации и система оценки рисков таможенными органами. Союзом в настоящее время заключены торговые соглашения с Китаем, Ираном, Сербией, Вьетнамом. Подписаны, но не вступили в силу соглашения с ОАЭ и Монголией. Однако уголовно-правовых мер охраны и обеспечения реализации этих мер уделяется мало внимание.

На практике существует ситуация, когда недобросовестные предприниматели выбирают страну с мягкой формой ответственности за выдачу требований для ввоза продукции в Союз в связи с отсутствием гармонизированных подходов к уголовной и административной ответственности. В связи с этим обоснована целесообразность гармонизации подходов к уголовной и административной ответственности в рамках ЕАЭС, в том числе через принятие обязательных решений, учитывая, что правовая рамка на наднациональном уровне уже создана.

Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств членов Таможенного союза от 5 июля 2010 года не обеспечивает унификацию уголовно-правовых норм в сфере внешнеэкономической деятельности. В целях межотраслевого согласования норм, предлагается внести изменения в Договор «Об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств членов Таможенного союза» от 5 июля 2010 года, закрепляющий общие признаки товарной контрабанды и неуплаты таможенных платежей, как основных преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности (см. приложение 1 к настоящему исследованию).

Важными дополнениями в Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств членов Таможенного союза от 5 июля 2010 года должны стать определение экономической контрабанды и ее структуры, единообразный подход к определению объективной стороны преступлений, в том числе определить место совершения преступления, возможность привлечения к ответственности юридических лиц. Далее указанные дополнения целесообразно имплементировать в уголовные кодексы стран ЕАЭС. Закрепление принципа экстратерриториальности (преследование преступлений, затрагивающих интересы ЕАЭС, вне зависимости от места совершения)[9].

Кроме того, целесообразно введение дополнительной статьи в УК РФ: «несоблюдение установленных международными договорами государств – членов ЕАЭС, решениями Евразийской экономической комиссии, нормативными правовыми актами Российской Федерации запретов и ограничений на ввоз товаров на таможенную

8. Кузнецова Н.В. Уголовно-правовые средства охраны внешнеэкономической деятельности государств-членов Евразийского экономического союза: дис. … канд. юрид. наук. М.,2021. 238 с.

9. Кузнецова Н.В., Букалерова Л.А., Шагиева Р.В. Пути унификации национального уголовного законодательства государств – членов ЕАЭС // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2021. № 1(60). С. 42–46.

территорию ЕАЭС или в Российскую Федерацию и (или) вывоз товаров с таможенной территории ЕАЭС или из Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 16.2 КоАП РФ» с целью единообразного подхода к уголовной ответственности в государствах-членах ЕАЭС и учета в уголовном законодательстве наднационального законодательства в рамках ЕАЭС.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что текущая ситуация требует скорейшего принятия скоординированных мер на уровне ЕАЭС для предотвращения уклонения от санкций, борьбы с контрабандой и защиты экономических интересов Российской Федерации. Без гармонизации уголовного законодательства и усиления наднационального контроля потери бюджета и масштабы незаконной торговли будут только расти.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акопова Е.С., Таранов П.В., Самыгин С.И. Механизмы обеспечения экономической безопасности российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 2. С. 175–178.

2. Аминов Д.И., Полищук Д.А. Секреты эффективности уголовно-правовой политики // Российский следователь. 2013. № 18. С. 11–14.

3. Каминский И.С. Уголовно-правовая охрана внешнеэкономической деятельности в государствах-членах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Международный научный вестник. 2025. № 3. С. 194–197.

4. Кузнецова Н.В. Уголовно-правовые средства охраны внешнеэкономической деятельности государств-членов Евразийского экономического союза: дис. …канд. юрид. наук. М., 2021. 238 с.

5. Заиграева В. К. Уголовная ответственность за контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов в условиях функционирования Евразийского экономического союза: дис. … канд. юрид. наук. 2023. М., 214 с.

6. Кузнецова Н.В., Букалерова Л.А., Шагиева Р.В. Пути унификации национального уголовного законодательства государств – членов ЕАЭС // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2021. № 1(60). С. 42–46.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Akopova E.S., Taranov P.V., Samygin S.I. Mehanizmy obespechenija jekonomicheskoj bezopasnosti rossijskogo obshhestva // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2017. № 2. S. 175–178.

2. Aminov D.I., Polishhuk D.A. Sekrety jeffektivnosti ugolovno-pravovoj politiki // Rossijskij sledovatel'. 2013. № 18. S. 11–14.

3. Kaminskij I.S. Ugolovno-pravovaja ohrana vneshnejekonomicheskoj dejatel'nosti v gosudarstvah-chlenah Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza (EAJeS) // Mezhdunarodnyj nauchnyj vestnik. 2025. № 3. S. 194–197.

4. Kuznecova N.V. Ugolovno-pravovye sredstva ohrany vneshnejekonomicheskoj dejatel'nosti gosudarstv-chlenov Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza: dis. …kand. jurid. nauk. M., 2021. 238 s.

5. Zaigraeva V. K. Ugolovnaja otvetstvennost' za kontrabandu strategicheski vazhnyh tovarov i resursov v uslovijah funkcionirovanija Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza: dis. … kand. jurid. nauk. 2023. M., 214 s.

6. Kuznecova N.V., Bukalerova L.A., Shagieva R.V. Puti unifikacii nacional'nogo ugolovnogo zakonodatel'stva gosudarstv - chlenov EAJeS // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2021. № 1(60). S. 42–46.

К.А. КАРАМЫШЕВ

# Особенности распоряжения результатами интеллектуальной собственности

**АННОТАЦИЯ**. Статья посвящена актуальной проблеме и особенностям распоряжения результатами интеллектуальной собственности, использование результатов интеллектуальной деятельности играет далеко не последнюю роль в социальной и экономической жизни общества, семьи и человека, а также обеспечивает основные потребности производства. Также в статье выявлены особенности распоряжения результатами интеллектуальной собственности и рассмотрен порядок использования исключительного права.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: интеллектуальная собственность, авторское право, право распоряжения, творческий результат интеллектуального труда, исключительное право.

**КАРАМЫШЕВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ** – аспирант кафедры нотариата и гражданско-правовых дисциплин Российский университет адвоката и нотариата имени Г.Б.Мирзоева (РУАН) (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Жизнь современного общества невозможно представить без технических, творческих результатов интеллектуального труда человека.

В условиях современной экономической конъюнктуры предпосылкой материального роста рынка товаров и услуг, безусловно, является появление новых результатов интеллектуальной и творческой деятельности человека, правовая охрана такой деятельности на внешних рынках и наличие гарантий такой правовой охраны, предоставленных отдельными государствами в рамках национальных правовых систем и международными многонациональными правовыми институтами в рамках систем, распространяющих своё действие одновременно на территории нескольких стран, союзов или альянсов. Общество развивается, когда человек творит, создаёт новые идеи и подходы, внедряет прогрессивные решения, меняя представления о существующем устройстве вещей и мировоззрение окружающего его социума. Таким образом, институт интеллектуальной собственности в целом, и ее правовой охраны в частности, с каждым годом все больше выступают в качестве ядра современной мировой экономики, способствующего её постоянному росту.

Понятие «интеллектуальная собственность» в разных странах отличается ввиду воздействия культурных и исторических особенностей развития национальных правовых систем, но, при этом, придерживается установленных общих международных стандартов. Российское законодательство в области интеллектуальной собственности, в свою очередь, тесно переплетается с международными нормами, предоставляя комплексный подход к защите интеллектуальных прав и устанавливая более четкие границы, что под указанным термином следует понимать.

Российское законодательство в области интеллектуальной собственности, в свою очередь, тесно переплетается с международными нормами, предоставляя комплексный подход к распоряжению интеллектуальных прав и устанавливая более чёткие границы, что под указанным термином следует понимать.

Использование результатов интеллектуальной деятельности играет далеко не последнюю роль в социальной и экономической жизни общества, семьи и человека, а также обеспечивает основные потребности производства.

Генезис интеллектуальной собственности, как объекта имущественных отношений привёл к тому, что их применение возможно не только предпринимателями, но и любыми другими лицами.

Еще Габриэль Феликсович Шершеневич, утверждал, что «порядок возникновения, перехода, прекращения, защиты вещных прав рассчитан именно на материальное их содержание, и потому распространение этих правил

на совершенно иную область может создать нежелательное смешение представлений в теории и практике»[1].

«... Количество и качество труда, затраченного автором на создание произведения, не поддаётся учёту в тех формах, какие пригодны для учёта труда, затрачиваемого на создание материальных вещей»[2]. Таким образом, мы видим, что, несмотря на изменившийся, по сравнению с дореволюционным, подход к системе гражданского права, в советской гражданско-правовой доктрине также наблюдалось отношение к исключительному праву, как к самостоятельному институту.

В современной России предпосылкой охраны интеллектуальной собственности является установление гарантии свободы творчества каждого, зафиксированной пунктом 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации.

Е.А. Суханов отмечает, что «...объекты интеллектуальной деятельности представляют собой нематериальные блага, которые не могут иметь правовой режим, установленный для вещей. Поэтому исключительное право и есть абсолютное право на нематериальные объекты, использующее в соответствии с их свойствами другие правовые средства»[3]. Аналогичной точки зрения придерживается и В.А. Дозорцев: «это не просто абсолютное право на новый вид объекта, а право с новым содержанием»[4].

Так же необходимо рассмотреть режим распоряжения интеллектуальной собственностью. Распоряжение – это юридически обеспеченная возможность определять правовую судьбу вещи: «Правомочие распоряжения означает аналогичную возможность определения юридической судьбы имущества путём изменения его принадлежности, состояния или назначения (отчуждение по договору, передача по наследству, уничтожение и т.д.)»[5].

Использование самого исключительного права можно считать только право его обладателя разрешать другим лицам использование охраняемого результата интеллектуальной собственности или средства индивидуализации. Абз. 1 п. 1 ст. 1229 ГК РФ, как право распоряжаться исключительным правом. В его рамках одновременно может происходить и корреспондирующее использованию приобретение исключительного права.

Конституция провозглашает свободу литературного, художественного, научного и технического творчества. То есть закреплено право граждан на охрану своих произведений на конституционном уровне.

Правовая охрана интеллектуальной собственности гарантируется Конституцией РФ, в соответствии с ч. 1 ст. 44. Гражданский кодекс осуществляет правовое регулирование интеллектуальной собственности частью четвертой ГК РФ, разделом VII.

Согласно 1226 ГК РФ, интеллектуальные права — это «результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, которые включают исключительное право, являющееся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и другие)».

Интеллектуальные права – перечень прав, принадлежащих создателю в связи с объективизацией результата творческого интеллектуального труда. Интеллектуальные права могут возникать как в связи с фактом государственной регистрации, так и в связи с созданием объекта интеллектуальной собственности.

Это имущественные и неимущественные права, принадлежащие создателям произведений науки, искусства и литературы. Такие права явля-

1. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 2. Особенная часть. Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 126.
2. Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т 1. М.: Статут, 2015. С. 472.
3. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2019. С. 242–243.
4. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей. М.: Статут, 2003. С. 113.
5. Российское гражданское право: учебник: В 2 т. Т.1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. С. 511.

ются исключительными. Их обладатели имеют право распоряжаться ими по своему усмотрению. То есть они могут как оставаться правообладателями своих произведений, так и распоряжаться ими по своему усмотрению.

Помимо классических типов объектов интеллектуальной собственности также часто встречают объекты новых типов. Примеры объектов классических типов содержаться в статье 1259 Гражданского кодекса. К новым же типам относятся, в первую очередь, интернет-сайты. Они являются самыми распространёнными объектами авторских прав нового типа в сети.

Охрана результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, подлежащего обязательной государственной регистрации, наступает только после прохождения достаточно сложной и подчас длительной заявочно-экспертной процедуры, регистрации результата или средства.

По окончании процедуры регистрации автору или правообладателю выдаётся свидетельство либо патент.

Ст. 1259 ГК РФ гласит, что для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения или соблюдение каких–либо иных формальностей. Не зависимо, было ли обличённое в объективную форму оригинальное произведение обнародовано, на него будет распространяться полный объем авторских прав.

Говоря об исключительном праве, Т.В. Каравай указывает на то, что оно «представляет собой особую категорию, отличную от иных видов гражданских прав»[6].

Исключительное право — это законодательное установление, предоставляющее его обладателю привилегированное положение по управлению и распоряжению объектом интеллектуальной собственности, а также «по умолчанию» запрещающее использование такого объекта другим хозяйствующим субъектам на рынке товаров и услуг. Закон защищает исключительные права, предоставляя их держателям юридические инструменты для обеспечения и охраны своих интересов при возникновении любого рода посягательств или нарушений, тем самым мотивируя общество к новаторству и креативности, гарантируя создателям и изобретателям экономическую выгоду и признание их вклада в прогресс общества, науки и культуры, а также создавая условия для честной конкуренции. Несмотря на общность нематериальной природы результатов интеллектуальной деятельности правовой режим, регулирующий общественные отношения в сфере интеллектуальной собственности, является уникальным по своим характеристикам.

Исключительное право относится к числу имущественных и закрепляется ст. 1226 ГК РФ.

Ряд авторов указывают на «монопольность» исключительного права. Г.И. Мансурова и П.М. Мансуров пишут, что «устанавливается так называемая монополия на использование произведения, – отсюда и родился термин «исключительное право»[7]. При создании объекта автор получает широкий перечень правомочий, а остальные обязаны эти права не нарушать. Такая характеристика присуща абсолютным правоотношениям.

В своей работе Н.В. Фомичева и О.Г. Строкова указывают исключительное право в качестве примера абсолютных правоотношений, в которых «носителю абсолютного права (права собственности, исключительного права на результаты интеллектуальной собственности и иные нематериальные блага) противостоит неопределенное число обязанных лиц, которые не должны препятствовать носителю абсолютного права в его осуществлении»[8].

---

6. Каравай Т.В. Понятие и правовая природа интеллектуальных прав // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2015. № 1(42). С. 179.

7. Мансурова Г.И. Содержание и генезис понятия «интеллектуальная собственность» // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2016. № 1(73). С. 8.

8. Фомичева Н.В., Строкова О.Г. Гражданское право. Общая часть: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2021. С. 38.

Исключительное право от иных правомочий автора отличает его тесная связь с материальным миром и имущественный характер. Это позволяет правообладателю распоряжаться исключительными правами при помощи договорных способов, к которым относятся: лицензионный договор; договор об отчуждении исключительного права; договор коммерческой концессии; залог исключительных прав; договор доверительного управления исключительными правами.

П.П. Баттахов относительно данного вопроса также отмечает, что «объекты интеллектуальной собственности могут находиться в одновременном пользовании многих участников интеллектуальных правоотношений»[9].

Значимой чертой исключительного права является то, что у него имеется чётко обозначенный срок действия, в то время как действие личных неимущественных и иных прав не имеет подобной особенности в связи с их нематериальным характером.

И.С. Маслова пишет, что это «обусловлено интересами общества, так как после истечения срока объект переходит в общественное достояние, что позволяет использовать интеллектуальный продукт без разрешения правообладателя и выплаты ему вознаграждения»[10].

Статьями 1225 и 1226 ГК РФ определено, что интеллектуальная собственность, а также и права правообладателя, находятся под охраной закона.

При этом правообладателем результата интеллектуальной собственности выступает гражданин, чьим трудом был достигнут данный результат.

Например, в гражданском законодательстве закреплено, что распоряжение произведениями, охраняемых исключительным правом, как на территории Российской Федерации, так и на территории иностранных государств может быть осуществлено только с согласия правообладателя или правопреемников.

Е.А. Павлова, комментируя ст. 1229 ГК РФ: «Правообладатель может по своему усмотрению разрешать другим лицам использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации (абз. 2 п. 1 ст. 1229 ГКРФ). В этом случае он осуществляет распоряжение своим исключительным правом, так как его разрешение может выражаться в предоставлении права использования соответствующего результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации в установленных пределах либо даже (в некоторых случаях) в отказе от своего исключительного права»[11].

Ст. 1233 ГК РФ закрепляет возможность правообладателя распоряжаться исключительным правом: «любым не противоречащим закону и существу такого права способом, в том числе путём отчуждения либо предоставления другому лицу права использования».

Законодатель выделяет два основных способа распоряжения: отчуждение исключительного и предоставление права использования объектами интеллектуальной собственности.

На каждый объект интеллектуальной собственности в рамках исключительного права распространяется определённый ряд правомочий. Обширные возможности предоставлены авторам произведений, за которыми закреплён наиболее широкий перечень способов распоряжения исключительными правами.

---

9. Баттахов П.П. Существенные признаки исключительных прав в сфере права интеллектуальной собственности // Право и государство: теория и практика. 2018. № 2(158). С.65.

10. Маслова И.С. Сущность исключительного права на авторские произведения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 110.

11. Павлова Е.А. Постатейный комментарий к ГК РФ, части четвертой. М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. С. 29.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баттахов П.П. Существенные признаки исключительных прав в сфере права интеллектуальной собственности // Право и государство: теория и практика, № 2 (158), 2018. С. 63–66.

2. Фомичева Н.В., Строкова О.Г. Гражданское право. Общая часть : учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 407 с.

3. Каравай Т.В. Понятие и правовая природа интеллектуальных прав // Вестник Омского университета. Серия «Право», №. 1 (42), 2015. С. 175–182.

4. Маслова И.С. Сущность исключительного права на авторские произведения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 107–112.

5. Павлова Е.А. Постатейный комментарий к ГК РФ, части четвертой. М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. 297 с.

6. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т.1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. 956 с.

7. Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву: в двух томах. Москва: Статут, 2015. Т. 1 / [отв. ред. т., вступ. ст., сост.: А. Л. Маковский]. 2015. 510 с.

8. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 2. Особенная часть. Москва : Издательство Юрайт, 2025. 450 с.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Battahov P.P. Sushchestvennye priznaki isklyuchitel'nyh prav v sfere prava intellektual'noj sobstvennosti // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika, № 2 (158), 2018. S. 63–66.

2. Fomicheva N.V., Strokova O.G. Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast' : uchebnik i praktikum dlya vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2021. 407 s.

3. Karavaj T.V. Ponyatie i pravovaya priroda intellektual'nyh prav // VestnikOmskogouniversiteta. Seriya «Pravo», №. 1 (42), 2015. S. 175–182.

4. Masloval.S. Sushchnost' isklyuchitel'nogo prava na avtorskie proizvedeniya // Severo-Kavkazskijyuridicheskijvestnik. 2019. № 2. S. 107–112.

5. Pavlova E.A. Postatejnyj kommentarij k GK RF, chasti chetvertoj. M.: ICChP im. S.S. Alekseeva pri Prezidente RF, 2018. 297 s.

6. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: Uchebnik: V 2 t. T.1: Obshchaya chast'. Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushchestvennye prava / otv. red. E.A. Suhanov. M.: Statut, 2011. 956 s.

7. Flejshic E.A. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v dvuh tomah. Moskva: Statut, 2015. T. 1 / [otv. red. t., vstup. st., sost.: A. L. Makovskij]. 2015. 510 s.

8. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava v 2 t. Tom 2. Osobennaya chast'. Moskva : Izdatel'stvo Yurajt, 2025. 450 s.

Л.С. КРИМЕР

# Система косвенных доказательств для принятия справедливых процессуальных решений: симбиоз прямых и косвенных доказательств с информационными технологиями

**АННОТАЦИЯ**. В статье рассматривается интеграция системы косвенных доказательств в процессуальную практику с целью обеспечения справедливых решений. Автор анализирует симбиоз прямых и косвенных доказательств, подчёркивая их значимость в рамках современного правосудия. В статье также исследуется влияние цифровых носителей информации на формирование доказательной базы и возможности их использования в процессе доказывания. Заключение содержит рекомендации по внедрению предложенных подходов в юридическую систему.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: косвенные доказательства, правосудие, информационные технологии, процессуальные решения, прямые доказательства, оценка доказательств, юридическая практика.

**КРИМЕР ЛЕОНИД СЕМЁНОВИЧ** – аспирант кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г. Б. Мирзоева. (e-mail: leokrimer@yandex.ru ).

Теория доказательств является важной частью теории юридического познания. Вопрос о прямых и косвенных доказательствах представляет собой одну из наиболее дискуссионных тем, как в теории доказательственного права, так и в его практическом применении. Изучение этого аспекта особенно подтверждает справедливость утверждения: «Теория права — это история права». В этой связи, для начала необходимо установить ключевые понятия, структурируя их в рамках юридической методологии. Мы определили прямые и косвенные доказательства. Однако, для построения системы косвенных доказательств, обеспечивающей справедливые процессуальные решения, необходимо углубить их дефиницию и классификацию. В этой связи прямые доказательства – это доказательственные факты, непосредственно подтверждающие существование главного факта и его связь с обвиняемым.

Их юридическая сила определяется степенью достоверности и не требует дополнительных логических построений для установления связи с событием преступления. К прямым доказательствам относятся, например, показания очевидца, непосредственно наблюдавшего преступление, видеозапись самого преступления, письменные признания обвиняемого, результаты экспертизы, непосредственно устанавливающие факт совершения преступления обвиняемым. Косвенные доказательства, в свою очередь, представляют собой факты, которые сами по себе не подтверждают непосредственно главный факт, но в совокупности с другими доказательствами позволяют сделать вывод о его существовании и связи с обвиняемым. В юридической практике роль косвенных доказательств определяется тем, что они зачастую оказываются единственными доказательствами в деле и представляют собой единственный способ для установления юридических фактов. Поэтому теория косвенных доказательств привлекла значительное внимание со стороны процессуальных специалистов, что отражается в обширной и разнообразной литературе, посвящённой этой теории.

Существует несколько подходов к классификации юридических доказательств, разделяющих их на прямые и косвенные. Такая систематизация служит инструментом упорядочивания и является основой для научного анализа рассматриваемого объекта. Расчленяя объект на составные части, классификация позволяет более детально его исследовать. В то же время она направлена на то, чтобы собрать воедино различные и иногда противоречивые аспекты объекта, интегрируя их в единую и последовательную

систему. В первую очередь, можно выделить чёткое разделение относительно элементов предмета доказывания. Существуют различные мнения по этому вопросу в научной литературе. Некоторые авторы утверждают, что косвенные доказательства всегда выполняют функцию установления лишь доказательственных фактов, в то время как прямые доказательства относятся ко всем элементам предмета доказывания. Как отмечает А.А. Барыгина, «прямым доказательством следует считать такое доказательство, которое напрямую (т.е. одноступенчато) устанавливает предмет доказывания или один из его элементов, указанных в законе»[1]. Таким образом, косвенное доказательство определяется как то, которое через многоступенчатую процедуру первоначально поддерживает существование промежуточного факта, а затем, опираясь на него, начинает устанавливать сам предмет доказывания или его элемент. Наряду с этим, А.Р. Белкин охарактеризовывает уликами «факты, на основании которых делается вывод о наличии других фактов, значимых для формирования внутреннего убеждения судьи»[2].

В этой связи, данная система классификации подвергалась критике множеством авторов. В частности, Е.В. Егорова указывает, что в судебной практике можно встретить такие доказательства, которые, подтверждая определённый факт, одновременно выступают в качестве прямых, поскольку из них можно сделать единственный вывод[3]. Согласна с данной точкой зрения, и В.А. Лазарева, которая подчёркивает, что часто возникает парадоксальная ситуация, когда, несмотря на большое количество прямых доказательств, не удаётся установить личность правонарушителя, и в отношении какого-либо конкретного лица отсутствуют любые доказательства[4]. В этой связи, В.А. Лазарева предлагает рассматривать в качестве прямых доказательств лишь те, которые непосредственно демонстрируют факт совершения определённой действия (или бездействия) конкретным лицом, как это предусмотрено уголовным законодательством. В рамках ретроспективного экскурса научной юридической литературы нами было установлено, что ряд авторов считают, что классификация доказательств должна основываться на отношении к преступному событию и лицу, которое несёт ответственность, образующему «основной факт». В частности, С.В. Зуев утверждает: «на первый взгляд, прямая и косвенная (или обстоятельственная) улики могут показаться разными типами доказательств, однако на самом деле эти термины обозначают лишь различные методы, с помощью которых факты, являющиеся уликами, формируют в нашем сознании определённые убеждения[5]. По своей сути обстоятельственные улики идентичны прямым; единственное отличие заключается в том, что очевидность, предоставляемая прямыми доказательствами, непосредственно относится к факту, который является предметом исследования, в то время как обстоятельственные доказательства, будучи по своей природе подобными прямым признакам, демонстрируют непосредственную очевидность второстепенных фактов, из которых можно сделать вывод о достоверности основного факта». Другим аргументом, который тесно связан с ранее упомянутым, является классификация доказательств на прямые и косвенные, основа для которой заключается в различиях в структуре обоснования доказываемого факта. Прямыми признаются те доказательства, которые напрямую подтверждают рассматриваемый факт, в то время как косвенные являются такими, которые устанавливают этот факт через «промежуточные обстоятельства». В связи

1. Барыгина А. А. Доказывание в уголовном процессе: допустимость доказательств: учебное пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. С. 89.

2. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве в 2 ч. Часть 1: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2024. С. 67.

3. Егорова, Е.В., Бурыка Д.А. Доказательства и доказывание в судебной практике по уголовным делам: практическое пособие. 3-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2024. С. 58.

4. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. С. 57.

5. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов / С. В. Зуев [и др.] ; ответственный редактор С. В. Зуев. Москва: Издательство Юрайт, 2024 С. 79.

с этим, как отмечает Ю.К. Орлов, «любой вывод, сделанный на основании доказательства, возникает из следующего рассуждения: поскольку существует определённый факт, я делаю вывод о наличии другого, конкретного факта»[6]. Косвенное доказательство представляет собой сложный процесс, который часто включает в себя две, а порой и более стадий. Сначала оно непосредственно подтверждает промежуточное утверждение (например, факт угрозы со стороны определённого лица), после чего на основании этого промежуточного факта устанавливается и финальное утверждение (например, факт причинения телесных повреждений тем же лицом).

Можно отметить, что сущность косвенного доказательства заключается в информации о таких фактах, чей анализ является не конечной целью, а лишь шагом в конкретной доказательственной цепи. С логической точки зрения, переход к следующей стадии косвенного доказательства осуществляется от одного события (например, угрозы) к другому (например, убийству). Первое событие, то есть промежуточный факт (угроза), можно считать «натуральным аргументом», в отличие от коммуникативного или эмпирического аргумента в случае прямого доказательства, которое опирается на непосредственное восприятие фактов или представление доказательств. А.С. Александров в своей монографии отмечал, что прямое доказательство основывается на непосредственном или опосредованном восприятии, тогда как косвенное связано с выводами о факте, который необходимо установить[7]. Г.М. Резник добавляет, что косвенные доказательства базируются на логических выводах и связях между обстоятельствами[8].

Другой важной концепцией является идея о чёткой связи между прямыми доказательствами и многозначностью косвенных доказательств относительно факта, который подлежит доказыванию. Данная классификация, предложенная Б.Б. Булатовым, основана на разделении доказательств на две категории в зависимости от количества возможных выводов, которые из них можно сделать[9]. В этом смысле прямое доказательство считается таковым, если его однозначная связь, даже рассматриваемая отдельно, позволяет сделать только один вывод о наличии или отсутствии данного факта. В отличие от него, косвенное доказательство, взятое в изоляции, благодаря своей многозначности не предоставляет однозначного заключения, а лишь несколько вероятных выводов или версий, касающихся исследуемого факта. Из этого следует вывод о характерной черте косвенных доказательств, упоминаемой в научной литературе – их недостаточности для установления факта без поддержки другими доказательствами. Стоит выделить ещё одну интересную концепцию в классификации доказательств на прямые и косвенные. Ю.В. Франциферов и Н.С. Манова указывают, что «косвенное доказательство подтверждает ложность антитезиса, что, в свою очередь, свидетельствует о правильности тезиса. Ложность антитезиса (походящего к противоположному тезису предположения) может быть обоснована существующим противоречием или следствием его несовместимости с аргументами»[10].

Действительно, наличие мотива для убийства больше служит опровержением утверждения о невиновности подозреваемого, чем прямым доказательством его участия в преступлении. На первый взгляд, эти два аспекта могут показаться схожими, однако между ними существует важная разница.

Легко заметить, что авторы предложенных концепций классификаций различают прямые и косвенные

---

6. Орлов Ю.К. Спорные вопросы классификации доказательств // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе. Тезисы выступлений на теоретическом семинаре. М.: ВНИИ МВД СССР, 1981. С. 47.

7. Александров А.С., Фролов С.А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств: Монография. Н.Новгород: Нижегородская правовая академия, 2011. С. 79.

8. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Г. М. Резник [и др.]; под общей редакцией Г. М. Резника. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. С. 123.

9. Уголовный процесс: учебник для вузов / Б.Б. Булатов [и др.] ; под редакцией Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. С. 183.

доказательства, основываясь на разных принципах деления. Безусловно, каждая из этих точек зрения имеет право на существование, хотя и является предметом обсуждения. У большинства из этих теорий, как в прошлом, так и в настоящее время, имеются как сторонники, так и противники, что подтверждает их актуальность. В целом, можно рассуждать о вероятности (а возможно, и необходимости) создания дополнительной терминологии для каждой из концепций. В этой связи стоит согласиться с мнением А. В. Гриненко, что «...отсутствие должной последовательности и чёткости в теории доказательств, даже в отношении основных понятий, приводит к множеству негативных последствий: замедляет её развитие, не только не содействует улучшению законодательства, но и оказывает неблагоприятное влияние на практическое применение»[11].

Резюмируя, можно отметить, что прямые доказательства обеспечивают фундаментальную основу, а косвенные – расширяют её, заполняя пробелы и подтверждая или опровергая выводы, основанные на прямых доказательствах. В этой связи рассмотрев систему прямых и косвенных доказательств, представляется возможным рассмотреть их симбиоз с информационными технологиями.

Симбиоз прямых и косвенных доказательств – это комплексное использование как прямых, так и косвенных доказательств для установления истины по делу, где косвенные доказательства служат подтверждением или опровержением прямых, или же, наоборот, прямые доказательства помогают интерпретировать косвенные. Информационные технологии в рамках доказывания – это совокупность технических средств и программного обеспечения, используемых для сбора, обработки, хранения и представления доказательственной информации. К таковым относит Е.В. Егорова – цифровые следы, данные с видеорегистраторов, геолокационные данные, метаданные файлов, криптографическую экспертизу и т.д.[12] В.А. Лазарева поддерживает концепцию симбиоза прямых и косвенных доказательств с информационными технологиями, рассматривая их как необходимое условие для достижения справедливого правосудия в условиях информационного общества[13]. Ее позиция, основана на понимании роли информационных технологий в ускорении процесса доказывания, повышении его эффективности и минимизации рисков судебных ошибок.

Таким образом, на данном этапе можно заключить, что симбиоз прямых и косвенных доказательств с информационными технологиями означает, что информационные технологии существенно расширяют возможности доказывания, предоставляя новые инструменты для сбора, анализа и представления как прямых, так и косвенных доказательств. Сам симбиоз проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, информационные технологии позволяют эффективно собирать и систематизировать как прямые, так и косвенные доказательства. Например, система видеонаблюдения может предоставить прямое доказательство преступления, в то время как анализ метаданных файлов на компьютере подозреваемого может служить косвенным доказательством его участия в совершении преступления. Во-вторых, ИТ способствуют анализу большого объёма данных, включая большие массивы косвенных доказательств, что позволяет выявлять скрытые связи и зависимости, увеличивая вероятность установления истины. В-третьих, использование специализированного программного обеспечения позволяет проводить более точные и объективные экспертизы, включая дактилоскопические, трасологические и фоноскопические.

---

10. Уголовный процесс: учебник для вузов / Б. Б. Булатов [и др.] ; под редакцией Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. С. 72.

11. Гриненко А.В. Уголовный процесс: учебник и практикум для среднего профессионального образования. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. С. 239.

12. Егорова Е.В., Бурыка Д.А. Доказательства и доказывание в судебной практике по уголовным делам: практическое пособие. 3-е изд. Москва : Издательство Юрайт, 2024. С. 173.

13. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024 С. 137.

Соответственно А.А. Барыгина подчёркивает, что данный симбиоз становится особенно актуальным в условиях стремительного развития информационных технологий, которые, в свою очередь, обеспечивают более широкие возможности для анализа данных и формирования доказательственной баз[14]. Прямые доказательства, как правило, обеспечивают осязаемую и непосредственную связь с фактом, в то время как косвенные свидетельствуют о наличии выводов, основанных на суждении. Данную точку зрения поддерживает и А. В. Гриненко[15]. Работы Н.С. Мановой, Ю.В. Францифорова и Н.О. Овчинниковой, несомненно, вносят значительный вклад в эту область, акцентируя внимание на специфике применения косвенных доказательств и их доказательственной силе в рамках современных цифровых реалий[16]. В частности, авторы, исходя из принципов доказывания, подчёркивают необходимость строгого соблюдения процессуальных норм при использовании косвенных доказательств, предупреждая коллизии субъективизма. В своих исследованиях они, рассматривают косвенные доказательства как комплекс фактических данных, не имеющих непосредственного отношения к объекту доказывания, но позволяющих, путём логического вывода и установления причинно-следственных связей, прийти к выводу о наличии или отсутствии факта, имеющего юридическое значение.

Симбиоз прямых и косвенных доказательств, представляется авторами как оптимальная стратегия доказывания, позволяющая минимизировать риски ошибочных судебных решений. Как мы видим авторы придерживаются аналогичной позиции представленной В.А. Лазаревой. Прямые доказательства дают непосредственное представление о факте, а косвенные доказательства помогают установить контекст, мотивы и другие важные обстоятельства дела. В рамках информационных технологий авторы, рассматривают возможность использования цифровых доказательств, таких как электронная почта, сообщения в мессенджерах, данные GPS-трекеров и другие цифровые следы, как важный источник косвенных доказательств. Так, проведённый анализ показал, что традиционный подход, основанный преимущественно на прямых доказательствах, подвержен субъективным ошибкам. В этой связи внедрение алгоритмов обработки больших данных позволит автоматизировать анализ косвенных доказательств, учитывая множество факторов, недоступных для человеческого восприятия.

Ключевым преимуществом предложенной системы является ее способность к комплексному анализу данных, включающему как прямые (например, показания свидетелей, результаты экспертиз), так и косвенные (например, данные геолокации, финансовые транзакции, коммуникационные записи) доказательства. Наряду с этим, интеграция данных в единую информационную среду с применением семантической сети и онтологического моделирования позволяет установить причинно-следственные связи между событиями и объектами, повышая вероятность принятия обоснованного решения.

В заключение можно утверждать, что данный симбиоз представляет собой перспективное направление. Дальнейшие исследования в этой области могут привести к кардинальному изменению подхода к доказательной базе в правосудии, обеспечив объективное рассмотрение дел. Однако, критически важно помнить, что технология – это лишь инструмент, а окончательное решение всегда должно приниматься с учетом гуманистических принципов и оцениваться человеком, неся за него полную ответственность.

---

14. Барыгина А.А. Доказывание в уголовном процессе: оценка отдельных видов доказательств: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. С. 175.

15. Гриненко А.В. Уголовный процесс: учебник и практикум для среднего профессионального образования. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. С.134.

16. Манова Н.С., Францифоров Ю.В., Овчинникова Н.О. Уголовный процесс: учебное пособие для вузов. 15-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. С. 204.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александров А.С., Фролов С.А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств: Монография. Н.Новгород: Нижегородская правовая академия, 2011. 176 с.

2. Барыгина А.А. Доказывание в уголовном процессе: допустимость доказательств: учебное пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 194 с.

3. Барыгина А.А. Доказывание в уголовном процессе: оценка отдельных видов доказательств: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 286 с.

4. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве в 2 ч. Часть 1: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 184 с.

5. Гриненко А. В. Уголовный процесс: учебник и практикум для среднего профессионального образования. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 361 с.

6. Егорова Е.В., Бурыка Д.А. Доказательства и доказывание в судебной практике по уголовным делам: практическое пособие. 3-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 315 с.

7. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 302 с.

8. Манова Н.С., Францифоров Ю.В., Овчинникова Н.О. Уголовный процесс: учебное пособие для вузов. 15-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 276 с.

9. Орлов Ю.К. Спорные вопросы классификации доказательств // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе. Тезисы выступлений на теоретическом семинаре. М.: ВНИИ МВД СССР, 1981. С. 47–49.

10. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Г. М. Резник [и др.] ; под общей редакцией Г. М. Резника. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2024. 452 с.

11. Уголовный процесс: учебник для вузов / Б.Б. Булатов [и др.]; под редакцией Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 581 с.

12. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов / С. В. Зуев [и др.]; ответственный редактор С. В. Зуев. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 193 с.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Aleksandrov A.S., Frolov S.A. Otnosimost' ugolovno-processual'nyh dokazatel'stv: Monografiya. N.Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2011. 176 s.

2. Barygina A.A. Dokazyvanie v ugolovnom processe: dopustimost' dokazatel'stv: uchebnoe posobie dlya vuzov. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2024. 194 s.

3. Barygina A.A. Dokazyvanie v ugolovnom processe: ocenka otdel'nyh vidov dokazatel'stv : uchebnoe posobie dlya vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : Izdatel'stvo Yurajt, 2024. 286 s.

4. Belkin A.R. Teoriya dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve v 2 ch. Chast' 1 : uchebnoe posobie dlya vuzov. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva : Izdatel'stvo Yurajt, 2024. 184 s.

5. Grinenko A. V. Ugolovnyj process: uchebnik i praktikum dlya srednego professional'nogo obrazovaniya. 9-e izd., pererab. i dop. Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2024. 361 s.

6. Egorova E.V., Buryka D.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie v sudebnoj praktike po ugolovnym delam: prakticheskoe posobie. 3-e izd. Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2024. 315 s.

7. Lazareva V.A. Dokazyvanie v ugolovnom processe : uchebnik dlya vuzov. 8-e izd., pererab. i dop. Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2024. 302 s.

8. Manova N.S., Franciforov Yu.V., Ovchinnikova N.O. Ugolovnyj process: uchebnoe posobie dlya vuzov. 15-e izd., pererab. i dop. Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2024. 276 s.

9. Orlov Yu.K. Spornye voprosy klassifikacii dokazatel'stv // Aktual'nye problemy dokazyvaniya v sovetskom ugolovnom processe. Tezisy vystuplenij na teoreticheskom seminare. M.: VNII MVD SSSR, 1981. S. 47–49.

10. Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii. Obshchaya chast' : uchebnik dlya vuzov / G. M. Reznik [i dr.] ; pod obshchej redakciej G. M. Reznika. 4-e izd., pererab. i dop. Moskva : Izdatel'stvo Yurajt, 2024. 452 s.

11. Ugolovnyj process : uchebnik dlya vuzov / B.B. Bulatov [i dr.] ; pod redakciej B.B. Bulatova, A.M. Baranova. 8-e izd., pererab. i dop. Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2024. 581 s.

12. Elektronnye dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve: uchebnoe posobie dlya vuzov / S. V. Zuev [i dr.] ; otvetstvennyj redaktor S. V. Zuev. Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2024. 193 s.

**А.В. ЛУКИН**

# Основополагающие начала уголовно-правового поощрения

**АННОТАЦИЯ**. Статья посвящена анализу идейной и социальной основы для институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания. В процессе исследования автором комплексно применялись общенаучные и частно-научные методы познания. Диалектический, индуктивный и дедуктивный методы использовались относительно всех составляющих избранную проблематику. Системно-структурный метод позволил оценить функциональную сущность принципов, имеющихся в действующем уголовном законе, и неофициальных уголовно-правовых принципов, которые были предложены в науке уголовного права. Метод сопоставительного анализа позволил выявить противоречия в части доводов о необходимости признания в качестве принципов уголовного права тех утверждений относительно освобождения от уголовной ответственности и наказания, которые не получили официального закрепления в УК РФ. Методы классификации и синтеза дополнительно обеспечили обоснованность выводов и предложений, сформулированных по итогам настоящей работы.

В связи с тем, что среди исследователей нет единства ни в отношении видов таких «неписанных» принципов уголовно-правового поощрения, ни относительно самой возможности существования основополагающих уголовно-правовых начал, которые не предусмотрены действующим уголовным законом, автором статьи по результатам исследования формулируется вывод о том, что в основе институтов уголовно-правового поощрения должны находиться только те основополагающие начала, которые предусмотрены действующим уголовным законом. Это предопределяется современной политикой гуманизации уголовного законодательства.

В статье отмечено, что юридическим основанием уголовно-правового поощрения выступает принцип справедливости. Освобождение от уголовной ответственности, от наказания или применение иных поощрительных мер к лицу, совершившему преступление, должно, по мысли автора, отвечать требованиям соразмерности между строгостью применяемых мер государственного принуждения и оцениваемых в совокупности тяжести совершенного преступления и общественной опасности личности преступника.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: уголовно-правовое поощрение, принципы уголовного права, освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, неотвратимость наказания, гуманизация уголовного законодательства, экономия уголовной репрессии.

**ЛУКИН АНТОН ВЛАДИМИРОВИЧ** – аспирант кафедры адвокатуры и уголовно-правовых дисциплин Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева (РУАН) (e-mail: advocate-lukin.com).

Довольно продолжительный период времени российская уголовная политика ориентирована на гуманизацию уголовного законодательства. Обоснованием такого подхода является установленная и научно доказанная нецелесообразность широкого применения строгих мер ответственности к лицам, признанным виновными в совершении преступлений. Цели уголовного наказания (и ответственности, в целом) при интенсивной реализации карательного воздействия в большинстве случаев остаются недостигнутыми. Его явная избыточность может выражаться в 1) криминализации деяний, не обладающих должным уровнем общественной опасности, 2) отсутствии индивидуального подхода к выбору вида и размера наказания за совершенное преступление, 3) полном или частичном отказе от возможностей стимулирования положительного постпреступного поведения, заключающегося в минимизации применения поощрительных уголовно-правовых норм гл. 11 или 12 УК РФ к виновным в совершении уголовно-наказуемых деяний.

Анализ федеральных законов, которыми вносились изменения и дополнения в УК РФ, указывает, что средствами гуманизации выступают, преимущественно, институты освобождения от уголовной ответственности и наказания. Это подтверждается введением новых видов освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.1, 76.2, 78.1 УК РФ) и от наказания (ст. 80.2, 82.1 УК РФ), а также смягчением условий, выполнение которых обеспечивает возможность при-

нятия решения о применении соответствующего вида освобождения от уголовно-правового воздействия.

Но до настоящего времени не получил окончательного разрешения вопрос о правовом основании для применения уголовно-правовых институтов освобождения от ответственности и наказания (гл. 11 и 12 УК РФ). Официальные принципы уголовного права, предусмотренные в ст. 3-7 УК РФ, не содержат прямого указания на основания для исключения уголовной ответственности либо наказания для виновного в совершении преступления. Напротив, базовые постулаты уголовного права указывают на необходимость реализации уголовной ответственности за совершенное преступление, а наказуемость определяется как один из обязательных признаков преступления.

Попытки определения юридической основы для институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания многократно предпринимались в науке уголовного права. Учеными предлагались формально незакрепленные виды дополнительных принципов (начал) уголовного права, которые создают основу уже для юридически закреплённых институтов освобождения. Но по ряду причин такие предложения в полной мере не разрешали теоретической проблемы правового основания освобождения от уголовной ответственности или наказания преступника, в связи с чем и не получили всеобщего признания. Поэтому до настоящего времени остаётся открытым вопрос о юридическом принципе, лежащем в основе указанных институтов и обеспечивающем применение перечисленных средств гуманизации.

Уголовно-правовое поощрение как область научного исследования в современных условиях проведения государственной политики гуманизации уголовного законодательства приобретает особое значение. Абсолютно универсального инструмента противодействия преступности не существует, а потому идея необходимости ужесточения наказания пропорционально тяжести совершенного преступления на протяжении многих столетий находила как горячих сторонников, так и непримиримых противников. Достаточно указать, что И. Кант в одном из своих сочинений «Метафизика нравов» указывал на первостепенную необходимость и обязанность власти карать каждого преступника сообразно размерам причинённого им вреда обществу. Во всех иных случаях охранительная функция общества (государства) по отношению к своим законопослушным представителям не может признаваться выполненной[1]. Не менее убедительны доказательства бесперспективности легитимизации «Закона Талиона», приводимые иными мыслителями. Например, Ж.Ж. Руссо писал, что частота применения наказаний, а также постоянное повышение степени их жестокости по отношению к преступнику, в действительности не способствует уменьшению количества совершаемых преступлений, а, напротив, обесценивает авторитет государства у народа и утрачивает свою сдерживающую силу[2].

И российский, и зарубежный опыт признания приоритетности повышенной строгости уголовно-правового воздействия в отношении любых лиц, виновных в совершении преступлений, доказал неэффективность данного метода предупреждения преступности не только в среднесрочной, но и в краткосрочной перспективе. Поэтому современная ориентация уголовной политики на смягчение уголовно-правового воздействия на преступника стала своеобразной «работой над ошибками», допущенными при криминализации и пенализации, результаты которых получили закрепление в 1996 году при принятии российского уголовного закона. Но при этом следует обратить внимание на то, что действующие принципы уголовного права

1. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 6. М.: ЧОРО, 1994. С. 368–370.

2. Руссо Ж.Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 117, 175.

в первую очередь указывают на соразмерность строгости наказания тяжести совершенного преступления и опасности лица, его совершившего (ст. 6 УК РФ), а не на применение уголовно-правового поощрения[3].

Наказуемость как обязательный признак преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ) также по утверждению многих исследователей свидетельствует о неотвратимости наказания за совершенное преступление[4], что является логическим развитием содержания принципов законности и справедливости (ст. 3, 6 УК РФ). Напротив, среди принципов российского уголовного права формально отсутствует тот, который бы указывал на основы освобождения от уголовной ответственности или наказания преступника.

Эта особенность отечественного уголовного закона отмечена в научной литературе ещё в конце XX века. Авторы не сомневались в том, что применение поощрительных уголовно-правовых норм, так же как и применение мер уголовной ответственности, базируется на фундаментальных правовых началах. Их отсутствие в законе некоторые исследователи стремились компенсировать выделением теоретически обоснованных принципов, фактически распространяющих свое действие на отношения уголовно-правового поощрения. По этой причине был предложен в научной литературе принцип «экономии репрессии», который рассматривается в качестве одной из составных частей основы института назначения наказания (ст. 60 УК РФ), равно как и реализации уголовной ответственности в целом. Очевидность существования подобного начала уголовно-правового воздействия нашла поддержку у большинства авторов трудов по проблемам уголовной ответственности и наказанию[5].

Ю.В. Голик указывает, что некоторые принципы, предложенные в науке уголовного права, выполняют роль стимулов, ориентирующих преступника к положительному поведению после совершения преступления. Предварительно обобщив имеющиеся к концу XX века суждения относительно принципов освобождения от уголовной ответственности и наказания, данный автор предложил их систему, включающую в себя следующие виды:

– принцип выгодности: применяемая мера поощрения должна быть выгодна для лица, виновного в совершении преступления. Стремление получить такую правовую выгоду стимулирует его на активные позитивные действия, снижающие (насколько это возможно) и объем негативных последствий от преступления, и индивидуальную степень общественной опасности личности преступника;

– принцип шанса: смягчение участи виновного должно носить универсальный характер, т.е такая возможность должна предоставляться любому, желающему встать на путь исправления;

– принцип понятности: лицо должно ясно представлять, за какие именно положительные поступки в отношении него будет применена соответствующая мера уголовно-правового поощрения;

– принцип расчётов: из всего многообразия мер поощрения лицо должно иметь возможность выбора желаемой меры и понимать, что именно необходимо сделать для обеспечения возможности воспользоваться ею;

– принцип борьбы мотивов: побуждения на совершение положительных поступков, направленных на устранение негативных последствий совершенного преступления, должны

3. Авдеева Е.В. Принцип справедливости в механизме реализации уголовного наказания // Российский судья. 2023. №2. С. 36–38.

4. Алешина М.Д. Истоки и историческая трансформация сущности идеи неотвратимости наказания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. №1. С. 162.

5. Степашин В.М. Реализация экономии репрессии в мерах уголовной ответственности и их назначении: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 3-4.: Тихонова С.С. Законодательные конструкции специальных видов освобождения от уголовной ответственности // Законность и правопорядок. 2024. № 1. С. 28.

иметь большую выгоду в сравнении с отрицательными поведенческими мотивами, реализация которых, в целом, тоже может повлечь за собой применение поощрительных норм уголовного закона;

– принцип своевременности: уголовно-правовое поощрение должно применяться незамедлительно после возникновения правовых оснований для его реализации, т.е после совершения виновным соответствующих действий, понижающих объем негативных последствий преступного деяния;

– принцип информированности: совершивший преступление должен быть должным образом осведомлен о всевозможных мерах уголовно-правового поощрения, на которые он может претендовать, а также об установленных в уголовном законе условиях их предоставления;

– принцип экономии стимула: применение мер уголовно-правового поощрения должно носить исключительный характер и реализовываться только после установления действительного существенного уменьшения общественной опасности совершенного преступления и (или) личности преступника;

– принцип персонализации: поощрение должно носить только адресный характер и распространяться на лиц, которые непосредственно совершили положительные постпреступные действия, обеспечив тем самым выполнение условий для смягчения уголовно-правового воздействия;

– принцип соразмерности: поощрение должно соответствовать значимости заслуги, которую приобретает виновный в результате положительного постпреступного поведения;

– принцип гарантированности: любой положительный поступок виновного, в результате совершения которого обеспечивается снижение или полное устранение негативных последствий от преступления, должен влечь за собой применение поощрительной меры, направленной на улучшение положения виновного в сравнении с положением лица, совершившего аналогичное преступление, но не совершившего положительных постпреступных действий[6].

Сравнительный анализ содержания выделяемых Ю.В. Голиком «принципов поощрения в уголовном праве» позволяет усомниться в возможности однозначного признания юридической идентичности некоторых из них. Например, «принцип экономии стимула» по своей сущности во многом совпадает с «принципом соразмерности», поскольку они оба указывают на необходимость точного учета только тех положительных результатов, которые удалось достичь виновному своими активными действиями. Здесь же наблюдается пересечение с содержанием «принципа персонализации», поскольку оценка степени позитивности результата осуществляется только при наличии причинно-следственной связи с осуществленными ранее действиями преступника.

Ряд вышеперечисленных «принципов» не может претендовать на данный статус применительно к отрасли уголовного права. Они в действительности являются правилами надлежащего формулирования уголовно-правового предписания, т.е находятся в плоскости технического оформления поощрительной нормы права. К таковым можно отнести «принцип понятности», «принцип информированности» и, отчасти, «принцип расчетов».

Наконец, юридическая природа выделяемого «принципа борьбы мотивов» крайне условна. Совершивший преступление действительно может совершать одни и те же поступки, руководствуясь разными побуждениями, которые принято относить к мотивам с различной социальной окраской: положительным, отрица-

6. Голик Ю.В. Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения: Вопросы теории. Новосибирск: изд-во Новосиб. ун-та, 1992. С. 53–60.

тельным, низменным, нейтральным и др. Мы полагаем, что конкретный вид мотива, которым руководствовалось лицо, совершая то или иное деяние, имеет юридическое значение при назначении наказания. Также это будет важным при квалификации, если соответствующий вид мотива указан как признак состава соответствующего преступления. Но учёт вида мотива при оценке результата позитивного поведения, имевшего место после совершения преступления, нам представляется юридически необоснованным. Важность и значимость для общества представляет положительный результат, который выражается, например, в реальном уменьшении размера причинённого материального ущерба либо в существенном сокращении сроков расследования преступления, изобличение всех виновных и т.п.

В этой части уместна аналогия с юридической оценкой мотивов добровольного отказа от доведения начатого преступления до конца. В современной теории уголовного права общепризнано, что установление критериев «добровольности» и «окончательности» достаточно для того, чтобы исключить привлечение лица к уголовной ответственности. Мотивы же подобного отказа, равно как и тяжесть планируемого преступления, не имеют юридического значения для института добровольного отказа и потому не влияют на принимаемое решение о не привлечении лица к уголовной ответственности[7]. Доводы, предлагаемые в научной литературе, вполне применимы и к обоснованию отказа от признания юридической значимости мотивов, которыми руководствуется лицо в процессе своего позитивного постпреступного поведения.

Все перечисленные сомнения приводят к выводу о невозможности выделения специальных теоретических, т.е не предусмотренных уголовным законом, принципов применения поощрительных уголовно-правовых норм. Состоятельность такой гипотезы подтверждается исследованием И.А. Тарханова, который признает большинство вышеперечисленных постулатов в качестве идей, реализуемых в форме средств моделирования оснований для применения уголовно-правового поощрения – заслуги, достигаемой в результате совершения социально полезных действий, но после наступления момента окончания преступления[8]. В то же время нельзя в полной мере поддержать мнение тех исследователей, которые полагают, что институты освобождения от уголовной ответственности (и наказания) предусматриваются в уголовном законе только из соображений целесообразности стимулирования виновного к совершению положительных поступков для обеспечения минимизации негативных последствий преступного поведения, не имея при этом идеологической основы в виде гуманности и справедливости, поскольку институты уголовно-правового поощрения, будучи важнейшим инструментом уголовной политики, должны иметь юридическую основу в виде отраслевых принципов, предусмотренных УК РФ.

Мы разделяем мнение тех авторов, которые отстаивают необходимость поиска правовых основ, на которых формируются институты уголовно-правового поощрения, среди официальных принципов отечественного уголовного права. Следует признать, что ни один из принципов не содержит прямого указания на возможность освобождения от уголовной ответственности и от наказания, и потому буквальное толкование положений ст. 3-7 УК РФ не приведёт к успешному решению данной проблемы.

Пленум Верховного Суда в п. 1 Постановления от 27.06.2013 №19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» отмечает, что институт освобождения от уголовной ответственности представляет собой средство реализации принципов справедливости и гуманизма. Соответственно,

7. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Проспект, 2024. С. 478.

8. Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С. 85–86.

именно в содержании данных принципов следует искать основание уголовно-правового поощрения.

Большинство исследователей соглашаются с официальной позицией высшей судебной инстанции и указывают, что в основе освобождения преступника от уголовной ответственности находятся данные принципы. Встречаются случаи, когда авторы не видят принципиальной разницы между этими двумя принципами уголовного права, если они реализуются через применение института освобождения от уголовной ответственности. К.С. Широков отмечает, что освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности представляет собой практическую реализацию принципа справедливости в уголовном праве, поскольку на протяжении длительного периода времени и обстановка, и личность преступника существенно меняются. По этим же причинам назначение и последующее исполнение наказания является негуманным по отношению к данному лицу[9].

Т.М. Лопатина пишет, что сущность освобождения виновного от уголовной ответственности формируется принципами справедливости и гуманизма и выражается в юридическом снисхождении со стороны государства. По ее мнению, гуманизация наказания (принцип гуманизма) имеет несколько направлений для развития. Это связано как с минимизацией применения данного института, так и с заменой наказания иными мерами правоограничительного и восстановительно-компенсационного характера[10]. Такого же мнения придерживаются В.К. Андрианов и Ю.В. Пудовочкин, которые связывают дальнейшее эволюционное развитие института освобождения от уголовной ответственности с базовыми началами, заключающимися в содержании принципов экономии уголовной репрессии, гуманизма, справедливости, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности[11].

Оценивая принцип гуманизма при конструировании уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ, М.А. Простосердов указывает, что в разрезе санкции принцип гуманизма реализуется наличием у суда следующих возможностей в отношении преступника:

– смягчение правового положения виновного в независимости от общественной опасности совершенного им преступления;

– альтернативное перечисление наказаний, предусмотренных санкцией статьи уголовного закона, которые могут значительно отличаться друг от друга по степени негативного воздействия;

– назначение более мягкого наказания по сравнению с предусмотренным санкцией за соответствующее преступление, но без нарушения требований принципа справедливости.

Все эти возможности автор характеризует как закреплённое уголовным законом «сохранение возможности проявить человечность» по отношению лицу, совершившему преступление[12].

Несмотря на значительное число сторонников официальной идеи о реализации принципа гуманизма посредством применения института освобождения от уголовной ответственности, а равно и иных институтов поощрения в уголовном праве, следует критически относится к данному суждению. Принцип гуманизма сводится к обеспечению безопасности человека, а также к исключению физических страданий

9. Широков К.С. Проблемы исчисления сроков давности в уголовном праве России // Мировой судья. 2006. № 9. С. 23.

10. Лопатина Т.И. Проблемы правоприменения нового основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) // Адвокатская практика. 2024. № 3. С. 27–28.

11. Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Закономерности развития и функционирования института освобождения от уголовной ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. №5. С. 155.

12. Простосердов М.А. Теория санкций в уголовном праве России: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 146.

для лица, подвергающемуся уголовно-правовому воздействию, и унижения его достоинства (ст. 7 УК РФ). Из этого следует, что обозначенные принципы справедливости и гуманизма являются разнородными не пересекающимися по своему содержанию началами уголовного права. Исключительная гуманность к виновному при исполнении назначенного наказания или реализации уголовной ответственности в иной форме не гарантирует справедливость назначенной/исполняемой меры государственного принуждения. И, напротив, явная жестокость уголовно-правового воздействия на осуждённого никак не препятствует признанию справедливости реализуемой меры (негуманной) ответственности. Из этого следует, что принцип гуманизма не формирует основание института освобождения от уголовной ответственности, равно как и иной формы уголовно-правового поощрения.

Принцип справедливости в большей степени отвечает по своей сущности тем требованиям, которые предъявляются к основанию применения уголовно-правового поощрения. Буквальное толкование содержания ч. 1 ст. 6 УК РФ позволяет констатировать его распространение на наказание и иные меры уголовно-правового характера. Но данный принцип создаёт основу не только для карательного воздаяния, но и уголовно-правового поощрения в виде отказа от применения мер уголовной ответственности за совершенное преступление (гл. 11 и 12 УК РФ). Суть справедливости определяется через соразмерность, которая должна устанавливаться между тяжестью преступления, общественной опасностью личности преступника, с одной стороны, и степенью строгости мер уголовно-правового воздействия, которые применяются за указанное преступление к виновному лицу. На стадии формирования уголовно-правовых норм устанавливается данный баланс между преступлением/личностью и качественными и количественными характеристиками мер ответственности, соответственно, в диспозиции и санкции уголовно-правовой нормы[13].

На этом же уровне законодатель предусматривает возможность существенного снижения общественной опасности личности преступника. Оно может иметь место уже после возникновения основания уголовной ответственности как за оконченное, так и неоконченное преступление. Перечисленные в нормах гл. 11 и 12 УК РФ условия для применения соответствующих видов уголовно-правового поощрения (освобождения) в случае их выполнения виновным в совокупности указывают на существенное снижение общественной опасности личности последнего. В свою очередь это влечет за собой недопустимость применения мер уголовной ответственности на общих основаниях в виду явного нарушения принципа справедливости.

Некоторые исследователи убеждены, что совершение предусмотренных в нормах гл. 11 и (или) 12 УК РФ положительных действий, снижает/устраняет и общественную опасность (тяжесть) ранее совершенного преступления. Такое снижение отдельные исследователи усматривают в различных объективных обстоятельствах. Таковыми предлагается признать, например, первые две категории совершенного преступления; заглаживание вреда, причинённого преступлением; истечение сроков давности, уплата судебного штрафа и др.[14]

Приведённые суждения небесспорны. Действительно, в процессе, например, возмещения материального ущерба или иного заглаживания

13. Простосердов М.А. Теория санкций в уголовном праве России: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 31, 66; Сумачев А.В. Основы учения о структуре уголовно-правовой нормы // Вестник Югорского государственного университета. 2024. Т. 20. № 4. С. 26.

14. Вдовцев П.В., Чарыков А.В. Об освобождении от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при отсутствии по уголовному делу потерпевшего // Российский следователь. 2021. № 6. С. 28; Широков К.С. Проблемы исчисления сроков давности в уголовном праве России // Мировой судья. 2006. № 9. С. 23.

вреда, причинённого в результате совершения преступления, меняются некоторые характеристики негативных (преступных) последствий. Но юридического значения данный факт не имеет, поскольку не может повлиять на квалификацию уже совершенного преступления. Аналогично следует воспринимать и иные попытки обосновать уменьшение общественной опасности деяния: ни длительность времени, прошедшего с момента его совершения, ни категория преступления, ни какие-либо иные предусмотренные в поощрительных уголовно-правовых нормах условия для смягчения правового положения виновного не влияют на квалификацию и, следовательно, на изменение общественной опасности совершенного преступления.

Поэтому общественная опасность совершенного деяния остается постоянной и не зависит от последующих положительных действий виновного. Исключением может быть только установление юридического факта изменения обстановки (ст. 801 УК РФ), реализуемым через механизмы обратной силы действия уголовного закона[15]. Но и в этом случае изменение вызвано возникновением объективных обстоятельств, не зависящих от создания и воли преступника. При изучении судебной практики освобождения от уголовной ответственности и наказания А.В. Бриллиантов обратил внимание на то, что суды, констатируя факт значительного снижения либо полной утраты общественной опасности совершенного преступления, в большинстве случаев не могут представить удовлетворительное обоснование о такой утрате на момент принятия решения[16].

Реализация мер уголовно-правового поощрения осуществляется в процессе правоприменительной деятельности и носит индивидуальный характер. Этим может объясняться то, что во многих случаях освобождение от уголовной ответственности или наказания осуществляется по усмотрению лица, производящего предварительное расследование, или суда. Они руководствуются, прежде всего, принципом справедливости, устанавливая на основе всех имеющихся в деле обстоятельств нецелесообразность привлечения виновного к уголовной ответственности или исполнения назначенного ему наказания в полном объёме. Принятие решения о такой форме уголовно-правового поощрения представляет собой исключение из общего правила о наказуемости преступления – выработанного в уголовно-правовой теории принципа неотвратимости наказания.

В ходе исследования нами было установлено, что современная уголовная политика ориентирована на гуманизацию уголовного законодательства, что прежде всего проявляется в значительном расширении возможностей применения поощрительных норм уголовного закона об освобождении от ответственности и наказания.

Буквальное толкование содержания принципов, предусмотренных действующим уголовным законом, не позволяет установить юридическую основу для институтов уголовно-правового поощрения. В этой связи наукой предлагаются многочисленные неофициальные принципы, на основе которых формируется и реализуется уголовно-правовое поощрение.

Как в теории, так и на практике распространено мнение о том, что лицо в результате своих положительных поступков после совершения преступления существенно снижает/устраняет общественную опасность не только своей личности, но и совершенного преступления.

Уголовно-правовое поощрение как комплексный социально-правовой институт в настоящее время приобрёл ключевое значение для полити-

15. Коновалов В.А. Реализация принципа справедливости при освобождении от уголовной ответственности // Законность. 2025. № 4. С. 57.

16. Бриллиантов А.В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Уголовное право. 2018. № 3. С. 12.

ки противодействия преступности. Государство последовательно отказывается от строгих мер уголовно-правового воздействия, широкое применение которых не обеспечило серьёзных изменений в области противодействия преступности. Учитывая данные результаты, современная уголовная политика ориентирована на гуманизацию уголовного законодательства, в том числе на институты освобождения от уголовной ответственности и наказания, которые являются наивысшей формой уголовно-правового поощрения.

Политическая значимость гуманизации предполагает наличие предусмотренных в уголовном законе принципов, на основе которых формируются институты уголовно-правового поощрения. Таким юридическим началом следует признать только принцип справедливости. Любая форма уголовно-правового поощрения, включая освобождение от уголовной ответственности и от наказания, должна отвечать требованиям соразмерности между строгостью применяемых мер государственного принуждения и оцениваемых в совокупности тяжести совершенного преступления и общественной опасности личности преступника.

Соответственно принципы гуманизма и др. в виду своего содержания не формируют основу для институтов уголовно-правового поощрения.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдеева Е.В. Принцип справедливости в механизме реализации уголовного наказания // Российский судья. 2023. № 2. С. 363–402.

2. Алешина М.Д. Истоки и историческая трансформация сущности идеи неотвратимости наказания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 1. С. 162–168.

3. Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Закономерности развития и функционирования института освобождения от уголовной ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 5. С. 139–161.

4. Бриллиантов А.В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Уголовное право. 2018. № 3. С. 10–14.

5. Вдовцев П.В., Чарыков А.В. Об освобождении от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при отсутствии по уголовному делу потерпевшего // Российский следователь. 2021. № 6. С. 26–30.

6. Голик Ю.В. Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения: Вопросы теории. Новосибирск: изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 80 с.

7. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 6. М.: ЧОРО, 1994. 613 с.

8. Коновалов В.А. Реализация принципа справедливости при освобождении от уголовной ответственности // Законность. 2025. № 4. С. 57–59.

9. Лопатина Т.И. Проблемы правоприменения нового основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) // Адвокатская практика. 2024. № 3. С. 27–30.

10. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Проспект, 2024. 816 с.

11. Простосердов М.А. Теория санкций в уголовном праве России: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2023. 743 с.

12. Руссо Ж.Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. 710 с.

13. Степашин В.М. Реализация экономии репрессии в мерах уголовной ответственности и их назначении: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 328 с.

14. Сумачев А.В. Основы учения о структуре уголовно-правовой нормы // Вестник Югорского государственного университета. 2024. Т. 20. № 4. С. 24–30.

15. Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. 332 с.

16. Тихонова С.С. Законодательные конструкции специальных видов освобождения от уголовной ответственности // Законность и правопорядок. 2024. № 1. С. 28–33.

17. Широков К.С. Проблемы исчисления сроков давности в уголовном праве России // Мировой судья. 2006. №9. С. 23–24.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Avdeeva E.V. Princip spravedlivosti v mehanizme realizacii ugolovnogo nakazanija // Rossijskij sud'ja. 2023. №2. S. 3636–402. Aleshina M.D. Istoki i istoricheskaja transformacija sushhnosti idei neotvratimosti nakazanija // Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2025. № 1. S. 162–168.

3. Andrianov V.K., Pudovochkin Ju.E. Zakonomernosti razvitija i funkcionirovanija instituta osvobozhdenija ot ugolovnoj otvetstvennosti // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2022. T. 15. № 5. S. 139-161.

4. Brilliantov A.V. Osvobozhdenie ot nakazanija v svjazi s izmeneniem obstanovki // Ugolovnoe pravo. 2018. № 3. S. 10–14.

5. Vdovcev P.V., Charykov A.V. Ob osvobozhdenii ot ugolovnoj otvetstvennosti s naznacheniem mery ugolovno-pravovogo haraktera v vide sudebnogo shtrafa pri otsutstvii po ugolovnomu delu poterpevshego // Rossijskij sledovatel'. 2021. №6. S. 26–30.

6. Golik Ju.V. Ugolovno-pravovoestimulirovaniepozitivnogopovedenija: Voprosyteorii. Novosibirsk: izd-vo Novosib. un-ta, 1992. 80 s.

7. Kant I. Sochinenija. V 8-mi t. T. 6. M.: ChORO, 1994. 613 s.

8. Konovalov V.A. Realizacija principa spravedlivosti pri osvobozhdenii ot ugolovnoj otvetstvennosti // Zakonnost'. 2025. № 4. S. 57–59.

9. Lopatina T.I. Problemy pravoprimenenija novogo osnovanija osvobozhdenija ot ugolovnoj otvetstvennosti (st. 78.1 UK RF) // Advokatskaja praktika. 2024. № 3. S. 27–30.

10. Naumov A.V. Rossijskoe ugolovnoe pravo. Obshhaja chast': kurs lekcij. M.: Prospekt, 2024. 816 s.

11. Prostoserdov M.A. Teorija sankcij v ugolovnom prave Rossii: dis. … d-ra jurid. nauk. M., 2023. 743 s.

12. Russo Zh.Zh. Traktaty. M.: Nauka, 1969. 710 s.

13. Stepashin V.M. Realizacija jekonomii repressii v merah ugolovnoj otvetstvennosti i ih naznachenii: monografija. M.: Jurlitinform, 2024. 328 s.

14. Sumachev A.V. Osnovy uchenija o strukture ugolovno-pravovoj normy // Vestnik Jugorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. T. 20. № 4. S. 24–30.

15. Tarhanov I.A. Pooshhrenie pozitivnogo povedenija v ugolovnom prave. Kazan': Izd-vo Kazansk. un-ta, 2001. 332 s.

16. Tihonova S.S. Zakonodatel'nye konstrukcii special'nyh vidov osvobozhdenija ot ugolovnoj otvetstvennosti // Zakonnost' i pravoporjadok. 2024. № 1. S. 28–33.

17. Shirokov K.S. Problemy ischislenija srokov davnosti v ugolovnom prave Rossii // Mirovoj sud'ja. 2006. №9. S. 23–24.

Д.А. ТАСОЕВ

# Совершенствование государственной политики в сфере противодействия экологической преступности в Российской Федерации

**АННОТАЦИЯ**. В статье рассматриваются современные тенденции развития законодательства и государственной политики Российской Федерации в области противодействия экологической преступности. Актуальность исследования обусловлена ростом количества экологических правонарушений и катастроф, подчёркивающих системные пробелы в правовом регулировании. Цель работы – проанализировать комплекс внутренних и внешних вызовов экологической безопасности России и оценить адекватность принимаемых нормативных мер. На основе анализа стратегических документов (Стратегия национальной безопасности, основы государственной политики в области экологического развития до 2030 года, национальный проект «Экология») и данных о резонансных экологических инцидентах (Норильск, Камчатка, разлив нефти в Черном море) выявляются ключевые причины криминализации экологической сферы. Авторы приходят к выводу, что современная государственная политика движется в направлении ужесточения ответственности, расширения международного сотрудничества и внедрения новых технологий мониторинга. Однако эффективность этих мер зависит от комплексного подхода, включающего не только карательные механизмы, но и превентивные стратегии, повышение экологического сознания граждан и бизнеса, а также укрепление межведомственного взаимодействия. Делается вывод о необходимости дальнейшей систематизации уголовно-правовых норм об экологических преступлениях для преодоления их разрозненности в структуре Уголовного кодекса РФ.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: экологическая преступность, экологическая безопасность, государственная политика, уголовная ответственность, природопользование, национальная безопасность, законодательство, экологические катастрофы.

**ТАСОЕВ ДАВИД АХСАРБЕКОВИЧ** – аспирант Северо-Осетинского государственного университет имени К. Л. Хетагурова (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

Экологическая безопасность в XXI веке перестала быть сугубо природоохранной задачей, трансформировавшись в ключевой элемент национальной и международной безопасности. Для Российской Федерации, обладающей колоссальными природными ресурсами и уникальными экосистемами, данная проблема приобретает особую значимость. Последнее десятилетие наглядно продемонстрировало уязвимость экологического баланса перед лицом как техногенных аварий, так и умышленных противоправных деяний. Разливы нефтепродуктов, масштабные лесные пожары, загрязнение водных акваторий – эти инциденты свидетельствуют о необходимости формирования новых, более эффективных подходов в практической деятельности государства по обеспечению экологической безопасности.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ эволюции государственной политики РФ в сфере противодействия экологической преступности в контексте новых вызовов и угроз. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: выявить основные причины активизации законодательной деятельности в данной области; проанализировать место экологической безопасности в системе стратегических национальных приоритетов; оценить эффективность существующих уголовно-правовых механизмов противодействия экологическим преступлениям.

Последние нормативные преобразования в сфере охраны окружающей среды наглядно показывают, что законодательных инициатив по данному вопросу становится все больше. И причиной служит не только ухудшающаяся экологическая обстановка как в мире, так и в некоторых регионах нашей страны, но и то, что за последние десять лет России пришлось столкнуться с различными случаями, когда законодательные нововведения не помогли избежать (предотвратить) различных катастроф, ставших

возможными по причине исключительно неправомерного поведения со стороны самих граждан и компаний[1].

Необходимость формирования новых подходов в практической деятельности государства в части обеспечения экологической безопасности возникает в последнее время по ряду причин: развитие предприятий лёгкой и тяжёлой промышленности, повышение выбросов токсичных веществ в окружающую среду, а также возникновение природных катастроф и техногенных аварий. К последним, в частности, можно отнести такие, как разлив нефти в Черном море в 2024 году, массовая гибель морских животных на Камчатке в сентябр–октябре 2020 года, утечка дизельного топлива в Норильске 29 мая 2020 года, лесные пожары в Сибири в июне 2019 года, вызвавшие катастрофическую эмиссию углекислого газа, и многие другие[2].

Предупреждение и пресечение преступлений, оказывающих воздействие на окружающую среду, противодействие экологической преступности являются важными элементами государственной политики Российской Федерации в сфере экологии. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации относит экологическую безопасность и рациональное природопользование к стратегическим национальным приоритетам, реализация которых за счёт концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества позволяет осуществлять обеспечение и защиту национальных интересов Российской Федерации[3].

Отмечая факт совершения большого количества преступлений в сфере использования водных биологических и лесных ресурсов, данная Стратегия относит к задачам, на решение которых направлена государственная политика, в том числе снижение уровня преступности в сферах использования земельных, лесных, водных и водных биологических ресурсов, а также предупреждение и пресечение легализации преступных доходов. Достижение целей внешней политики Российской Федерации осуществляется в том числе путём решения задачи развития международного сотрудничества в области противодействия трансграничной преступности[4].

Существенная криминализации в сфере природопользования рассматривается в качестве одного из внутренних вызовов экологической безопасности как составной части национальной безопасности страны[5].

Основами государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. усиление ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации об охране окружающей среды и обеспечение неотвратимости наказания за экологические преступления и иные правонарушения отнесены к механизмам, используемым при решении задачи совершенствования нормативно-правового обеспечения охраны окружающей среды и экологической безопасности[6].

---

1. Серебренникова А.В. Вопросы квалификации экологических преступлений: актуальные проблемы // Криминалистъ. 2022. № 2(39). С. 78–82.

2. Список (дополненный) объектов накопленного вреда окружающей среде, включенных в государственный реестр объектов накопленного вреда окружающей среде (дополнение приложе¬ния к приказу Минприроды России от 29 августа 2017 г. № 470 «О включении объектов накоплен¬ного вреда окружающей среде в государственный реестр объектов накопленного вреда окружающей среде») по состоянию на 30.09.2019 // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации: офиц. сайт. URL: http://www.mnr. gov.ru/ (дата обращения: 27.10.2024).

3. Указ Президента России от 2 июля 2021 г. № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

4. Добрецов Д.Г. О некоторых реализуемых в Российской Федерации мерах по предупреждению и пресечению преступлений, оказывающих воздействие на окружающую среду, в рамках международной экологической повестки // Экологическое право. 2023. № 1. С. 16–20.

5. Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176 "О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года" // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.

6. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Утв. Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 г. // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http: www. pravo.gov.ru.

Стратегические цели и задачи управления отдельными аспектами природопользования и охраны окружающей среды, решение которых вносит существенный вклад в сохранение природных ресурсов, обеспечение права каждого на доступ к ним и в декриминализацию экологической сферы, определяются в федеральных целевых программах и национальном проекте «Экология».

Учитывая многофакторность влияний на состояние правонарушаемости в экологической сфере, указанные позиции должны приниматься к руководству при организации работы по предупреждению и пресечению преступлений, оказывающих воздействие на окружающую среду, определении конкретных механизмов противодействия экологической преступности, направленных на ее стабилизацию и снижение, а также при выработке предложений по совершенствованию деятельности государственных и общественных институтов, в том числе правоохранительных органов, осуществляющих природоохранную деятельность в рамках действующего экологического законодательства, определяющего пределы правомерного поведения, механизмы и ограничения, направленные на решение задач сохранения экосистемы страны в целом и отдельных природных объектов и ресурсов[7].

Экологические преступления представляют собой одну из главных угроз экологической безопасности современного мира они охватывают широкий спектр деяний, от незаконной вырубки лесов и браконьерства до загрязнения окружающей среды химическими веществами и отходами, что приводит к непоправимому ущербу для природных экосистем, сокращению биоразнообразия и изъятию из природы ресурсов, которые должны были бы служить будущим поколениям.

Глобализация и усиление мировой торговли в некотором роде способствуют росту экологических преступлений, так как возрастает спрос на редкие ресурсы, которые зачастую добываются и транспортируются с нарушением экологических стандартов и такое положение требует от мирового сообщества усиленных мер по борьбе с экологическими преступлениями, включая ужесточение контроля за соблюдением экологических норм и экспансию международного сотрудничества в данной сфере. Введение новых технологий для мониторинга окружающей среды и трассировки цепочек поставок природных ресурсов может стать значимым шагом на пути к уменьшению количества экологических преступлений; значительную роль играет рост общественного сознания и осведомлённости о проблеме, которые могут стимулировать как изменения в законодательстве, так и более ответственное отношение к природным ресурсам на уровне отдельных компаний и всей общественности в целом.

Экологическая и климатическая международная повестка значительно шире, чем вопрос перехода к низкоуглеродному развитию, или, так называемого, энергоперехода. Крайне остро стоят вопросы доступности чистой воды, чистого воздуха, переработки бытовых и промышленных отходов, сохранения биоразнообразия, чистоты океана и восстановления лесов. В то же время в последние годы мировая климатическая повестка и снижение антропогенной нагрузки на климат во многом превратилась в вопрос перехода к менее углеродоемким технологиям. Формируются национальные стратегии и планы, устанавливаются цели по ограничению выбросов парниковых газов и достижению углеродной нейтральности к 2050 или 2060 годам.

Отметим, что нормы, посвящённые регламентации ответственности за совершение эко-

7. Добрецов Д.Г. О некоторых реализуемых в Российской Федерации мерах по предупреждению и пресечению преступлений, оказывающих воздействие на окружающую среду, в рамках международной экологической повестки // Экологическое право. 2023. № 1. С. 16–20.

логических преступлений, в структуре российского уголовного законодательства занимают особое место. Законодатель, подчёркивая важность и значимость охраны общественных отношений в данной сфере, включил в УК РФ гл. 26 «Экологические преступления», в которой системно расположены 18 статей, предусматривающих уголовную ответственность за совершение указанных деяний[8].

При этом видовое разнообразие экологических преступлений, совершаемых в тех или иных отраслях человеческой деятельности, требуется учитывать, так как отдельные из них расположены в других главах уголовного закона. К их числу, например, относятся: ст. 226.1 УК РФ «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых... веществ... либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов», в которой в качестве предмета преступления в числе других указаны водные биологические ресурсы; ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил», которое может выражаться в использовании опасных способов захоронения отходов производства, спуске сточных вод на территории зоны санитарной охраны водопроводов, нарушении предельно допустимых концентраций химических веществ в водном объекте; ст. 358 УК РФ «Экоцид», предусматривающая уголовную ответственность за массовое уничтожение растительного или животного мира и т.п.[9]

Проведённый анализ позволяет заключить, что государственная политика Российской Федерации в сфере противодействия экологической преступности находится в стадии активной трансформации. Реакцией на новые вызовы стало системное закрепление экологической безопасности на уровне стратегических национальных приоритетов, ужесточение ответственности и попытка реализации комплексных программных решений.

Однако эффективность принимаемых мер будет зависеть от их системности и последовательности. Недостаточно лишь ужесточать санкции; необходимо устранять коренные причины преступности, к которым относятся коррупция, слабость контрольных органов и экономическая целесообразность нарушений. Важнейшими задачами на будущее являются интеграция разрозненных уголовно-правовых норм в единый логичный комплекс, массовое внедрение технологий мониторинга и укрепление международного сотрудничества. Только многофакторный подход позволит стабилизировать и снизить уровень экологической преступности, обеспечив тем самым гарантии конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Добрецов Д.Г. О некоторых реализуемых в Российской Федерации мерах по предупреждению и пресечению преступлений, оказывающих воздействие на окружающую среду, в рамках международной экологической повестки // Экологическое право. 2023. № 1. С. 16–20.

2. Добрецов Д.Г. О некоторых реализуемых в Российской Федерации мерах по предупреждению и пресечению преступлений, оказывающих воздействие на окружающую среду, в рамках международной экологической повестки // Экологическое право. 2023. № 1. С. 16–20.

3. Зубкова А.В. О понятии и признаках экологических преступлений, в том числе посягающих на незаконную добычу водных биологических ресурсов // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 25–28.

4. Серебренникова А.В. Вопросы квалификации экологических преступлений: актуальные проблемы // Криминалистъ. 2022. № 2(39). С. 78–82.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

9. Зубкова А.В. О понятии и признаках экологических преступлений, в том числе посягающих на незаконную добычу водных биологических ресурсов // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 25–28.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Dobrecov D.G. O nekotoryh realizuemyh v Rossijskoj Federacii merah po preduprezhdeniju i presecheniju prestuplenij, okazyvajushhih vozdejstvie na okruzhajushhuju sredu, v ramkah mezhdunarodnoj jekologicheskoj povestki // Jekologicheskoe pravo. 2023. № 1. S. 16–20.

2. Dobrecov D.G. O nekotoryh realizuemyh v Rossijskoj Federacii merah po preduprezhdeniju i presecheniju prestuplenij, okazyvajushhih vozdejstvie na okruzhajushhuju sredu, v ramkah mezhdunarodnoj jekologicheskoj povestki // Jekologicheskoe pravo. 2023. № 1. S. 16–20.

3. Zubkova A.V. O ponjatii i priznakah jekologicheskih prestuplenij, v tom chisle posjagajushhih na nezakonnuju dobychu vodnyh biologicheskih resursov // Rossijskaja justicija. 2020. № 11. S. 25–28.

4. Serebrennikova A.V. Voprosy kvalifikacii jekologicheskih prestuplenij: aktual'nye problemy // Kriminalist#. 2022. № 2(39). S. 78–82.

С.О. ХУБЕЖТЫ

# Уголовно-правовое значение понятия медицинской деятельности

**АННОТАЦИЯ**. В статье проводится анализ понятия незаконной медицинской деятельности используемой в рамках ст. 235 УК РФ. Целью настоящей статьи является анализ правовой природы медицинской деятельности, выявление терминологических противоречий в действующем законодательстве, в контексте ст. 235 УК РФ, и формулирование предложений по совершенствованию нормативной базы для повышения эффективности и справедливости уголовно-правовых норм.

Основное внимание уделяется терминологическому противоречию между определением «медицинской деятельности» как профессиональной деятельности, данной в Федеральном законе № 323-ФЗ и применением этого термина к противоправным действиям лиц. Автор аргументирует, что квалификация таких действий как «осуществление медицинской деятельности» является логически и юридически некорректной, поскольку деяние, совершаемое без лицензии и профессионального статуса, не может соответствовать данному определению. В качестве решения предлагается внесение изменений в наименование и диспозицию ст. 235 УК РФ с целью приведения к терминологическому единству используемых в этой сфере понятий.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: незаконная медицинская деятельность, медицинское вмешательство, медицинская услуга.

**ХУБЕЖТЫ САБА ОМАРОВИЧ** – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова» (e-mail: Hubezhty@bk.ru).

Система здравоохранения в Российской Федерации обладает повышенной социальной значимостью и функционирует в условиях растущих темпов технологического прогресса, и ожиданий граждан в отношении качества, и безопасности медицинской помощи. В этой сложной среде особое значение приобретает правовая защита фундаментальных благ — жизни и здоровья человека. Уголовное законодательство выступает в качестве последнего рубежа такой защиты, реагируя на наиболее серьёзные нарушения, которые повлекли причинение вреда здоровью или создали реальную угрозу его причинения. Одним из ключевых инструментов этой охраны является статья 235 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) «Незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности».

Однако эффективность уголовного закона напрямую зависит от чёткости, предсказуемости и внутренней согласованности всей правовой базы, регулирующей медицинскую сферу. Анализ действующего законодательства выявляет серьёзные пробелы и противоречия, которые в первую очередь касаются понятийного аппарата. Недостаточная проработанность терминов «медицинская деятельность», «медицинская помощь», «медицинская услуга» и «медицинское вмешательство» приводит к правовой неопределённости, затрудняет правоприменение и может создавать предпосылки для несправедливого привлечения к ответственности как медицинских работников, так и лиц, осуществляющих незаконную практику.

Актуальность данной проблемы обусловлена комплексом факторов. Во-первых, из-за переоценки значения здоровья, которое трансформировалось из биологического состояния в социально-экономическую и правовую категорию. Во-вторых, усложнения медицинской деятельности, связанное с внедрением высокотехнологичных методов лечения, повышающих как эффективность, так и риски. В-третьих, коммерциализация сферы здравоохранения и хроническое недофинансирование государственных учреждений, способствующее распространению незаконной медицинской деятельности, и альтернативных методов лечения. В-четвёртых, рост правосознания граждан и активность средств массовой информации, усили-

вающих общественный контроль, и давление на медицинское сообщество.

В этих условиях задача заключается не только в карательной функции уголовного закона, но и в его превентивной роли — формировании культуры безопасности, профессионализма и ответственности. Для выполнения этой задачи уголовный закон должен быть основан на объективных, чётких и согласованных с иными отраслями права понятиях и категориях.

Одной из характерных черт уголовно-правового регулирования в сфере здравоохранения является ее бланкетный характер. Многие составы преступлений, включая ст. 235 УК РФ, не содержат в себе полного описания признаков деяния, а ссылаются на нормы других отраслей права, таких как административное, санитарно-эпидемиологическое или медицинское законодательство. Это означает, что для квалификации деяния необходимо установить, что именно является «медицинской деятельностью», какие правила были нарушены и кто имеет право на её осуществление.

Такая конструкция предполагает, что уголовно-правовая охрана опирается на иное правовое регулирование. Прежде чем правоприменители смогут применить уголовно-правовую норму, необходимо, чтобы отраслевое законодательство (в данном случае — Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») однозначно и последовательно определяло ключевые понятия. Без такого системного анализа существует высокий риск субъективного толкования, правовой неопределённости и, как следствие, неверного применения закона. Бланкетность усиливает ответственность законодателя за точность и согласованность терминологии во всех связанных нормативных актах.

Понятие медицинской деятельности официально закреплено в Федеральном законе № 323-ФЗ. Согласно пункту 10 статьи 2 этого закона, медицинская деятельность — «это профессиональная деятельность по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий и профессиональная деятельность, связанная с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях»[1].

Ключевое слово в этом определении — «профессиональная». Оно несет в себе комплексный смысл: наличие специального высшего или среднего профессионального образования, прохождение аттестации, получение лицензии на осуществление деятельности, соблюдение установленных стандартов и клинических рекомендаций, а также подотчётность государственным органам и профессиональному сообществу. Профессионализм в медицине — это не просто владение навыками, а институционализированная форма труда, основанная на научных знаниях, этических нормах и ответственности перед пациентом и обществом. Это позволяет провести четкую границу между легальной медицинской практикой, основывающейся на доказательной медицине, и иными формами воздействия на здоровье, такими как самолечение, народная медицина или псевдонаучные практики.

В настоящем исследовании центральным элементом анализа является выявление противоречия между определением медицинской деятельности в законе № 323-ФЗ и формулировкой статьи 235 УК РФ. Диспозиция этой статьи гласит: «Осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности лицом, не име-

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 28 ноября 2011 г. № 48 ст. 6724.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.

ющим лицензии на данный вид деятельности, при условии, что такая лицензия обязательна...»[2].

Здесь возникает фундаментальный логический и юридический парадокс. Если медицинская деятельность по определению является профессиональной, то лицо, не имеющее ни образования, ни лицензии, ни права на ее осуществление, не может осуществлять такую деятельность. Его действия не соответствуют определению, данному в законе № 323-ФЗ. Следовательно, квалификация таких действий как «осуществление медицинской деятельности» является некорректной и вводит в заблуждение.

Это противоречие не является чисто теоретическим. Оно создает реальные проблемы для правоприменителей. Оно затрудняет установление объективных признаков состава преступления и может привести к тому, что деяния, не соответствующие логике рассматриваемого федерального закона о здравоохранении, будут неправомерно квалифицированы в качестве преступных. Такое использование терминологического аппарата подрывает принцип юридической определенности и может нарушать права как пациента (если истинная природа деяния не будет точно установлена), так и лица, привлекаемого к ответственности.

Возможна ситуация, когда лицо, не имеющее права на осуществление деятельности (например, бывший медработник, лишившийся лицензии), обладает высоким уровнем практических навыков. Однако техническое мастерство само по себе не превращает его действия в профессиональную деятельность. Профессионализм — это синтез компетентности, легитимности, ответственности и подотчетности. Деятельность, осуществляемая без лицензии, даже при высоком уровне мастерства, не может считаться профессиональной ни в правовом, ни в этическом, ни в научном смысле.

Ещё одним сложным аспектом является соотношение понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга». Согласно Федерального закона № 323-ФЗ, медицинская помощь — это «комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг». А медицинская услуга — это «медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение»[3].

Эта иерархическая и многоступенчатая система определений, хотя и логична, создаёт трудности в правоприменении. Практически все действия в медицине сводятся к «вмешательству», что делает границы между этими понятиями размытыми.

Этот дуализм порождает длительную научную дискуссию о возможности применения Закона РФ «О защите прав потребителей» к отношениям «врач — пациент». Одна группа исследователей считает, что платная медицинская услуга — это объект гражданско-правовых отношений, поскольку она имеет имущественную ценность и потребляется в процессе оказания[4]. Другая группа подчеркивает особый, публично-правовой характер медицинской помощи, особенно в рамках системы обязательного медицинского страхования (ОМС), и предостерегает от коммерциализации, которая может подорвать гуманистические основы медицины[5].

Несмотря на эти споры, в практическом правоприменении преобладает подход, при котором

---

3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 28 ноября 2011 г. № 48 ст. 6724.

4. См: Елина Н.К. Правовые проблемы оказания медицинских услуг: автореферат дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 6; Ситдикова Л.Б. Правовая природа медицинских услуг: гражданско-правовой аспект // Российская юстиция. 2010. № 2. С. 15.

5. См: Сергеев Ю.Д., Мохов А.А. Основы медицинского права России: Учеб. пособие / под ред. Ю.Д. Сергеева. М., 2011. Рёрихт А.А. Теоретические основы медицинского права: Проблемы формирования и развития / отв. ред. Е.В. Алферова, Н.Ю. Хаманева. М., 2011. Малеина М.Н. Человек и медицина в современном праве. М., 1995.

платные медицинские услуги рассматриваются как гражданско-правовые отношения, а бесплатная помощь — как публично-правовые. Тем не менее, для целей уголовного права различие между «помощью», «работой» и «услугой» не имеет существенного значения, поскольку объектом охраны являются жизнь и здоровье человека, а не форма правоотношений[6].

В 2024 году в Государственную Думу был внесён законопроект, направленный на разграничение этих понятий. Согласно предложению, медицинская помощь должна пониматься как «выполнение комплекса медицинских вмешательств», а термин «медицинская услуга» предлагалось использовать исключительно в финансово-статистических и административных целях, таких как финансирование, лицензирование, статистическое наблюдение и составление номенклатур. Кроме того, планировалось исключить отношения врача и пациента из-под действия Закона о защите прав потребителей, регулируя ответственность медицинских работников исключительно нормами специального законодательства.

Хотя данный законопроект пока не был принят, он свидетельствует о растущем осознании необходимости терминологической ясности и стремлении защитить врачебную профессию от необоснованных уголовных обвинений, особенно по ст. 238 УК РФ, которая часто применяется за формальные нарушения, а не за реальные врачебные ошибки[7].

Ещё одним значимым понятием, используемым в рассматриваемой области является термин «медицинское вмешательство», под которым в соответствии с Федеральным законом № 323-ФЗ, понимается: «выполняемые медицинским работником и иным работником, имеющим право на осуществление медицинской деятельности, по отношению к пациенту, затрагивающие физическое или психическое состояние человека и имеющие профилактическую, исследовательскую, диагностическую, лечебную, реабилитационную направленность виды медицинских обследований и (или) медицинских манипуляций, а также искусственное прерывание беременности». Анализ данного определения показывает, что одним из фундаментальных его элементов является выполнение медицинских манипуляций — регламентированных процедур, направленных на достижение диагностического, терапевтического или профилактического эффекта.

Под медицинской манипуляцией понимается контролируемое, последовательное действие медицинского работника, осуществляемое с использованием специальных инструментов, материалов и технологий в строгом соответствии с клиническими рекомендациями и правилами безопасности[8]. Так, национальный стандарт ГОСТ Р 52623.3-2015 «Технологии выполнения простых медицинских услуг. Манипуляции сестринского ухода» подробно описывает некоторые из таких процедур, например: постановка клизмы, уход за катетером, перемещение тяжелобольного и т.д., что подчеркивает их регламентированный и стандартизированный характер[9]. Именно медицинское вмешательство — а не абстрактное «осуществление деятельности» — описывает суть деяния, квалифицируемого по ст. 235 УК РФ. Лицо, незаконно делающее инъекцию, хирургическую операцию и т.д., производит именно неправомерное вмешательство, а не осуществляет профессиональную деятельность.

---

6. Нагорная И.И. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья человека при оказании медицинских услуг (на примере России, США и Франции) :дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 35–44.

7. Понятия медицинских «услуг» и «помощи» хотят разграничить // [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/news/1691822/ (дата обращения 13.08.2025).

8. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 28 ноября 2011 г. № 48 ст. 6724.

9. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 52623.3-2015 «Технологии выполнения простых медицинских услуг. Манипуляции сестринского ухода» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии Российской Федерации от 31 марта 2015 г. № 199-ст) / Официальное издание. М.: Стандартинформ, 2015.

Проведённый анализ показывает, что действующее правовое регулирование в сфере медицинской деятельности сталкивается с серьёзной проблемой терминологической несогласованности. Для устранения такой терминологической путаницы и повышения эффективности правовой защиты предлагается:

1. Изменить формулировку статьи 235 УК РФ: заменить «осуществление медицинской деятельности» на «неправомерное медицинское вмешательство». Это устранит логический парадокс, повысит точность квалификации и приведёт норму в соответствие Федеральным законом № 323-ФЗ.

2. Провести терминологическую унификацию в законодательстве о здравоохранении, четко разграничив понятия «медицинская помощь» и «медицинская услуга» и определив сферу их применения.

3. Разработать единые критерии научной обоснованности и легитимности медицинских методов для целей правоприменения, что поможет дифференцировать официальную медицину от альтернативных практик.

Совершенствование уголовно-правовой охраны требует системного подхода. Необходима комплексная терминологическая реформа, направленная на унификацию нормативной базы, чёткое разграничение понятий и создание условий для справедливого и предсказуемого правоприменения. Только при таких условиях можно построить сбалансированную систему, которая будет одинаково эффективно защищать интересы пациентов и обеспечивать правовую защиту медицинских работников, способствуя устойчивому развитию системы здравоохранения в целом. Уголовный закон должен быть не источником неопределённости, а надёжным инструментом защиты самого ценного блага — жизни и здоровья человека.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Елина Н.К. Правовые проблемы оказания медицинских услуг: автореферат дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 22 с.
2. Малеина М.Н. Человек и медицина в современном праве. М.: БЕК, 1995. 260 с.
3. Нагорная И.И. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья человека при оказании медицинских услуг (на примере России, США и Франции): дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 324 с.
4. Понятия медицинских «услуг» и «помощи» хотят разграничить // [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/news/1691822/ (дата обращения 13.08.2025).
5. Рёрихт А.А. Теоретические основы медицинского права: Проблемы формирования и развития Монография / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; отв. ред.: Алферова Е.В., Хаманева Н.Ю. М., 2011. 214 с.
6. Сергеев Ю.Д., Мохов А.А. Основы медицинского права России: Учеб. пособие / под ред. Ю.Д. Сергеева. М.: МИА, 2011. 356 с.
7. Ситдикова Л.Б. Правовая природа медицинских услуг: гражданско-правовой аспект // Российская юстиция. 2010. № 2. С. 12–16.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Elina N.K. Pravovyeproblemyokazaniyamedicinskihuslug: avtoreferatdis. … kand. yurid. nauk. Volgograd, 2006. 22 s.
2. Maleina M.N. Chelovek i medicina v sovremennom prave. M.: BEK, 1995. 260 c.
3. Nagornaya I.I. Ugolovno-pravovaya ohrana zhizni i zdorov'ya cheloveka pri okazanii medicinskih uslug (na primere Rossii, SShA i Francii) : dis. … kand. yurid. nauk. M., 2013. 324 s.
4. Ponyatiya medicinskih «uslug» i «pomoshchi» hotyat razgranichit' // [Elektronnyj resurs] URL: https://www.garant.ru/news/1691822/ (data obrashcheniya 13.08.2025).
5. Ryoriht A.A. Teoreticheskie osnovy medicinskogo prava: Problemy formirovaniya i razvitiya Monografiya / RAN. INION. Centr social. nauch.-inform. issled. Otd. pravovedeniya; Otv. red.: Alferova E.V., Hamaneva N.Yu. M., 2011. 214 s.
6. Sergeev Yu.D., Mohov A.A. Osnovy medicinskogo prava Rossii: Ucheb. posobie / pod red. Yu.D. Sergeeva. M.: MIA, 2011. 356 s.
7. Sitdikova L.B. Pravovaya priroda medicinskih uslug: grazhdansko-pravovoj aspekt // Rossijskaya yusticiya. 2010. № 2. S. 12–16.

Л.А. БУКАЛЕРОВА, Е.В. СУХАРЕВА, Р.В. ШАГИЕВА

# Классификация преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса как теоретико-методологическое основание для разработки мер противодействия посягательствам на объекты критической инфраструктуры

**АННОТАЦИЯ**. Электроэнергетика является базовой критической инфраструктурой любой индустриально развитой экономики, а с развитием постиндустриальных укладов уже и базовым антропогенным социальным благом, от которого напрямую зависит жизнь и безопасность людей. Сфера топливно-энергетического комплекса имеет стратегическое значение, существенно влияет на безопасность жизнедеятельности государства, а в последнее время подвержена внутренним и внешним рискам, поскольку преступные посягательства могут осуществляться как внутри системы страны, так и извне, в том числе удалённо, путём «киберпосягательств». В статье впервые в отечественной юриспруденции дана классификация преступлений, посягающих на объекты сферы топливно-энергетического комплекса, которая может стать теоретико-методологической отправной точкой для дальнейших научных изысканий в сфере противодействия посягательствам на объекты критической инфраструктуры.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: критическая инфраструктура, энергетика, посягательства, криминализация, государство, противодействие, уголовное право, классификация, квалификация.

**БУКАЛЕРОВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и права ФГБОУ ВО «Национальный Исследовательский Университет «МЭИ», профессор кафедры частного права ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», профессор кафедры государственного и муниципального управления РУДН им. П. Лумумбы (e-mail: L_a_buka@mail.ru)
**СУХАРЕВА ЕВГЕНИЯ ВИКТОРОВНА** – доктор экономических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой международных отношений и права ФГБОУ ВО «Национальный Исследовательский Университет «МЭИ»;
**ШАГИЕВА РОЗАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА** – доктор юридических наук, профессор, Первый проректор АНО ВО «РУАН им. Г.Б. Мирзоева», профессор кафедры частного права ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», профессор кафедры теоретико-правовых дисциплин и международного права Российской таможенной академии (e-mail: shagsas@mail.ru)

Электроэнергетика является базовой критической инфраструктурой любой индустриально развитой экономики, а с развитием постиндустриальных укладов уже и базовым антропогенным социальным благом, от которого напрямую зависит жизнь и безопасность людей. Сфера топливно-энергетического комплекса любой страны имеет стратегическое значение, существенно влияет на безопасность жизнедеятельности государства, а в последнее время подвержена внутренним и внешним рискам, поскольку преступные посягательства могут осуществляться как внутри системы страны, так и извне, в том числе удалённо, путем «киберпосягательств».

В документах Евросоюза говорится, что необходимо «снижение уязвимости и укрепление физической устойчивости критически важных объектов, что охватывает все соответствующие природные и техногенные риски, которые могут повлиять на предоставление основных услуг, включая несчастные случаи, стихийные бедствия, чрезвычайные ситуации в области общественного здравоохранения, такие как пандемии, и гибридные угрозы или другие антагонистические угрозы, включая террористические преступления, преступное проникновение и саботаж. Безопасность электроснабжения предполагает эффективное сотрудничество между государствами-членами, институтами,

органами, ведомствами и агентствами Союза, а также соответствующими заинтересованными сторонами»[1].

Федеральный закон от 21.07.2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» к объектам топливно-энергетического комплекса относит «объекты электроэнергетики, нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, нефтехимической, газовой, угольной, сланцевой и торфяной промышленности, а также объекты нефтепродуктообеспечения, теплоснабжения и газоснабжения; а к охраняемым объектам топливно-энергетического комплекса – здания, строения, сооружения, иные объекты топливно-энергетического комплекса, а также прилегающие к ним территории и акватории в пределах границ, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации»[2]. В п. 6 ст. 2 указанного закона дано определение критических элементов объекта топливно-энергетического комплекса – это «потенциально опасные элементы (участки) объекта топливно-энергетического комплекса, совершение акта незаконного вмешательства в отношении которых приведёт к прекращению нормального функционирования объекта топливно-энергетического комплекса, его повреждению или к аварии на объекте топливно-энергетического комплекса»[3].

Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» к таковой относит объекты критической информационной инфраструктуры, а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов. А согласно ст. 8 закона «субъектами критической информационной инфраструктуры признаны государственные органы, государственные учреждения, российские юридические лица, которым на праве собственности, аренды или на ином законном основании принадлежат информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, функционирующие в сфере здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, банковской сфере и иных сферах финансового рынка, топливно-энергетического комплекса, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности, российские юридические лица, которые обеспечивают взаимодействие указанных систем или сетей»[4].

Таким образом, критически важная инфраструктура – это совокупность объектов социальной, производственной, инженерно-транспортной, энергетической, информационно-коммуникационной и иной инфраструктуры, нарушение функционирования которых может способствовать дестабилизации общественного порядка, повлечь за собой человеческие жертвы, причинение вреда здоровью людей или окружающей среде, материальный ущерб и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Критически важный объект инфраструктуры — это такой объект, нарушение или прекращение работоспособности которого приводит к необратимым негативным изменениям в экономике региона или всей страны, а также к существенному ухудшению безопасности населения, проживающего на этой территории.

К критически важной инфраструктуре Российской Федерации относится топливно-энергетический комплекс – это «совокупность

1. Делегированный регламент - ЕС - 2024/1366 [Электронный ресурс]. URL : https://eur-lex.europa.eu/eli/reg_del/2024/1366/oj/eng.

2. Федеральный закон от 21.07.2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // Российская газета. 2011. № 161.

3. Федеральный закон от 21.07.2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http: www.pravo.gov.ru.

4. Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 187-ФЗ "О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации" // Российская газета. 2017. № 167.

отраслей промышленности, осуществляющих добычу первичных энергетических ресурсов (угольных, нефтяных, газовых, гидравлических, ядерных, геотермальных, биологических и др.), их переработку в другие виды топлива (например, нефтепродукты) и преобразование в тепловую и электрическую энергию, а также транспортировку и распределение и энергоресурсов, топлива и энергии»[5].

Таким образом мы делаем вывод, что большинство объектов топливно-энергетического комплекса страны относится к объектам критической инфраструктуры, которые должны защищаться правовыми, техническими, организационными и иными мерами.

В пп. «г» п. 16 Указа Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» к внутренним угрозам энергетической безопасности отнесён рост количества преступлений и правонарушений в сфере энергетики (хищения, коррупция, производство и продажа контрафактной продукции, неплатежи)»[6].

В Распоряжении Правительства РФ от 12.04.2025 г. № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» указано, что реализация задач и мероприятий для достижения целевого сценария развития топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) в том числе связана с риском «расширения видов и способов совершения преступлений и правонарушений в сфере топливно-энергетического комплекса (в том числе с использованием информационных технологий), направленных на причинение экономического ущерба интересам государства, населения и организаций топливно-энергетического комплекса, а также на дестабилизацию энергетической отрасли. А в результате реализации Стратегии будет, в частности, «обеспечено снижение количества преступлений и правонарушений в сфере топливно-энергетического комплекса»[7].

В Приказе Генпрокуратуры России от 09.12.2022 г. № 746 «О государственном едином статистическом учёте данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре» к преступлениям, связанным с топливно-энергетическим комплексом, отнесены деяния, сопряжённые с процессом осуществления деятельности в сфере добычи, переработки, транспортировки, хранения и реализации топливно-энергетических полезных ископаемых, а также с нарушением указанных технологических процессов с причинением ущерба объектам топливно-энергетического комплекса (к примеру, незаконные врезки в нефтепроводы, нефтепродуктопроводы, газопроводы), в том числе производства, передачи и распределения электроэнергии, производства и распределения газообразного топлива, производства, передачи и распределения тепловой энергии. При квалификации деяний по статьям главы 21 УК РФ к указанной категории относятся преступления, по которым объектом преступного посягательства являются нефть, нефтепродукты, горюче-смазочные материалы, бензин, природный газ, уголь, торф, электроэнергия, тепловая энергия, различного рода техническое оборудование, обеспечивающее функционирование объектов ТЭК, право собственности на объекты ТЭК, а также денежные средства (акции, иные ценные бумаги, доли

5. Гунченко А.Г. Формирование единого подхода к подготовке специалистов в области правового обеспечения безопасности критически важной инфраструктуры // Правовое обеспечение безопасности объектов топливно энергетического комплекса: опыт СНГ. Сборник научных докладов участников Международной научно-практической конференции в Российском государственном университете (НИУ) нефти и газа имени И.М. Губкина и НИИПБ СНГ. 19–20 мая 2022 года. С. 5.

6. Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 20. Ст. 2421.

7. Распоряжение Правительства РФ от 12.04.2025 г. № 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2050 года» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 16. Ст. 2075.

в уставном капитале и т.п.) предприятий ТЭК, полученные в результате преступных действий, совершенных в крупном или особо крупном размере или с причинением крупного или особо крупного ущерба. По налоговым преступлениям соответствующая отметка проставляется, если эти деяния связаны с искажением реальных объёмов добычи, транспортировки, хранения и реализации топливно-энергетических полезных ископаемых»[8].

Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учёте преступлений» Реквизит 27 – указывается, с какой деятельностью связано (сопряжено) преступление, по п. «з» – с топливно-энергетическим комплексом – преступления, связанные с процессом осуществления экономической деятельности в сфере добычи, переработки, транспортировки и реализации топливно-энергетических полезных ископаемых; производства, передачи и распределения электроэнергии; производства и распределения газообразного топлива. При этом при квалификации деяния по статьям главы 21 УК РФ преступления относятся к категории совершенных в сфере ТЭК в случаях, при которых объектом преступного посягательства являются нефть, нефтепродукты, ГСМ, бензин, природный газ, уголь, торф, электроэнергия, а также различного рода техническое оборудование, обеспечивающее функционирование объектов топливно-энергетического комплекса»[9].

М.К. Татаринов к преступлениям в сфере ТЭК относит «противоправное виновно совершенное общественно опасное деяние, посягающее на право собственности на энергетические ресурсы, экономическую деятельность в сфере топливных рынков, энергетическую общественную безопасность, экологическую общественную безопасность в связи с деятельностью ТЭК и подлежащее наказанию в соответствии с уголовным, административным и (или) экологическим законодательством». Перечень, приведённый автором, – не полный и, безусловно, к преступлениям в сфере ТЭК нельзя отнести деяния, подпадающие под признаки правонарушений, за которые ответственность установлена КоАП РФ и совсем не понятно, что такое наказание в сфере экологического законодательства?

Далее, все преступления в сфере ТЭК автор делит на три группы: «посягательства на право собственности на энергетические ресурсы и преступные деяния в сфере экономической деятельности на энергетическом рынке, или экономические преступления в сфере ТЭК; посягательства на энергетическую общественную безопасность, или преступления против энергетической общественной безопасности; посягательства на экологическую общественную безопасность в связи с деятельностью ТЭК (экологическую безопасность в связи с деятельностью ТЭК), или экологические преступления в сфере ТЭК»[10].

Такая классификация представляется слишком узкой и не исчерпывающей. Поскольку в теории уголовного права точного перечня преступлений в сфере ТЭК не разработано, считаем таковыми умышленные и неосторожные общественно опасные деяния, причиняющие вред государству, обществу, личности путем незаконного воздействия на объекты сферы ТЭК.

При предлагаемом широком подходе к пониманию преступлений в сфере ТЭК в состав данной категории преступлений попадает большее количество общественно опасных деяний, к ним

8. Приказ Генпрокуратуры России от 09.12.2022 г. № 746 «О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре» // Законность. 2023. № 2.

9. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 "О едином учете преступлений // Российская газета. 2006. № 13.

10. Татаринов М.К. Разрешение коллизий юрисдикций в отношении преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 1. С. 12–15.

можно отнести, в частности, деяния, предусмотренными следующими статьями Уголовного кодекса РФ: статья 205 «Террористический акт», статья 215 «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики», статья 215.1. «Прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения», статья 215.2 «Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения», статья 215.3 «Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность», статья 215.4 «Незаконное проникновение на охраняемый объект», статья 217.1 «Нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса», статья 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации», статья 281 «Диверсия», статья 280.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации» и другие.

Перечисленные статьи уголовного закона содержат специальные нормы, однако при определенных условиях на охраняемые общественные отношения в сфере ТЭК могут посягать и деяния, предусмотренные иными статьями уголовного закона, например статья 105 «Убийство», статья 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», статья 158 «Кража», статья 159 «Мошенничество», статья 246 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ», статья 250 «Загрязнение вод», статья 251 «Загрязнение атмосферы», статья 252 «Загрязнение морской среды», статья 254 «Порча земли», статья 255 «Нарушение правил охраны и использования недр», статья 263.1 «Нарушение требований в области транспортной безопасности», статья 267 «Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения», статья 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации», статья 272.1 «Незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение», статья 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ», статья 274 «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей», статья 274.2 «Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования», статья 275.1 «Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией», статья 276 «Шпионаж», статья 276.1 «Оказание помощи противнику в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации» и многие другие.

В этой связи в качестве научной гипотезы нами обосновываются обладающие определённой эвристической ценностью несколько самостоятельных классификаций преступлений в сфере ТЭК.

Во-первых, опираясь на названия глав уголовного закона, разделяем преступления в сфере ТЭК на несколько групп в зависимости от объекта посягательства, а именно – на преступления, посягающие на:

- общественные отношения, охраняющие жизнь и здоровье человека,
- общественные отношения, охраняющие собственность,
- общественные отношения, законную деятельность в экономической сфере,

• общественные отношения, охраняющие общественную безопасность,

• общественные отношения, охраняющие безопасность движения и эксплуатацию транспорта,

• общественные отношения, охраняющие законную деятельность в сфере компьютерной информации,

• общественные отношения, охраняющие экологию,

• общественные отношения, охраняющие основы конституционного строя и безопасности государства,

• общественные отношения, охраняющие законную деятельность в сфере государственной власти.

Следует указать, что дополнительными объектами в деяниях, направленных против объектов ТЭК, выступают общественные отношения, охраняющие законную деятельность (безопасность) сферы ТЭК.

Во-вторых, все преступления в сфере топливно-энергетического комплекса можно подразделить в зависимости от предмета посягательства на группы тех из них, которые касаются: нефти, нефтепродуктов, ГСМ, бензина, природного газа, угля, торфа, электроэнергии, технического оборудования, обеспечивающего функционирование объектов топливно-энергетического комплекса.

В-третьих, их следует типологизировать по объективной стороне совершаемых преступлений, так как общественно опасные деяния, посягающие на сферу ТЭК могут представлять собой как действие, так и бездействие. Соответственно обособляются прежде всего преступления в сфере ТЭК, совершаемые бездействием, которые предусмотрены статьёй 215 «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики».

Тогда к преступлениям в сфере ТЭК, совершаемых действием, можно отнести все иные вышеперечисленные.

В-четвёртых, имеет не только научный, но и практический смысл подразделить все преступления в сфере топливно-энергетического комплекса на посягающие на критическую инфраструктуру и – не посягающие на таковую. Дело в том, что цифровизация и кибербезопасность имеют решающее значение для предоставления основных услуг и, следовательно, имеют стратегическое значение для критически важной энергетической инфраструктуры. Например, статья 274.1 УК РФ преступлением признает «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации», которая, в том числе, может быть в системе ТЭК. Так, п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» указывает, что «действия лица квалифицируются по части 1 статьи 274.1 УК РФ, если установлено, что компьютерные программы или иная компьютерная информация предназначены для незаконного воздействия именно на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, определение понятия которой содержится в статье 2 Федерального закона от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». В ином случае действия лица при наличии на то оснований могут быть квалифицированы по статье 273 УК РФ»[11].

В-пятых, опираясь на Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином

11. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.

учете преступлений» все преступления в сфере ТЭК можно классифицировать в зависимости от того, с какой деятельностью связано (сопряжено) преступление:

– с топливно-энергетическим комплексом;

– с процессом осуществления экономической деятельности в сфере добычи, переработки, транспортировки и реализации топливно-энергетических полезных ископаемых;

– с процессом производства, передачи и распределения электроэнергии;

– с процессом производства и распределения газообразного топлива.

Также, в-шестых, следует указать, что достаточное количество современных преступлений в сфере ТЭК связано с посягательствами на информационную безопасность объектов ТЭК, например, ч. 3 ст. 274.1 УК РФ преступлением признает «нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации, или информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей, автоматизированных систем управления, сетей электросвязи, относящихся к критической информационной инфраструктуре Российской Федерации, либо правил доступа к указанным информации, информационным системам, информационно-телекоммуникационным сетям, автоматизированным системам управления, сетям электросвязи, если оно повлекло причинение вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации». В этой связи все преступления в сфере ТЭК можно подразделить на 1. посягающие на общественные отношения, 2. охраняющие сферу ТЭК и 3. связанные с информационно-телекоммуникационным воздействием или без таковой.

В-седьмых, при классификации деяний, направленных против объектов ТЭК, по субъекту, становятся различимыми деяния, совершаемые общим и специальным субъектом.

Например, специальные субъекты совершают деяния, предусмотренные статьей 215 УК РФ «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики» (лицо, размещающее, проектирующее, лицо строитель или тот, кто осуществляет эксплуатацию объектов атомной энергетики); статьей 215.1 УК РФ «Прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения» (должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации), п. «в» ч. 2 статьи 215.2. УК РФ «Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения» (лицо, использующее свое служебное положение).

В-восьмых, при классификации деяний, направленных против объектов ТЭК, по их субъективной стороне можно все деяния разделить на совершаемые умышленно или – по неосторожности. Так, деяние, предусмотренное статьей 215 УК РФ «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики», может совершаться только по неосторожности, а вот преступление, указанное в ч. 1 статьи 215.2 УК РФ «Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения», то есть – «разрушение, повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние объектов энергетики, электросвязи, жилищного и коммунального хозяйства или других объектов жизнеобеспечения», совершается с прямым умыслом и из корыстных или хулиганских побуждений.

Приведенные нами варианты классификаций преступлений в сфере ТЭК могут быть усовершенствованы и дополнены в связи с новыми технологиями, так, быстрыми темпами внедряются цифровые технологии, в частности «интернет вещей», 3D-моделирование, моделирование и прогнозирование на основе анализа «больших данных» (Big Data), нейросети, облачные и туманные вычисления, виртуальную и дополненную реальность, машинное обучение, компьютерную имитацию на основе цифровых двойников, интеллектуальные датчики, роботизацию производства, аддитивные технологии.

Обеспечение энергетической безопасности, в том числе средствами уголовного права, — это важнейшая обязанность государства по предот-

вращению угроз энергетической безопасности, снижению восприимчивости ТЭК к этим угрозам, либо смягчению последствий от их реализации, способствующая повышению уровня энергетической безопасности, снижению риска ее ослабления. И представленные классификации преступных деяний в сфере ТЭК способствуют всестороннему осмыслению их различных сторон, что позволяет на научно-обоснованной основе сформировать целостную систему уголовно-правовых мер противодействия преступности в исследуемой области – в электроэнергетике.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гунченко А.Г. Формирование единого подхода к подготовке специалистов в области правового обеспечения безопасности критически важной инфраструктуры // Правовое обеспечение безопасности объектов топливно энергетического комплекса: опыт СНГ. Сборник научных докладов участников Международной научно-практической конференции в Российском государственном университете (НИУ) нефти и газа имени И.М. Губкина и НИИПБ СНГ. 19–20 мая 2022 года. С. 5.

2. Татаринов М.К. Разрешение коллизий юрисдикций в отношении преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 1. С. 12–15.

## ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. Gunchenko A. G. Formirovanie edinogo podhoda k podgotovke specialistov v oblasti pravovogo obespechenija bezopasnosti kriticheski vazhnoj infrastruktury // Pravovoe obespechenie bezopasnosti ob#ektov toplivno jenergeticheskogo kompleksa: opyt SNG. Sbornik nauchnyh dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii v Rossijskom gosudarstvennom universitete (NIU) nefti i gaza imeni I.M. Gubkina i NIIPB SNG. 19–20 maja 2022 goda. S. 5.

2. Tatarinov M.K. Razreshenie kollizij jurisdikcij v otnoshenii prestuplenij v sfere toplivno-jenergeticheskogo kompleksa // Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaja justicija. 2019. № 1. S. 12–15.

# Проблемы использования технических понятий в качестве дефиниций в нормативных правовых актах на примере ряда терминов и определений криптографии

## Отзыв на статью доктора юридических наук профессора А.А. Фатьянова ("Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата им. Г.Б. Мирзоева". 2024. № 1. С. 180–187)

**ЧЕРЕМУШКИН А.В.** – действительный член Академии криптографии Российской Федерации, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, главный редактор журнала «Прикладная дискретная математика», доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник Академии криптографии Российской Федерации.

Статья затрагивает вопросы совершенствования системы правового регулирования в области использования криптографических методов защиты информации и оборота шифровальных средств. Для этого, по мнению автора, требуется формирование системы правового регулирования данных отношений, которая бы органично встраивалась в уже существующий правовой массив.

К сожалению, автор не поясняет, чем объясняется необходимость формирования такой системы и почему недостаточно существующего правового регулирования данных отношений. Возможно, это вызвано тем, что ранее криптографическая деятельность ограничивалась разработкой и применением шифров, что в соответствии с перечнями сведений, подлежащих засекречиванию, относило эти вопросы к государственной тайне. Поэтому правовое регулирование ограничивалось ведомственными документами органа, отвечающего за государственную безопасность. В настоящее время область применения криптографических средств не ограничивается вопросами обеспечения государственной тайны, а получила широкое распространение в связи с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в повседневной жизни, где основную роль уже играет не обеспечение конфиденциальности, а проверка и подтверждение подлинности всех аспектов удаленного электронного взаимодействия, дающая гарантии достоверности при передаче, хранении и получении любой информации. Поэтому помимо средств шифрования, к которым сводит проблему автор, применяются и многие другие криптографические средства, и прежде всего средства аутентификации сторон и источника информации, средства контроля целостности и имитозащиты данных и т.п. Стоит заметить, что для регулирования вопросов применения средств электронной подписи уже имеются Федеральные законы от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» и от 27.12.2019 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи», в которых, к сожалению, имеются некорректные определения некоторых терминов.

Поэтому жаль, что автор не пытается формулировать конкретные проблемы формирования системы правового регулирования данных отношений, а ограничивается проблемой выработки комплекса юридических определений – дефиниций, на основе которых и будут конструироваться нормы права, сосредоточив внимание на возможности использовании технических понятий в качестве дефиниций в нормативных правовых актах на примере ряда терминов и определений криптографии.

Основную проблему он формулирует следующим образом: «На данный момент времени, с учетом очевидной нестыковки между техническим и юридическим подходами в конструировании определений в этой области общественных отношений существует целый комплекс. Проблем, анализу части которых и посвящена данная работа».

В начале статьи для придания видимости глубокого научного подхода автор приводит различные высказывания о требованиях к терминосистемам, имея в виду прежде всего терминосистемы в области правоприменительной практики. Для полноты можно было бы упомянуть и ГОСТ Р ИСО 704-2010 «Терминологическая работа. Принципы и методы», в котором эти требования рас-

сматриваются применительно к работам в области стандартизации.

После этого автор констатирует отсутствие правового регулирования отношений в области использования криптографических методов защиты информации и оборота шифровальных средств на уровне федерального законодательства.

Вместо того чтобы сначала изучить действующие нормативно-правовыедокументы–приказФСБРоссии от 09.02.2005 № 66 «Об утверждении Положения о разработке, производстве, реализации и эксплуатации лифровальных (криптографических) средств защиты информации (Положение ПКЗ-2005)», постановление Правительства Российской Федерации от 16.04.2012 № 313 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по разработке, производству, распространению шифровальных (криптографических) средств, информационных систем и телекоммуникационных систем, защищённых с использованием шифровальных (криптографических) средств, ...», Рекомендации по стандартизации «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Принципы разработки и модернизации шифровальных (криптографических) средств защиты информации» Р 1323565.1.012-2017, и обсудить необходимость подготовки на их основе федерального закона, он проводит поиск терминов, относящихся к криптографии, в существующих законах. Это необходимо для решения поставленной задачи встраивания «в уже существующий правовой массив».

Так, перечислив законы, содержащие термин «шифр», он пытается безуспешно найти юридическое определение этого термина, отмечая что «... до сего времени понятия «шифр», «шифры», а тем более «государственные шифры» в их специальном значении, то есть в качестве методов преобразования информации с целью из защиты, в законодательстве не сформулированы». (Здесь, правда, непонятно, как следует исправить опечатку «из». Если это ошибочное введение буквы З, стоящей на клавиатуре рядом с буквой Х, то фраза теряет смысл, так как говорит о защите шифра и метода преобразования информации. По смыслу здесь должно было бы стоять «ее».) «Но стоящая во главе рассматриваемой терминосистемы категория «криптография» также не имеет легального определения в федеральном законодательстве» добавляет автор.

Автор почему-то не учитывает то, что шифровальная деятельность передаче, хранении и получении любой информации. Поэтому помимо средств шифрования, к которым сводит проблему автор, применяются и многие другие криптографические средства, и прежде всего средства аутентификации сторон и источника информации, средства контроля целостности и имитозащиты данных и т.п. Стоит заметить, что для регулирования вопросов применения средств электронной подписи уже имеются Федеральные законы от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» и от 27.12.2019 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи», в которых, к сожалению, имеются некорректные определения некоторых терминов.

Поэтому жаль, что автор не пытается формулировать конкретные проблемы формирования системы правового регулирования данных отношений, а ограничивается проблемой выработки комплекса юридических определений-дефиниций, на основе которых и будут конструироваться нормы права, сосредоточив внимание на возможности использовании технических понятий в качестве дефиниций в нормативных правовых актах на примере ряда терминов и определений криптографии.

Основную проблему он формулирует следующим образом: «На данный момент времени, с учетом очевидной нестыковки между техническим и юридическим подходами в конструировании определений в этой области общественных отношений существует целый комплекс проблем, аначизу части которых и посвящена данная работа».

В начале статьи для придания видимости глубокого научного подхода автор приводит различные высказывания о требованиях к терминосистемам, имея в виду прежде всего терминосистемы в области правоприменительной практики. Для полноты можно было бы упомянуть и ГОСТ Р ИСО 704-2010 «Терминологическая работа. Принципы и методы», в котором эти требования рассматриваются применительно к работам в области стандартизации. После этого автор констатирует отсутствие правового регулирования отношений в области использования криптографических методов защиты информации и оборота шифровальных средств на уровне федерального законодательства.

Вместо того чтобы сначала изучить деиствующие нормативно-правовые документы – приказ ФСБ России от 09.02.2005 № 66 «Об утверждении Положения о разработке, производстве, реализации и эксплуатации шифровальных (криптографических) средств защиты информации (Положение Г1К3-2005)», постановление Правительства Российской Федерации от 16.04.2012 № 313 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по разработке, производству, распространению шифровальных (криптографических) средств, информационных систем и телекоммуникационных систем, защищенных с использованием шифровальных (криптографических) средств, ...», Рекомендации по стандартизации «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Принципы разработки

и модернизации шифровальных (криптографических) средств защиты информации» Р 1323565.1.012-2017, и обсудить необходимость подготовки на их основе федерального закона, он проводит поиск терминов, относящихся к криптографии, в существующих законах. Это необходимо для решения поставленной задачи встраивания «в уже существующий правовой массив».

Так, перечислив законы, содержащие термин «шифр», он пытается безуспешно найти юридическое определение этого термина, отмечая, что «... до сего времени понятия «шифр», «шифры», а тем более «государственные шифры» в их специальном значении, то есть в качестве методов преобразования информации с целью из защиты, в законодательстве не сформулированы». (Здесь, правда, непонятно, как следует исправить опечатку «из». Если это ошибочное введение буквы 3, стоящей на клавиатуре рядом с буквой Х, то фраза теряет смысл, так как говорит о защите шифра и метода преобразования информации. По смыслу здесь должно было бы стоять «ее».) «Но стоящая во главе рассматриваемой терминосистемы категория «криптография» такоюе не имеет легального определения в федеральном законодательстве» добавляет автор.

Автор почему-то не учитывает то, что шифровальная деятельность регулируется законом о государственной тайне, а другой вид криптографической практики регулируется Федеральными законами от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» и от 27.12.2019 N° 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи».

Сделав вывод, что в существующих законах нет необходимых дефиниций, автор переходит к рассмотрению специфических терминов в области криптографии, которым, по его мнению, целесообразно придать правовое значение. Он справедливо отмечает, что в научно-технической сфере, в отличие от правовой, где правовым понятиям придается определенная нормативная сила, термины не несут такой нагрузки и «они могут действовать локально, в пределах одной, весьма узкой терминосистемы, а в рамках соседствующей, даже родственной терминосистемы, они могут быть сформулированы совершенно иным образом. Этот привычный для технической сферы подход категорически не подходит для правовой сферы, где нормы, в том числе и нормы-дефиниции, имеют стремление к всеобщности в рамках одной отрасли права или же правовой системы в целом».

Тем не менее, автор переходит к анализу нормативно-технического акта под названием «Предварительный национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии. Криптографическая защита информации. Термины и определения. ПНСТ 799-2022», введенного в действие приказом Росстандарта от 18.11.2022 г. (далее, для краткости – ПНСТ-799), разбавляя рассуждения ссылками на научную литературу – Словарь криптографических терминов» под ред. Б.А. Погорелова, В.Н. Сачкова, а также на учебное пособие «Основы криптографии», подготовленное А.И. Алферовым, А.Ю. Зубовым, А.С. Кузьминым, А.В. Черемушкиным.

При этом он вначале также делает совершенно справедливое замечание о том, что «Очевидно, что не следует пытаться под лозунгом «для всеобщего применения», распространить понятия, сформулированные в таких документах, на правовую сферу, так как вышеназванный Федеральный закон1 имеет сферу действия своих норм только в области стандартизации и любые стандарты ни в коем случае нельзя рассматривать в качестве нормативных правовых актов».

Было бы логично остановиться на этом, или же привести пример удачного использования какой-нибудь терминосистемы из научно-технической сферы для создания терминосистемы в области юридических наук, а не множить число неудачных попыток.

Однако далее автор вместо обоснования невозможности использования научно-технической терминосистемы, предназначенной для стандартизации требований к разрабатываемым техническим решениям в области криптографической защиты информации, «для реализации задачи совершенствования правового регулирования в области использования криптографических методов защиты информации и оборота шифровальных средств», с упорством, достойным лучшего применения, пытается обосновать несостоятельность самой терминосистемы в области криптографической защиты информации, опираясь на перечисленные в начале статьи требования к терминосистемам в области права, но не учитывая требования к терминосистемам в области стандартизации (ГОСТ Р ИСО 704-2010).

Что же вызывает возмущение автора? Оказывается, он обнаружил «существенное число нестыковок и логических противоречий» и говорит об «очевидной терминологической неразберихе. возникшей в результате пренебрежения к терминологии в весьма точнойна первый взгляд, прикпадной математической науке». Здесь он прав только в том, что криптография является точной прикладной математической наукой, к тому же имеющей многовековую историю, не обращая внимания на безнадежность преобразования понятий терминологической системы из об-

ласти точных наук в понятия тер-минологической системы из области гуманитарных наук.

Разберем обнаруженные автором примеры «нестыковок» и «логических кругов».

«Очевидно, что данное определение – невозможно рассматривать в качестве правовой дефиниции в сипу обилия в нем специальных терминов (вектор инициализации, синхропосылка, неинтерактивный криптографический протокол, криптографический механизм, образ преобразования), которые, в свою очередь, требуют правового опосредования, что, как представляется автору, либо затруднительно, либо вообще вряд ли возможно, а также изначально заложенной в него неопределенности».

Здесь все правильно, только непонятно, что имеется в виду под изначально заложенной неопределенностью. Какого рода определенность должна быть в определении, учитывая многообразие различных видов шифров? В определении должны учитываться только существенные характеристики.

«Категории «шифр» сопутствует большое семейство (терминосистема) понятий, где ключевым словом является категория «криптография» в разных звучаниях данного термина. На уровне федерального законодательства, она чаще всего упоминается как «криптографическая защита», «шифровальные (криптографические) средства», «криптографические средства», «криптографическое преобразование». Логично предположить, что категории «шифр», «шифровальные средства» и «криптографические средства» между собой системно взаимосвязаны, **то есть являются практически синонимами**, а криптографическое преобразование есть процедура преобразования информации в соответствии с алгоритмом, именуемым шифром».

Здесь допущено сразу несколько ошибок. Во-первых, это не синонимы, т.к. криптографические средства не исчерпываются средствами шифрования (см. ПКЗ-2005), причем криптографическая защита может вообще не использовать шифр, а формировать, например, цифровую подпись, код аутентичности, обеспечивать безопасность удаленного подписания контракта или системы «Шифра» в ПНСТ-799, дистанционного электронного голосования и т.п., во-вторых, «криптографическое преобразование» не сводится к понятию «шифр», а лежит в основе и других методов криптографической защиты, и, наконец, шифр – эго не одно преобразование, а большое семейство преоб разований, описываемых двумя алгоритмами – для зашифрования и для расшифрования.

«Однако отметим, что сложившиеся терминологические правила и обыкновения в русском языке не позволяют поставить в один ряд термин «криптография» и, скажем, «криптографическое преобразование».

Термин «криптография» обозначает область науки и практики, связанную с разработкой и применением методов «криптографической защиты информации», обоснование стойкости которых, иначе говоря создаваемого ими уровня защищенности информации, во многом определяется способами построения и применения криптографических преобразований. Поэтому термин «криптографическое преобразование» является существенным признаком в определении термина «криптографическая защита информации».

«ПНСТ-799 определяет данное понятие, как область теоретических и прикладных исследований и практической деятельности, которая связана с разработкой и применением методов криптографической защиты информации. В этом определении просматривается **некоторое подобие логического круга**: криптография есть то, что связано с применением методов криптографической защиты информации. **Эта логическая ошибка является системной** и многократно повторяется в различных вариациях».

Непонятно, на основе какой связи между терминами автор строит свои круги. ГОСТ Р ИСО 704-2010 «Терминологическая работа. Принципы и методы» определяет несколько типов отношений, связывающих термины в терминосистеме: отношение род – вид, отношение часть – целое, и ассоциативные отношения, которые не являются иерархическими и имеют место в том случае, когда между понятиями на основании опыта может быть установлена тематическая связь. Если первые два типа отношений не допускают образования логических кругов, то ассоциативные отношения могут быть двусторонними и многосторонними.

«Таким образом, если подходить формально-логически, то криптографическое преобразование – это преобразование с помощью некоторой области знаний. Также можно трактовать и понятия «криптографический ключ», «криптографическое средство защиты информации». С общенаучной точки зрения это более чем некорректно».

Было бы хорошо, если бы автор привел здесь цепочку формально логических рассуждений, позволяющих ему сделать такой вывод.

Автор восклицает: в ПНСТ-799 «понятие «криптографическое преобразование» определено поистине «шедеврально», т.е. как «процесс преобразования представляющих информацию данных

с целью обеспечения криптографической стойкости, допускающий математическое описание».

Здесь автор, с одной стороны, демонстрирует полное непонимание связи терминов «преобразование» и «криптографическая стой-кость», т.к. он восклицает: «А может ли процесс преобразования информации, осуществляемый с целью обеспечения ее криптографической стойкости, не допускать математического описания? Как представляется автору, не может в принципе». Обратим внимание, что автор говорит о криптографической стойкости информации (!), хотя этот термин относится именно к способу преобразования.

С другой стороны, он восклицает «Фраза «представляющие информацию данные» входит в прямое противоречие с определением понятия «информация», указанном в Федеральном законе от 27.07 2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления). Исходя из этого, могут ли данные представлять информацию? Конечно же, не могут, так как все эти слова являются синонимами».

Напомним известную фразу «Над всей Испанией безоблачное небо». Что это за информация? Сообщение метеоцентра или все-таки призыв к началу фашистского путча? Автор упоминает теорию кодирования, но не обращает внимания на то, что передаваемая информация при передаче подвергается определенному кодированию, которое может быть весьма разнообразным. Еще один общеизвестный пример дает эпизод фильма «Семнадцать мгновений весны», в котором профессор Плейшнер забыл посмотреть на цветочный горшок в окне, передающий один бит информации – имеется ли засада в той квартире. Поэтому информацию могут представлять совершенно различные наборы данных. Криптография имеет дело не с содержанием информации (сведения, сообщения), а именно со способом (формой) ее представления (кодирования) в виде набора данных (текстового, цифрового, аналогового и т.п.). Здесь все дело в том, что различные в науке понятия «данные», «сообщения» и «информация» объединены законодателем в одну юридическую категорию верхнего уровня («норму-дефиницию»). В то время как в технических науках всегда различают исходную информацию и кодированную в форме передаваемого сообщения, синтаксис и семантику.

Далее автор иронизирует над тем, что криптографическое преобразование определяется криптографическим ключом. «Определение его в ПНСТ-799 не менее «шедеврально» – это «изменяемый параметр в виде последовательности символов, определяющий криптографическое преобразование». Автору совершенно неясно, что же это за категория содержащая **все тот же логический круг**. И он полагает, что подавляющее большинство читателей также с этим согласятся. Отметим, что такого рода преобразование определяет не только ключ, но и сам алгоритм шифрования, иначе быть не может». Он озаботился вопросом: «а криптографическое преобразование во всех случаях определяет только один изменяемый параметр?».

На самом деле криптографический ключ существует не сам по себе, а относится к конкретному криптографическому преобразованию, являясь параметром конкретного криптографического алгоритма, в котором выбор соответствующего криптографического преобразования действительно определяется этим ключом, причем ключ играет существенную роль в оценке стойкости этого преобразования.

Выводы.

Жаль, что автор не пытается формулировать проблемы правового регулирования отношений в области разработки, распространения и использования криптографических средств защиты информации в современных информационных и телекоммуникационных системах, которые следовало бы отразить на уровне федерального законодательства с учётом того, что «настоящий период времени характеризуется активной цифровизацией практически всех областей государственной. общественной и экономической деятельности».

Вместо этого автор берется за критику незнакомой ему области. Забывая о поставленной задаче совершенствования правовой области, автор, опираясь на собственные представления о предмете, имеющие отдаленное отношение к реальным критикуемым объектам, берется судить понятийный аппарат, предназначенный для специалистов научно-технической области, обвиняя его в отсутствии логики и ненаучном подходе, и не замечая, что как сама логика, так и понятие науки для юридической и научно-технической области различны.

Правовое регулирование должно предусматривать анализ и определять упорядочение отношений при создании, распространении и использовании криптографических средств защиты информации, а не заниматься анализом способов их построения и формированием требований к их разработке и стандартизации.

Т.А. КАСТОРНОВА

# Эволюция и современные вызовы правового регулирования в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путём и финансированию терроризма в Российской Федерации

**АННОТАЦИЯ**. В статье исследуется развитие национальной правовой системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма в контексте цифровизации финансовых рынков и международной изоляции. Анализируется структура и функции национальной системы ПОД/ФТ, роль Федерального закона № 115-ФЗ, нормативных актов Банка России и Росфинмониторинга, а также значение международных рекомендаций FATF. Особое внимание уделено современным рискам, связанным с криптовалютами, цифровыми активами и внедрением системы национальная оценки рисков в сфере отмывания доходов, полученных преступным путём, и финансирования терроризма и распространения оружия массового уничтожения (НОР ОД/НОР ФТ). Обоснована необходимость совершенствования механизма юридической ответственности и межведомственного взаимодействия в условиях трансграничного оборота капитала.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА**: легализация преступных доходов; финансирование терроризма; FATF; криптовалюта; цифровые активы; финансовый мониторинг; НОРОД; Росфинмониторинг; Банк России.

**КАСТОРНОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА** – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова; доцент кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина (E-mail: Kastornova.TA@rea.ru).

T. A. KASTORNOVA

# Evolution and contemporary challenges of legal regulation in the field of anti-money laundering and countering the financing of terrorism in the Russian Federation

**ABSTRACT.** The article explores the development of the national legal system of anti-money laundering and countering the financing of terrorism (AML/CFT) in the context of financial market digitalization and international isolation. It analyzes the structure and functions of the national AML/CFT system, the role of Federal Law No. 115-FZ, regulations issued by the Bank of Russia and Rosfinmonitoring, and the importance of FATF international recommendations. Special attention is given to current risks associated with cryptocurrencies, digital assets, and the implementation of the NOR OD system. The article substantiates the need to improve the mechanisms of legal liability and interagency cooperation under conditions of cross-border capital movement.

**KEYWORDS**: money laundering; terrorism financing; FATF; cryptocurrency; digital assets; financial monitoring; NOROD; Rosfinmonitoring; Bank of Russia.

**KASTORNOVA TATYANA ALEKSANDROVNA** – Associate Professor, PhD in Economics Department of Public Law and Criminal Law Disciplines Plekhanov Russian University of Economics Associate Professor, PhD in Economics, Department of Public and International Legal Support of National Security Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University) (E-mail: Kastornova.TA@rea.ru).

Национальная система противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма (система ПОД/ФТ) обеспечивает устойчивость финансовой системы и стоит на защите экономической безопасности государства в новых условиях. К числу ключевых факторов, обусловивших актуальность настоящей работы, относятся: внедрение системы национальной оценки рисков в сфере отмывания доходов, полученных преступным путем, финансирования терроризма и распространения оружия массового уничтожения (сокр. НОР ОД/НОР ФТ); цифровизация финансовых рынков, рост оборота цифровых активов; геополитическая трансформация международных режимов контроля, включая приостановку участия Российской Федерации в деятельности ФАТФ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег – Financial Action Task Force, FATF); потребность в повышении эффективности межведомственного взаимодействия субъектов финансового контроля и правоохранительных органов.

Вопросы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма являются предметом активного изучения российских ученых-правоведов, экономистов и специалистов в области финансового права. В своих работах А.М. Курьянов, А.А. Васильев, М.М. Прошунин, Е. Машнина, А. Хаданович, П.И. Бурак, В.П. Бауэр, Кащеев, П.С. Шараев и др., последовательно развивают теорию и практику ПОД/ФТ[1]; анализируют риски цифровизации финансовых рынков, цифровизацию надзорной деятельности и применение IT-инструментов ПОД/ФТ[2], институциональные механизмы финансового мониторинга, уязвимости национальной системы ПОД/ФТ[3], дают оценку внутреннего контроля и адаптации законодательства под трансграничный оборот капитала, исследованиям по оценке рисков, методикам внутреннего контроля и модернизации ПОД/ФТ[4], а также адаптации законодательства к условиям цифровизации и трансграничного движения капиталов[5].

Существенным этапом в развитии национального законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма стало принятие Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» (ФЗ-115).

**2001–2020** –В основе построения исходной архитектуры ПОД/ФТ в России ФЗ-115 (обязанные лица, идентификация, отчетность, меры контроля), рост роли Росфинмониторинга, оценка международных структур (ФАТФ/EAG), расширение сферы надзора и появление новых рисков.

**2010–2020** – постепенное расширение круга обязанных лиц, усиление формального контроля, введение риск-ориентированного подхода в практике регулятора и рекомендаций Центрального Банка и Росфинмониторинга[6].

**2019–2023** – международная проверка и последующая «доработка» системы: ФАТФ/EAG оценивали прогресс России, часть рекомендаций были пересмотрены, что привело к конкретизации требований по бенефициарной собственности[7], обме-

1. URL: https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookInfo.aspx?Id=780487
2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-nadzornoy-deyatelnosti-v-sfere-pod-ft
3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uyazvimosti-natsionalnoy-sistemy-protivodeystviya-otmyvaniyu-dohodov-i-finansirovaniyu-terrorizma-analiz-i-mery-po-neytralizatsii
4. URL: https://elib.nlb.by/elib/Record/BY-NLB-br0001797910
5. URL: https://journals.ssau.ru/jjsu/article/view/11040/ru_RU
6. URL: https://fedsfm.ru/content/files/documents/2022/annualreport21.pdf
7. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/43349.html

ну информацией и надзору и Россия получила понижение рейтинга по некоторым позициям[8].

**2022–2025** – новые вызовы и нормативные ответы: усиление контроля за цифровыми активами, нормы о запретах/ограничениях публичного предложения цифровой валюты[9], рост административной практики и развитие форм надзора[10] (электронные кабинеты, форматы ФЭС[11], и т.п.).

Росфинмониторинг переходит к процессно-ориентированным подходам, публикует методологические указания, шаблоны отчетности, регуляторы стали требовать не только процедур, но и доказательств эффективности (планы рисков, стресс-тесты, сценарии). Увеличилось количество предупреждений и санкций к финорганизациям и небанковским субъектам (включая НФО, ювелиров, аудиторов, нотариусов). Судебные обзоры, включая обзоры Верховного суда Российской Федерации показывают, что суды всё чаще исследуют экономическую мотивацию транзакций[12], связь с преступным источником доходов и роль контролирующих органов. В материалах дела Нагатинского районного суда, г. Москва, № 77RS0017-02-2023-001878-43, в уголовном производстве с эпизодами 174.1УК РФ) легализация, подсудимому инкриминировались операции с имуществом/средствами, иллюстрирует раннюю волну дел, где 174.1 применяется с другими экономическими составами, где значение имеет формулировка обвинения и привязка операций к предикатным преступлениям[13]. Верховный суд дал разъяснения по направлению умысла и по требованию конкретизации эпизодов, в отдельных делах – отмены/направление на новое рассмотрение при разрешении спора о том, достаточна ли одна финансовая операция для состава, как соотносится умысел на легализацию и факт использования средств в обороте[14].

В соответствии с Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма», под легализацией (отмыванием) доходов понимается придание внешне правомерного характера владению, пользованию или распоряжению денежными средствами либо иным имуществом, полученными в результате совершения преступления. Схожее определение закреплено в статьях 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации[15], однако в данных нормах раскрывается содержание действий по приданию правомерного вида, которые выражаются в совершении финансовых операций и иных сделок с таким имуществом.

Нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (в частности, статьи 174, 174.1, 205.1–205.5) и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (статья 15.27) формируют уголовно-правовые и административно-правовые механизмы ответственности за противоправные деяния в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма. Эти положения законодательства обеспечивают комплексный правовой инструментарий, направленный на предупреждение, выявление и пресечение правонарушений, угрожающих финансовой безопасности государства.

Особое значение имеют **подзаконные нормативные акты**, включая нормативные документы Банка России, Росфинмониторинга, Правительства Российской Федерации, устанавливающие

8. URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Mutualevaluations/Russia-FUR-2024.html
9. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/176562423610280f8b2578ab3480887bf7707562/?utm_source
10. URL: http://council.gov.ru/events/committees/135797/
11. URL: https://cbr.ru/counteraction_m_ter/inform_interaction/fsfm/
12. URL: https://fkdconsult.ru/obzor-sudebnyh-aktov-po-protivodejstviyu-legalizaczii-otmyvaniyu-dohodov-poluchennyh-prestupnym-putem?utm_source=chatgpt.com
13. URL: https://судебныерешения.рф/73583201
14. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2389992?utm_source=chatgpt.com
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

требования к правилам внутреннего контроля, процедурам идентификации, перечням подозрительных операций и порядку взаимодействия с государственными органами. Такие акты конкретизируют положения 115-ФЗ и адаптируют правовое регулирование к изменениям финансовой практики и новым угрозам.

Важное значение в системе регулирования занимают положения Уголовного кодекса Российской Федерации (статьи 174, 174.1, 205.1–205.5), устанавливающие ответственность за легализацию преступных доходов и финансирование терроризма, а также статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (в частности, ст. 15.27), предусматривающие административные санкции за нарушение требований законодательства о ПОД/ФТ.

На практике часть дел «зависает» между формальными нарушениями Правил внутреннего контроля и составами преступлений по ст. 174, 174.1, что служить снижению эффективности расследований и предсказуемости для субъектов. Недостаточная персонализация ответственности часто перекладывается на юридические лица или комплаенс офицеров, в то время как реальные бенефициары операций остаются «в тени», требуются сложные экспертизы при доказывании трансграничных схем. Существует потребность в организации единого интерфейса баз данных[16] Росфинмониторинга, ФНС, МВД, ФТС и т.д.

Правовая система Российской Федерации формирует комплексную модель юридической ответственности за нарушения в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов и финансированию терроризма, предусматривающую применение санкций различного правового характера. Такая многоуровневая ответственность направлена на повышение правовой культуры, укрепление финансовой прозрачности и обеспечение эффективного функционирования национального финансового рынка.

С начала 2020-х годов усилилось санкционное давление на Российскую Федерацию, а в 2023 году её членство в FATF было приостановлено. Несколько других стран заблокируют любые попытки добавить ее в собственный серый список этой организации[17]. Вслед за этим Европейский союз начал обсуждение вопроса о включении России в так называемый «серый список» юрисдикций с высоким риском в части ПОД/ФТ. Данное решение было отложено по процедурным основаниям.

Подобное включение повлекло бы за собой репутационные издержки, ужесточение финансового контроля, а также увеличение транзакционных расходов. Для российских юридических лиц, осуществляющих деятельность в рамках международной финансовой системы, особое значение имеет позиционирование государства в так называемых «серых списках» Европейского Союза. Следовательно, международная изоляция и усиление регуляторного давления обуславливают необходимость развития автономной правовой и технологической инфраструктуры ПОД/ФТ в России, а также адаптации системы внутреннего контроля с учётом новых реалий, в том числе цифровизации финансового сектора.

В предварительных версиях списка, подготовленных в 2024 году, наряду с потенциальным включением России, рассматривались также такие юрисдикции, как Алжир, Ангола, Кения, Лаос, Ливан, Монако и др. Одновременно предлагалось исключение таких стран, как Барбадос, Гибралтар и Панама.

Особое значение приобретают вопросы цифровой идентификации, правового статуса криптоактивов, риск-ориентированных методик финансового мониторинга, а также выработка эффективных механизмов межведомственного взаимодействия в условиях трансграничного оборота средств.

До 2020 года в российском правовом поле отсутствовало регулирование цифровых активов, что позволяло злоумышленникам использовать криптовалютные схемы для вывода и легализации средств. Первым шагом в направлении формирования правового режима стало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ

16. URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-n-511-rosfinmonitoringa-n-244-mvd/

17. URL: https://www.ft.com/tour; URL: https://www.ft.com/content/2fcd48c1-a9fb-455a-bbfd-f6c04cc1f686?utm_source=chatgpt.com

«О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[18], но в настоящее время остаются нерешёнными вопросы юридической квалификации операций с цифровыми активами и их включения в процедуры обязательного и внутреннего контроля.

В 2024–2025 годах введены в действие новые рекомендации FATF[19] (НОР ОД и НОР ФТ[20]), по национальной оценке, рисков, обязательные для ФИНО. С 2024 года законодательно регулируются криптовалютные операции[21]: майнинг, обмен, экспериментальные режимы ЦБ, что расширяет сферу мониторинга 115-ФЗ.

НОР ОД и НОР ФТ[22] ориентирована на применение риск-ориентированного подхода при обработке сведений, позволяет в режиме реального времени выявлять аномалии и паттерны, свидетельствующие о возможной противоправной деятельности. Система[23] интегрируется с другими информационными ресурсами, в том числе с базами данных Федеральной налоговой службы, Росреестра и Федеральной таможенной службы, тем самым обеспечивая комплексный характер.

Цифровая платформа[24], обеспечивает технологическое взаимодействие между Росфинмониторингом, Банком России, налоговыми и правоохранительными органами с целью автоматизацию процессов сбора, обработки, анализа и хранения информации о совершаемых финансовых операциях, подлежащих контролю.

Национальная система противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма это объединённые общей целью федеральные органы исполнительной власти, иные государственные органы, а также организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, включая как юридических лиц, так и индивидуальных предпринимателей. В системе противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма занимают особое место субъекты финансового мониторинга, чьё взаимодействие обеспечивает целостность и результативность реализации мер по обеспечению финансовой безопасности государства. Деятельность указанных субъектов объективно сопряжена с повышенными рисками вовлечения в схемы легализации преступных доходов и финансирования террористической либо экстремистской деятельности. К числу таких субъектов относятся, в частности, индивидуальные предприниматели, осуществляющие операции по купле-продаже и скупке драгоценных металлов и камней, страховые брокеры, риелторы, нотариусы, адвокаты, аудиторы, а также лица, предоставляющие юридические и бухгалтерские услуги, услуги по проведению организованных торгов на товарных и финансовых рынках, а также субъекты, осуществляющие клиринговую деятельность. Реализуя свои полномочия в рамках взаимодействия с уполномоченными государственными органами – пре-

18. СЗ РФ. 2020. № 31(часть 1). Ст. 5018.

19. URL: https://cbr.ru/content/document/file/174972/fatf_rec_ru.pdf

20. Национальная оценка рисков в сфере отмывания доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма и распространения оружия массового уничтожения

21. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=18881

22. Информационное письмо Банка России от 18 января 2023 г. № ИН-08-12/6 “О национальной оценке рисков ОД и ФТ” URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406087359/

23. URL: https://fedsfm.ru/documents/national-risk-assessment Стратегический документ, разрабатываемый Росфинмониторингом совместно с иными заинтересованными ведомствами Российской Федерации в рамках реализации международных стандартов ПОД/ФТ (в первую очередь – рекомендаций FATF). Цель НОРОД – выявить уязвимости национальной финансовой системы и оценить вероятные риски совершения преступлений, связанных с отмыванием доходов и финансированием терроризма, чтобы впоследствии выработать превентивные меры на уровне законодательства, финансового мониторинга и надзорной практики

24. URL: https://rufincontrol.ru/online/article/470196/

жде всего с Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторингом) – участники системы осуществляют идентификацию клиентов, анализируют совершаемые ими операции, формируют отчётность и при наличии оснований сообщают о подозрительных транзакциях.

Национальная система ПОД/ФТ представляет собой многоуровневый правовой и организационный механизм, направленный снижение уровня преступности в экономической сфере и выполнение международных обязательств Российской Федерации, направленный на борьбу с отмыванием доходов и финансированием терроризма[25].

Организации и индивидуальные предприниматели, входящие в состав национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов и финансированию терроризма, в своей деятельности обязаны исполнять комплекс установленных законодательством обязанностей. Эти обязанности направлены на своевременное выявление, анализ и пресечение финансовых операций, имеющих признаки противоправности.

К числу типичных обязанностей субъектов национальной системы относятся:

*Идентификация и обновление сведений о клиентах* – все субъекты ПОД/ФТ обязаны осуществлять идентификацию клиентов (как физических, так и юридических лиц), их представителей и выгодоприобретателей. При этом должна применяться процедура актуализации информации при изменении сведений или при наступлении событий, указывающих на потенциальные риски (например, сомнительные операции).

*Оценка степени риска клиента и ведение внутренней классификации* – субъекты обязаны проводить оценку степени риска деловых отношений с клиентом, включая его репутацию, страну происхождения, вид деятельности, объем операций и т.п., с отнесением клиента к низкой, средней или высокой степени риска.

*Фиксация и хранение информации* – вся информация, собранная в рамках идентификации и взаимодействия с клиентами (включая копии документов), должна храниться не менее пяти лет с даты окончания отношений с клиентом, либо с даты проведения разовой операции.

*Выявление и фиксация подозрительных операций* – при выявлении операций, которые по своим признакам могут свидетельствовать о легализации (отмывании) доходов, субъект ПОД/ФТ обязан зафиксировать такие действия, провести внутренний анализ и при наличии оснований — направить сообщение в Росфинмониторинг.

*Направление информации в Росфинмониторинг* – субъекты должны направлять сведения: о сделках, подлежащих обязательному контролю; о подозрительных операциях (в случае, если операция вызывает сомнение независимо от суммы); о приостановлении операций при наличии признаков ПОД/ФТ.

*Разработка и внедрение правил внутреннего контроля (ПВК)* – каждый субъект обязан разработать и утвердить внутренние документы, включающие порядок исполнения обязанностей в сфере ПОД/ФТ, алгоритмы идентификации клиентов, классификацию рисков, внутренние процедуры мониторинга и отчётности.

*Назначение должностного лица, ответственного за соблюдение требований ПОД/ФТ* – назначается специально уполномоченное лицо, ответственное за координацию и организацию исполнения требований законодательства в соответствующей сфере.

*Обучение и повышение квалификации сотрудников* – регулярное обучение работников, участвующих в реализации мер по ПОД/ФТ, в том числе с использованием курсов, утверждённых Росфинмониторингом или профильными ведомствами.

*Сотрудничество с контролирующими и правоохранительными органами* – при проведении проверок или по запросам уполномоченных органов субъекты должны представлять необходимые документы и пояснения, а также оказывать содействие в сборе информации о клиентах и совершаемых операциях.

*Своевременное предоставление отчётности и сведений в реестры* – некоторые субъекты (например, операторы по приёму платежей, ломм-

25. Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (утв. Президентом РФ 30.05.2018) // www.pravo.gov.ru (дата обращения 01.08.2025 г.)

барды, риелторы) обязаны проходить процедуру включения в соответствующий реестр Росфинмониторинга, а также направлять сведения о своей деятельности в установленном порядке.

Эти обязанности формируют базис правового и организационного взаимодействия в рамках национальной системы ПОД/ФТ, обеспечивая не только защиту финансового сектора от вовлечения в преступную деятельность, но и выполнение международных обязательств Российской Федерации в рамках FATF, ЕАГ и других межгосударственных объединений.

Нормативно-правовая база Российской Федерации в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) представляет собой многоуровневую систему, включающую в себя международные договоры, федеральные законы, подзаконные акты, а также разъяснительные документы уполномоченных органов.

На международном уровне Российская Федерация является участницей ряда многосторонних соглашений, формирующих обязательства государств в области ПОД/ФТ и определяющих базовые стандарты правового регулирования. К числу таких документов относятся: Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. (Палермская конвенция); Международная конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. (Нью-Йоркская конвенция); Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма 2005 г. (Варшавская конвенция); Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г. (Страсбургская конвенция); Конвенция ООН против коррупции 2003 г. (Меридская конвенция); Договор государств – участников СНГ о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма 2007 г.; Договор о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом 1999 г.; Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму 2017 г.; Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г.

Международные договоры закрепляют обязательства государств в части уголовного преследования за преступления, связанные с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путём, и финансированием терроризма, требуют активного международного сотрудничества в сферах оказания правовой помощи, экстрадиции, обмена информацией и замораживания (ареста) активов. Наиболее значимыми международными правовыми актами в данной области являются *Сорок рекомендаций ФАТФ*, разработанные в 1989 году Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF). Эти рекомендации, модернизированные в 1996, 2003 и 2012 годах, заложили основу универсального международного стандарта противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма, а также послужили ориентиром для формирования национальных правовых режимов в этой сфере и были приняты к исполнению большинством государств, включая Россию.

Ключевые положения *Сорока рекомендаций ФАТФ* возлагают на финансовые учреждения обязанность по проведению идентификации и верификации личности клиентов, ведению и хранению документации, связанной с клиентами и осуществляемыми ими операциями, в течение установленного минимального срока (не менее пяти лет), а также по выявлению подозрительных или нетипичных финансовых операций и направлению соответствующей информации в национальные подразделения финансовой разведки. Данные меры направлены на повышение прозрачности финансовых потоков и минимизацию рисков вовлечения финансового сектора в схемы легализации преступных доходов и финансирования терроризма.

Дополняющим документом являются *Вольфсбергские принципы*, разработанные в 2000 году по инициативе одиннадцати ведущих мировых банков. Эти принципы представляют собой Всеобщие директивы по противодействию отмыванию доходов в частном банковском секторе и касают-

ся прежде всего *должной осмотрительности при установлении деловых отношений* с клиентами, особенно в сфере частного (private) банковского обслуживания. Вольфсбергские принципы требуют от финансовых учреждений заключать договоры только с теми клиентами, источники происхождения средств которых являются *прозрачными, проверенными и законными*. Документ также содержит стандарты внутреннего контроля, мониторинга операций и сотрудничества с государственными органами в целях предотвращения использования финансовых институтов в преступных целях.

Совместное применение положений ФАТФ и Вольфсбергских принципов формирует международно признанный стандарт надлежащей практики в сфере ПОД/ФТ и оказывает существенное влияние на развитие российского законодательства и корпоративной практики в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма. Ключевую координирующую роль с момента своего учреждения и по настоящее время играет Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ). Financial Action Task Force (FATF)[26] представляет собой межправительственный орган, выступает центром международной координации ПОД/ФТ учреждённый в 1989 году в рамках «Большой семёрки» (G7), деятельность которого направлена на разработку и продвижение международных стандартов по предупреждению, выявлению и пресечению легализации преступных доходов и финансирования террористической деятельности.

Принятие мандата Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) в честь 30-летия её деятельности с неограниченным сроком действия подчёркивает необходимость постоянной политической поддержки и координированных усилий на глобальном уровне.

Новый мандат ФАТФ закрепляет её ведущую роль в организации и руководстве глобальными инициативами по противодействию злоупотреблениям финансовой системой со стороны преступных и террористических структур, а также усиливает институциональный потенциал ФАТФ для оперативного реагирования на указанные угрозы, с которыми сталкиваются все государства.[27]

Работа FATF осуществляется через специализированные рабочие группы — по методологии, правовым вопросам, политике, анализу рисков и трендов. FATF сотрудничает с Интерполом (для обмена аналитикой и организацией операций), а также с региональными и глобальными финансовыми институтами — МВФ, Всемирным банком, G20/G7.

Группа состоит из нескольких специальных рабочих подразделений. *Первое подразделение* занимается методологическими разработками и аналитической деятельностью на основе имеющихся статистических данных о нелегальных схемах отмывания вышеуказанных доходов (финансировании терроризма); *второе подразделение* занимается вопросами юридического характера, возникающими в рамках деятельности Группы; *третье подразделение* выполняет функцию по разработке материалов рекомендательного характера для государств-участников. Указанные материалы носят сугубо административно-финансовый характер, поскольку они предполагают внедрение специальных мер воздействия на субъекты ПОД/ФТ.

Российская Федерация являлась полноправным членом Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) с июня 2003 года. До указанного периода Россия не входила в состав организации ввиду отсутствия единой и эффективно функционирующей национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ), соответствующей международным стандартам. В 2023 году статус Российской Федерации в ФАТФ был приостановлен, что обусловило изменение формата взаимодействия с дан-

26. URL: https://fedsfm.ru/fm/fatf

27. URL: https://www.fatf-gafi.org/en/the-fatf/mandate-of-the-fatf.html?utm_source=chatgpt.com

ной международной структурой и поставило перед государством задачу выработки альтернативных механизмов сотрудничества в сфере ПОД/ФТ.

Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force, FATF) представляет собой межправительственный орган, учреждённый в июле 1989 года в Париже (Франция) по инициативе глав государств и правительств стран «Группы семи» (G7) с целью выработки мер реагирования на вызовы и угрозы, связанные с легализацией (отмыванием) преступных доходов. В октябре 2001 года ФАТФ расширила свой мандат, включив в него вопросы противодействия финансированию терроризма, а с 2008 года — задачи, связанные с предупреждением финансирования распространения оружия массового уничтожения. В настоящее время членами ФАТФ являются 38 государств и 2 международные организации, при этом в работе ФАТФ также участвуют 24 наблюдателя. Ассоциированными членами организации выступают девять региональных структур ФАТФ-типа, благодаря чему создаётся глобальная международная сеть по противодействию легализации преступных доходов, финансированию терроризма и распространения оружия массового уничтожения (ПОД/ФТ/ФРОМУ), охватывающая более 200 государств и территорий.

В Российской Федерации основным нормативным правовым актом, регулирующим указанную сферу, является Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма». ПОД/ФТ, выступает *Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ* «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма». В нем закреплены ключевые понятия, обязанности организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, полномочия уполномоченных органов (прежде всего, Федеральной службы по финансовому мониторингу), а также внедрение механизмов внутреннего контроля и процедур идентификации (верификации) клиентов в целях обеспечения соответствия деятельности субъектов финансового рынка установленным требованиям законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма.

Правовая природа легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путём, выражается в придании видимости законности имуществу, происхождение которого связано с преступной деятельностью, с целью его интеграции в легальный экономический оборот и последующего использования без риска выявления его незаконного источника:

внедрение денежных средств в финансовую систему (например, через банковские депозиты, покупки недвижимости, перевод за границу);

запутывание происхождения средств путём многократных финансовых операций, в том числе через оффшоры, фальшивые контракты, цепочки транзакций;

окончательное внедрение легализованных средств в экономику под видом доходов от законной деятельности.

В российской правовой системе термин «отмывание доходов» употребляется как функционально синонимичный понятию «легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путём», при этом последнее имеет преимущественное нормативное значение и закреплено в действующем законодательстве в качестве официального термина. Так, в уголовно-правовых и специальном финансовом законодательстве используется именно конструкция «легализация (отмывание)», что отражает стремление законодателя обеспечить как юридическую точность, так и понятийную преемственность с международными стандартами, установленными, в частности, Сорока рекомендациями ФАТФ.

# РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ

## Арзамасов Ю.Г. От классического к цифровому государству. М.: КНОРУС, 2025. 208 с.

**КОСАРЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ** – кандидат юридических наук, доцент, доцент Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

В издательстве «Кнорус» в 2025 году вышла монография профессора публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина доктора юридических наук Ю.Г. Арзамасова.

Цифровизация стремительно ворвалась в нашу жизнь, сегодня она, так или иначе, касается всех сторон деятельности различных по социальному положению и сферам занятости людей. По мнению автора книги, начав с экономики, цифровизация оказывает как положительное, так и негативное воздействие на государство, поскольку влияет на политику, военные успехи во время проведения специальной военной операции, финансовое развитие и финансовую разведку, на судопроизводство, документооборот, систематизацию, различных по юридической силе и направленности правовых актов, на развитие социальных отношений, на обеспечение конституционных прав граждан и т. д.

Актуальность данной монографии заключается в том, что в ней читатель найдёт ответ на вопрос, как соотносится между собой классическое и цифровое государство. В монографии проводится исследование нового этапа развития общества, а именно процесса становления цифрового государства. Особое внимание автором уделено подходам к понятию механизма государства. Приводится перечень предпосылок, предшествующих построению цифрового государства, указывается значение процесса формирования цифрового государства и его задачи. Отдельная глава посвящена государственному управлению, его формам и их эффективности в условиях развития новых цифровых технологий в государственном управлении.

Дается авторское определение цифровому государству, а также его правовые и экономические основы становления и развития цифрового государства, результаты которого окажут положительное влияние на самые разные сферы жизни нашего общества, отличие от существующих в науке понятий электронного, информационного государства и правительства. Подчеркивается необходимость комплексного анализа новых цифровых технологий, применяемых в нормотворческом процессе современной России. Отдельно автором исследования поднимаются вопросы обеспечения цифровой безопасности государства, а также возможные позитивные и негативные последствия, связанные с развитием его цифровизации.

В научной литературе цифровое государство чаще рассматривается как информационно-технологическая организация политико-правового взаимодействия граждан и органов публичной власти. Цифровое государство – это концепция построения и функционирования современного государственного управления, опирающегося на цифровые данные и цифровые технологии и формирующего необходимые условия для развития информационного общества и цифровой экономики.

Эффективное государство сегодня вообще трудно представить без цифровизации. В данном случае под эффективным государством автор понимает такую политическую организацию социума, в которой все его органы публичной власти, представля-

ющие различные ее ветви и уровни слаженно функционируют, достигая целей заложенных в конституции, законодательстве и программных документах. Важно отметить, что современная наука и практика считает автор еще не предоставили чёткие критерии для оценки эффективного государства, хотя существует много различных определений данного понятия.

Между тем, в настоящих условиях усложнения государственного управления одним из критериев создания эффективного государства является так называемого построение «цифрового государства». В связи с этим, в настоящее время актуализируется проблема единого понимания данного термина.

В данной монографии, рассмотрев понятие, признаки, механизм и иные характеристики, как классического, так и цифрового государства, автор дает ответ на вопрос: как соотносятся между собой классическое и цифровое государство? Являются ли они совершенно противоположными понятиями? Есть ли у них общие черты? По мнению автора, актуальность исследования современного государства, его структуры и значения для реализации современных проблем определяется многими факторами, в том числе в связи с тенденцией доминирования использования вертикальных отношений в последнее время в сфере государственного управления.

В книге отмечается, что на сегодняшний день государство является практически единственной формой объединения людей, поскольку предшествующее ему объединение в форме «первобытной общины» практически кануло в древнюю историю. Сегодня государства, как бы они не отличались по формам правления, по государственному устройству, целям и задачам, которые ставят президенты, монархи, правительства, либо институты гражданского общества, выступают в роли своеобразной политической организации социума, которая формирует и реализует экономическую, международную, правовую и другие виды государственной политики.

Однако когда мы говорим о сущности государства, особую роль играет также форма государства. При чем, здесь речь идет не о форме правления и форме государственного устройства, а о форме государственного (политического режима). Именно государственный режим позволяет воочию увидеть какими методами воздействия пользуется государство в лице своих органов власти, как государство относится не только к населению, институтам гражданского общества (органам местного самоуправления, бизнес-сообществам, различным творческим союзам, кооперативам, общественным организациям, IT- компаниям и т. д.), но и к государственным служащим, то есть защищает конституционные права и свободы граждан, обеспечивает их, либо наоборот вводит все новые запреты и ограничения, ущемляя тем самым права и законные интересы юридических и физических лиц.

Особое внимание в книге уделено таким характерным чертам цифрового государства, как искусственный интеллект и цифровые технологии. Автором подробно исследованы виды современных цифровых технологий, применяемых в процессе нормотворчества, выявлены их положительные и негативные моменты. Таким образом, в монографии дано авторское понимание цифровой экономики, которая «должна представлять собой систему экономических и связанных с ними иных отношений в социуме, основанная на современных данных науки и широком применении практически во всех сферах производства материальных благ цифровых информационно-коммуникационных технологий». С данной мыслью учёного можно согласиться, так как есть известные учёные, которые путём проведения исследований пытаются выявить «плюсы» и «минусы» данного процесса и возможные риски.

Автор считает, что современное цифровое государство осуществляет все те же основные признаки государства, как и классическое государство. Это такие признаки государства, как публичная власть, территория, население, юридическая связь лица с государством, финансовая система, правовая система, государственный суверенитет, целостность.

В этой связи можно согласиться с выводом автора: «Создание «цифрового правительства» – это не просто важный шаг в развитии современного управления государством, а первый этап на пути формирования на научной теоретической, технологической и эмпирической основе цифрового государства. Под цифровым правительством следует понимать важную модернизацию работы органов публичной власти государства, связанную с внедрением и использование новых цифровых технологий в работе органов государства и местного самоуправления, их взаимодействии при обмене большими данными, цифровыми документами, с госуправлением, а также с установлением постоянной обратной цифровой связи с гражданами и институтами гражданского общества, в целях их вовлечения в обсуждение, а в случаях установленных законодательством и в решении важных государственных и муниципальных проблем».

Кроме этого, автор делает вывод, что от формирования цифрового правительства, процесс которого сейчас практически заканчивается необходим поэтапный переход к цифровому государству, который уже начинается. Только при построении цифрового государства следует переходить к построению полномасштабному цифровому обществу.

Книга предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, а также всех, кто интересуется вопросами теории государства и права.

# РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

## Горбунов М.А., Шагиева Р.В. Римское право: учебное пособие. В 2-х т. М.: КНОРУС, 2025. Т.1. 412 с.; Т. 2. 392 с.

**КУЛАКОВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ** – доктор юридических наук, профессор, профессор, ректор Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.

Учебник подготовлен по учебной дисциплине, занимающей уникальное место в системе подготовки юридических кадров, находясь на стыке между фундаментальными и отраслевыми юридическими науками. Недаром в различных учебных заведениях вопрос об отнесении преподавания римского права как учебной дисциплины по-разному решается: в одних случаях – к кафедре теории и истории государства и права, в других – к кафедре гражданского права. Это происходит, прежде всего, потому что сама юриспруденция («juris prudentia» в переводе с латинского означает «правоведение»), объединяющая под своей сенью различные науки, во многом обязана своим возникновением именно римскому праву. Современных студентов не должен удивлять тот факт, что, по существу, национальное право давно исчезнувшей с карт римской цивилизации входит в качестве обязательного курса наряду с юридическими науками, изучающими современные правовые отрасли и институты. Римское право пронизывает все эти отрасли и институты, является базой для международной юридической терминологии, используемой юристами совершенно разных стран и правовых систем. К примеру, если открыть гражданский кодекс любой из стран романо-германской, англо-саксонской, а также мусульманской правовых семей, везде встретится термин «контракт», означающий примерно одно и то же, а именно двухстороннее соглашение сторон, по которому каждая из этих сторон приобретает определенные права и обязанности по отношению к другой стороне. Таких примеров использования терминов, родившихся еще в древнеримском государстве, множество. Например, кажется, никого не удивило переименование членов Совета Федерации в 2020 году в «сенаторов».

Изучение римского права довольно тесно соприкасается с освоением дисциплины «История государства и права зарубежных стран», определенное количество часов в ходе которого посвящено закономерностям возникновения, развития и падения римского государства также истории римского права. Курс «Римское право» позволяет расширить и упрочить базовые знания, полученные при освоении истории государства и права зарубежных стран.

Предмет «Римское право» напрямую связан и с учебными дисциплинами «Гражданское право», «Семейное право», «Наследственное право», изучающими особенности правового регулирования имущественных взаимоотношений в современной России. Прежде всего, это происходит потому, что базовый курс римского права включает в себя именно частное право. Институты, традиционно относимые юридической наукой к праву публичному, затрагиваются лишь частично: исследуются только особенности правового статуса лиц в различные периоды существования римского государства, немного внимания уделено особенностям уголовного права в Риме, а также – понятиям «магистрат», «претор», «должностное лицо», которые в современной юриспруденции изучаются в рамках науки «Административное право».

Римское право соприкасается также с процессуальными науками. Несмотря на то, что сами римские правоведы не отделяли области материального и процессуального права и для них эти правовые общности существовали в единой системе координат – системе «искового права», изучению процессуального права посвящена отдельная тема, что, соответственно, напрямую связывает дисциплину «Римское право» как минимум с предметом «Гражданское процессуальное право».

Таким образом, при изучении учебной дисциплины «Римское право» студент соприкасается с различными отраслями права, что помогает проводить сравнительный анализ современных правовых реалий с классическими конструкциями, последовательно создаваемыми римской правовой мыслью на протяжении многих веков и делает данный предмет фундаментальным по сути.

За последние десятилетия произошли и происходят огромные изменения во всех сферах нашей жизни. В этих условиях роль права и государства особенно велика. С их помощью обеспечиваются соблюдение и защита прав и свобод граждан; решаются вопросы социальной, экономической политики. Правовые средства активно влияют на развитие демократического процесса, формирование правового и социального государства. Потребность в юридических знаниях ощущает сегодня практически каждый, причем как в профессиональной, так и общественно-политической, а также частной жизни.

В преобразовании России особое место занимает правотворческая деятельность, большую роль в осуществлении которой призваны сыграть выпускники высшей школы, особенно обучающиеся по направлению подготовки «Юриспруденция». Поэтому освоение основ римской правовой традиции для них в современных условиях приобретает особую актуальность и практическую направленность.

В соответствии с этим в рамках получения юридического образования важное место занимает такая учебная дисциплина как «Римское право», призванная максимально помочь студентам овладеть теми правовыми знаниями, которые закладывают фундамент формирующегося юридического мировоззрения. «Римское право» относится к дисциплинам, изучаемым студентами в рамках профессионального цикла, охватывающим широкий круг проблем теоретических и отраслевых юридических наук, направленным на подготовку высококвалифицированных кадров.

Предлагаемый к изданию учебник «Римское право» полностью относится к числу тех, которые способны повысить уровень подготовки по направлению «Юриспруденции» и является весьма своевременной и необходимой работой, так как охватывает своим содержанием практически весь курс, предусмотренный для изучения студентами по данной учебной дисциплине.

Рукопись состоит из введения, десяти глав, заключения и списка источников и литературы. В конце каждой главы дан перечень вопросов и заданий для самостоятельной работы студентов, что отвечает методическим требованиям, предъявляемым к учебной литературе.

Первая глава носит установочный и пропедевтический характер, так как содержат основы научных знаний о понятии, системе, источники, периоды развития римского права, необходимые обучающимся для освоения остального материала. Каждая из последующих глав (2–9) посвящена одному из институтов римского права. Представляется весьма обоснованным первоочередное рассмотрение процессуального права. Неслучайно римское право называли «правом исков». Это также соответствует римской правовой традиции. Можно признать удачным выделение в отдельную главу вопросов, посвященных семейному праву и его особенностям в древнем Риме. Некоторым исключением из избранного подхода является глава 4, в которой рассмотрены объекты и иные предпосылки правоотношений, хотя правомерность такого подхода также не вызывает возражений.

Изложенный во всех главах учебника историко-правовой материал, подкрепляемый многочисленными примерами из римской юридической практики, а также ссылками на цитаты из произведений римских юристов, способен вооружить выпускников высшей школы юридическими знаниями, необходимыми им при принятии управленческих решений и осуществлении профессиональной деятельности.

Учебное пособие написано четким, понятным и доступным языком. Особо следует отметить логичность изложения представляемого материала, завершенность каждой главы учебного пособия. Авторская позиция выражена в каждом случае обстоятельно и ясно, доказательная база аргументирована, эмпирический материал использован корректно. Интересны сопоставления римских правовых институтов с современными гражданско-правовыми категориями, снабженные ссылками на статьи действующего Гражданского кодекса Российской Федерации.

Вместе с тем работа немного перегружена римской терминологией в ряде глав, что несколько затрудняет усвоение основных понятий и институтов римского права. Но такова дань традициям изложения материала в романистике – все понятия имеют четкие обозначения на латинском языке. Встречаются отдельные редакционные погрешности.

Однако данные недоработки вполне исправимы, они не отражаются серьезным образом на высоком уровне учебного пособия.

**Л.А. БУКАЛЕРОВА, В.Ф. ЩЕПЕЛЬКОВ**

# Поздравляем с юбилеем Н. И. Пикурова, доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры уголовного права МГЮА им. О.Е. Кутафина, члена Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

**Л.А. БУКАЛЕРОВА** – доктор юридических наук, профессор, проректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева (ученица Н.И. Пикурова),
**В.Ф. ЩЕПЕЛЬКОВ** – доктор юридических наук, профессор, директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (ученик Н.И. Пикурова).

28 сентября 2025 г. отмечает свой юбилей Николай Иванович Пикуров — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, признанный эксперт в области уголовного права, широко известный в нашей стране.

Николай Иванович родился 28 сентября 1950 г. в гор. Исилькуле Омской области в семье учительницы и железнодорожного служащего, служил в Советской армии и впоследствии поступил в Высшую следственную школу МВД СССР.

По окончании вуза работал следователем Краснооктябрьского РОВД г. Волгограда, стал адъюнктом Московской высшей школы МВД СССР. После досрочной защиты кандидатской диссертации по теме «Квалификация преступлений при бланкетной диспозиции уголовного закона» в 1982 работал в Высшей следственной школы МВД СССР (впоследствии Волгоградский юридический институт МВД России, сегодня Волгоградская академия МВД России) доцентом, начальником научно-исследовательского отдела, профессором.

В декабре 1998 г. Николай Иванович блестяще защитил докторскую диссертацию по прорывной на тот момент научной теме «Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права», охватывающей взаимодействие отраслей публичного и частного права. В мае 2022 г. (почти через четверть века) эта тема практически без изменения названия была вынесена для обсуждения на XIII Российский конгресс уголовного права МГУ им. М.В. Ломоносова «Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения».

С 2001 г. Н. И. Пикуров был профессором, заведующим кафедрой, проректором Московского областного гуманитарного института ( в настоящее время ГГТУ), с 2002 г. по 2011 г. - Главным научным сотрудником Российской академии правосудия (РГУП им. В.М. Лебедева) вначале на полставки, затем в штате. С 2011 г. по 2022 г. работал заведующим отделом, Главным научным сотрудником, профессором кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры РФ.

В настоящее время Н.И. Пикуров – профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Под руководством Николая Ивановича успешно защищены три докторские и более десятка кандидатских диссертаций.

Юбиляр написал свыше 200 научных работ, самыми известными среди которых являются монографии «Уголовное право в системе межотраслевых связей» (1998), «Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава» (2009), «Квалификация транспортных преступлений» (2011), «Частная жизнь и уголовное право: поиск баланса интересов государства и личности» (2025). Профессор Н. И. Пикуров является соавтором нескольких учебников, по которым учатся студенты многих юридических вузов.

По результатам масштабного репрезентативного опроса ученых, пишущих статьи по юридическим дисциплинам, проведённого совместно с компанией eLIBRARY.RU, профессор Н. И. Пикуров вошел в первую двадцатку рейтинга специалистов по уголовному праву. Он является признанным экспертом по квалификации сложных уголовных дел, свыше 10 лет входит в состав Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

Как отмечает юбиляр, все эти годы, незаметным, но надежным помощником ученого является его супруга Таисия Петровна Пикурова (с которой они живут вместе уже шестой десяток лет. Дети Николая Ивановича – Олег и Ирина пошли по стопам отца, сын Олег Николаевич Пикуров много лет работал старшим помощником прокурора Волгоградской области, защитил кандидатскую диссертацию и в настоящее время заведует кафедрой в Волгоградском государственном университете, дочь – Ирина Николаевна - юрист-практик. Внучки Николая Ивановича – Екатерина и Мария Пикуровы продолжили семейную традицию.

Глубокоуважаемый Николай Иванович! Примите наши самые искренние и теплые поздравления! Тепло и искренне желаем Вам доброго здоровья и благополучия, неиссякаемой энергии и дальнейших творческих успехов!

## В РУАН имени Г.Б. Мирзоева состоялось торжественное собрание, посвященное началу нового учебного года и Дню знаний

2 сентября 2025 года в Российском университете адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева состоялось торжественное собрание первокурсников университета и профессорско-преподавательского состава, посвященное началу нового учебного года и Дню знаний.

Открыл торжественное собрание ректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, Заслуженный юрист РФ, Почётный работник сферы образования РФ, Почетный адвокат России, генерал-майор МВД ПМР, д.ю.н., профессор Г.Б. Мирзоев.

В собрании приняли участие и выступили с приветственными словами заместитель Председателя Комитета Госдумы ФС РФ по безопасности и противодействию коррупции А.Б. Выборный, депутат Московской городской Думы, председатель комиссии по образованию Мосгордумы, председатель комиссии по безопасности, законодательству и регламенту Мосгордумы А.Г. Семенников, президент Федеральной палаты

адвокатов РФ, проректор РУАН имени Г.Б. Мирзоева, руководитель Высших курсов повышения квалификации адвокатов РУАН имени Г.Б. Мирзоева, Почетный адвокат России, Заслуженный юрист России, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, к.ю.н. С.И. Володина, директор Департамента кадровой политики Министерства образования и науки РФ, член Правления Ассоциации юристов России А.А. Свистунов, помощник заместителя Председателя Следственного комитета РФ по особым поручениям И.Г. Пащенко, заместитель Председателя Совета министров Республики Крым, Постоянный Представитель РК при Президенте РФ, заместитель Председателя Попечительского совета Международного совета российских соотечественников Г.Л. Мурадов, вице-президент ФПА РФ, президент АП города Москвы, Почетный адвокат России С.Б. Зубков, вице-президент РУАН, вице-президент ФПА РФ, президент Международного Союза (Содружество) адвокатов, президент АП Московской области А.П. Галоганов, президент РУАН, Заслуженный юрист РФ, Почетный адвокат России, д.ю.н., профессор Г. Г. Черемных, председатель Президиума РУАН, советник ФПА РФ, заслуженный юрист РФ, д.ю.н., профессор Ю.С. Пилипенко, президент Московской областной нотариальной палаты Н.И. Лобачева, первый проректор РУАН, вице- президент Гильдии российских адвокатов, Почётный адвокат России, Почётный работник сферы образования РФ, к.ю.н. З. Я. Беньяминова, первый заместитель председателя Президиума коллегии адвокатов «Московский юридический центр», Почетный адвокат России А.М. Смирнов, заместитель президента Гильдии российских адвокатов, Почетный адвокат России, автор книги «Профессионалы» М.Б. Русакова,Почетный адвокат России О.А. Галишников, а также члены профессорско-преподавательского состава Университета.

Г.Б. Мирзоев рассказал об истории создания РУАН, сложившихся годами традициях, программах образования, представил наставников и руководство Университета. Г. Б. Мирзоев подчеркнул, что Российский университет адвокатуры и нотариата является уникальным вузом, выпускники РУАН успешно работают в адвокатуре, нотариате, судах, органах прокуратуры, юстиции, исполнительной и административной власти, судебных и административных учреждениях. «Необходимо постоянно стремиться к самосовершенствованию, иметь активную гражданскую позицию, с пониманием относиться к проблемам каждого человека, знать основы мироздания и исключить из своей жизни равнодушие и безответственность», – сказал ректор РУАН.

В своих приветственных обращениях к выпускникам почетные гости дали тёплые напутствия первокурсникам, поделились историями из собственной практики и выразили уверенность, что те глубокие знания и навыки, которые студенты получат за время учёбы, обязательно помогут им найти своё место в жизни и состояться в профессии.

В заключение торжественного собрания первый проректор РУАН имени Г. Б. Мирзоева З.Я. Беньяминова вручила первокурсникам студенческие билеты.

## Студенты РУАН приняли участие в мероприятии «Инфогигиена и её основы. Профилактика и противодействие кибертерроризму»

10 сентября в мультиформатном пространстве проекта «Молодежь Москвы» прошло мероприятие – «Инфогигиена и её основы. Профилактика и противодействие кибертерроризму». Перед студентами выступили эксперт по безопасности, старший инструктор АНО «Ведомственная Охрана Правительства Москвы», подполковник полиции Р.Р. Абубякиров и эксперт по безопасности и единоборствам, подполковник запаса МВД С.В. Громаков.

На лекции обсуждались ключевые аспекты телефонного терроризма: как действуют террористы, их основные техники и методы манипуляции. Специалисты поделились рекомендациями по самозащите от телефонных угроз и ознакомили студентов с контактами служб, к которым можно обратиться в случае опасности.

РУАН имени Г.Б. Мирзоева представили студенты 2 курса колледжа и 1 курса университета: Александра Почуева, Анна Рябичева, Лилия Малышева, Юлия Ильичева, Оксана Родинкова, Анастасия Демичева и Стефания Радомысельская.

## Студенты колледжа РУАН приняли участие в интеллектуальных играх «Думай. Отвечай!»

11 сентября 2025 года в Российском университете транспорта (РУТ МИИТ), состоялась первая игра захватывающей Лиги интеллектуальных игр «Думай. Отвечай!», организованная проектом «Молодежь Москвы».

Колледж РУАН имени Г.Б. Мирзоева был представили 5 команд студентов 1, 2 и 3 курсов!

Ребята показали отличные знания и смекалку, отвечая на каверзные вопросы, подготовленные организаторами.

Это только первая из 12 игр, которые пройдут в очном формате. Впереди еще много возможностей проявить себя и побороться за звание самых умных!

# The annotated contents of the magazine

G.B. MIRZOEV

## ON STRENGTHENING GUARANTEES FOR THE PROVISION OF QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE BY LAWYERS

**ABSTRACT**. This article analyzes the draft federal law amending the Federal Law «On Advocacy and the Bar in the Russian Federation» the Criminal Code of the Russian Federation, and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which provides for the introduction of Article 149.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «Violation of the Right to Receive Qualified Legal Assistance.» Particular attention is given to the content of the draft article and its relationship with current criminal law and international standards. Legal and technical issues related to vague wording, disproportionate sanctions, and the confusion of conceptual frameworks are considered. The need for editorial revision to ensure the draft is coherent and legally certain is emphasized.

**KEYWORDS**: law, legislation, advocacy, attorney-client privilege, right to defense, criminal liability, qualified legal assistance.

**MIRZOEV GASAN BORISOVICH** – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, President of the Russian Bar Association, President of the International Association of Russian-speaking Lawyers, Rector of the Russian University of Advocacy and Notary Services named after G.B. Mirzoyev (e-mail: advocat@gra.ru).

A.P. ALBOV, E.N. PUZANKOVA

## THE STATE IN THE DIGITAL AGE: A THEORETICAL, LEGAL, AND SEMANTIC ANALYSIS OF THE CONCEPTUAL FRAMEWORK

**ABSTRACT**. This article presents a theoretical, legal, and semantic analysis of the conceptual framework describing the transformation of the state in the digital age. The relevance of this study stems from the methodological uncertainty surrounding the use of the terms «digital state,» «digital sovereignty,» and other related concepts. The aim of this work is to develop a scientifically sound terminology system for the digitalization of public administration. This paper proposes criteria for distinguishing between the instrumental and substantive aspects of digitalization, defines the relationship between traditional and new legal categories, and formulates practical recommendations for rulemaking.

**KEYWORDS**: digitalization of public administration, legal theory, digital sovereignty, legal regulation, public services, rulemaking, legal terminology, legal conceptualization, information law, state power.

**ALBOV ALEXEY PAVLOVICH** – Doctor of Law, Professor, Professor in the Department of Civil and Entrepreneurial Law at the Russian Academy of Intellectual Property (RGAIS) (e-mail: aap62@yandex.ru).

**ELENA NIKOLAEVNA PUZANKOVA** –Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector for Academic Policy and Academic Affairs at the Russian Academy of Intellectual Property (RGAIS) (e-mail: e.puzankova@rgiis.ru).

A.V. AKHMATOV, A.N. AKIMOVA

## ON THE QUESTION OF JURGEN HABERMAS' LEGAL THEORY

**ABSTRACT.** The article attempts to investigate the doctrine of law by J. Habermas in the context of a sociological approach to law. The basics of Habermas' theory of communicative action and his views on legitimacy and democracy are covered. It is noted that any social communication has a huge impact on any

legal activity and creates different communicative levels of legal matter. The authors formulated their own concept of legal communication as a complex system of exchange of legal information between legal entities aimed at achieving social goals in the form of legal activity, involving the following procedure at the level of legal communication: the emergence of the need to achieve a social result by legal means; assessment of the possibility of achieving a result through the exchange of legal information; achieving the goal by obtaining legal information by the addressee and correctly interpreting it.

**KEYWORDS:** J rgen Habermas, law, sociology of law, social communication, democracy.

**AKHMATOV ALEXEY VALERIEVICH** – Ph.D., Associate Professor, Associate Professor, Department of Fundamental Jurisprudence and International Law, ANO HE «Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev» (e-mail: Ahmatov@bk.ru).

**AKIMOVA ANASTASIA NIKOLAEVNA** – Deputy Director of the State Treasury Institution of the City of Moscow «Road and Bridge Construction Department» (e-mail: ancient16wisdom@gmail.com).

**G.G. GOLDIN, L.O. TERNOVAYA**

## LANGUAGE HUMAN RIGHTS IN THE MODERN WORLD

**ABSTRACT.** The article is devoted to one of the most valuable and at the same time fragile treasures of mankind - its linguistic diversity. The problem of reducing the number of living languages is no less acute than the problem of climate change. However, to date, neither at the level of the world community, nor at the regional and national levels is there a holistic picture of linguistic rights and an effective model for their protection.

**KEYWORDS:** human rights, language rights, language policy, freedom of speech, International Mother Language Day, linguistic ecology, minority language.

**GOLDIN GENNADY GLEBOVICH** – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev (RUAN); (e-mail: avocats@yandex.ru)

**TERNOVAYA LYUDMILA OLEGOVNA** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Management of the Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI) (e-mail: 89166272569@mail.ru).

**A.E. EPIFANOV**

## THE EXPERIENCE OF ORGANIZING AND OPERATING WOMEN'S CORRECTIONAL SHELTERS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA ACCORDING TO THE PUBLICATIONS OF THE MAGAZINE «THE PRISON GAZETTE» (1893–1917)

**ABSTRACT.** The article is devoted to the study of women's correctional shelters as an element of juvenile justice in pre-revolutionary Russia on the materials of the magazine «Prison Bulletin.» The publication is considered as a unique historical source reflecting the evolution of the penitentiary system in relation to juvenile offenders. The publication analyzes the features of the formation and development of correctional facilities for girls from the 1870s to the early 1900s. Particular attention is paid to the experience of the Bolshevsky (Yakovlevsky) shelter as a demonstration institution of that time. The purpose of the article is a comprehensive study of the system of correctional shelters for female minors in pre-revolutionary Russia based on materials from the Prison Bulletin. The analysis revealed key features of the approach to juvenile offenders, which was focused not so much on punishment as on re-education and vocational training. The analysis showed that the magazine «Prison Bulletin» is a unique historical source revealing the peculiarities of the formation of a system of correctional institutions for female minors in pre-revolutionary Russia. The research materials expand ideas about the evolution of social institutions of work with juvenile offenders and can be useful to modern researchers in the field of penitentiary pedagogy and social work.

**KEYWORDS**: women's correctional shelters, the system of correctional institutions of pre-revolutionary Russia, the experience of the Bolshevsky shelter for girls.

**EPIFANOV ALEXANDER EGOROVICH** – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Department for the Study of History Problems of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (e-mail: mvd_djaty@mail.ru)

**N.V. KOVALEVA**

## ALLOCATION OF LAND FOR INDUSTRIAL FACILITIES ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

**ABSTRACT.** The article explores the legal mechanism for the provision of land for the placement of industrial institutions in the Russian Empire of the XIX - early XX centuries. The features of the regulatory regulation of industrial land allocation are disclosed, including the classification of plots according to the legal regime and subject composition, as well as the specifics of the legal status of state-owned, session and ownership enterprises. The institutional foundations of a centralized land management model, its impact on land use regimes and restrictions due to departmental jurisdiction were identified. An analysis of the legal uncertainty of the concept of «industrial institution» was carried out, and the impact of this uncertainty on law enforcement was also shown. In the final part, a comparison is made with modern legal regulation of the provision of land for industrial facilities within the framework of special economic zones and territories of priority development.

**KEYWORDS**: land plots, industrial establishments, session law, state lands, centralized regulation, legal regime, land use law, legislation of the Russian Empire of the XIX – early XX centuries.

**KOVALEVA NATALYA** – Doctor of Law, Professor, State University of Management; Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (e-mail: doktor.kovaleva.nv@yandex.ru).

**L. A. PODOSINNIKOVA**

## LEGAL POWER AS A BASIS FOR LEGAL SOVEREIGNTY: PROBLEMS OF THEORETICAL UNDERSTANDING

**ABSTRACT**. This article provides a theoretical analysis of some aspects of the relationship between legal power and legal sovereignty. Legal power is rarely mentioned in scientific literature, but its influence on legal sovereignty is very significant in terms of the formation of legitimate and legal sources of law. Existing views on this scientific problem do not have the necessary theoretical explanation. The author attempted to explain the nature of legal power in the context of legal sovereignty.

**KEYWORDS**: legal power, legal sovereignty, law, legitimacy, legality.

**PODOSINNIKOVA LYUDMILA ANATOLYEVNA** – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev (e-mail: lapodosinnikova@gmail.com).

**V.V. WARMUND**

## TRANSACTABILITY AS AN ELEMENT OF LEGAL PERSONALITY OF AN INDIVIDUAL

**ABSTRACT**. The article considers transactability as an element of legal personality, also characterizes the structure, connections, integrity, unity of elements of legal personality. Transactability is considered as an

opportunity (ability) of a person to make transactions, act as a party to contracts, and determine the solvency of a person in the field of concluding transactions.

**KEYWORDS**: ability to deal, legal capacity, legal capacity, legal personality, legal relationship, individual, legal entity, transaction.

**VARMUND VICTORIA VSEVOLODOVNA** – Senior Lecturer, Department of Civil Law Disciplines, Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev (RUAN) (e-mail: vik_v@bk.ru).

**A.N. LEVUSHKIN**

## MONETARY COMPENSATION, DAMAGES AND FORFEIT AS MEASURES OF LIABILITY AND METHODS OF PROTECTION IN CORPORATE LEGAL RELATIONS

**ABSTRACT**. It is important to note that in most cases, the methods of protecting corporate rights considered in this article require their application in the system with other methods. This is due to the multifaceted nature and dynamics of corporate legal relations. It is assumed that within the framework of corporate legal relations, effective protection of the legal rights and interests of corporate participants and third parties is carried out using such legal mechanisms as monetary compensation, recovery of losses and penalties, of course, taking into account the specifics of corporate management legal relations.

The article defines the essential features of the application of monetary compensation, recovery of losses and penalties within the framework of corporate liability measures and methods of protecting the corporate rights and interests of participants, and formulates separate conclusions.

**KEYWORDS**: legal entities, corporate legal relations, liability measures, monetary compensation, recovery of losses, forfeit, corporations, methods of protection.

**LEVUSHKIN ANATOLY NIKOLAEVICH** – Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Civil and Business Law, Ulyanovsk State University; Professor, Department of Law, Institute of Economics, Management and Law, Moscow City Pedagogical University; Professor, Department of Legal Regulation of Business and Civil Proceedings, Moscow Financial and Industrial University Synergy. (e-mail: lewuskin@mail.ru).

**G.B. MIRZOEV, D.I. AMINOV**

## EVOLUTION OF LAW: THE MORAL CODE OF THE PEOPLE – RUSSIAN PROVERBS AS THE FORERUNNER OF CRIMINAL LAW

**ABSTRACT**. This article considers Russian folk proverbs and sayings as the primary form of folklore legal awareness, anticipating the codified norms of criminal law. Through the prism of philosophical and legal analysis, the authors explore how the archaic but viable moral tradition, expressed in aphoristic formulas, reflected the main legal intuitions of the people - a sense of measure, justice, guilt and retribution. It is argued that many of the principles that later became fundamental in the criminal legal system (such as the presumption of innocence, the individualization of punishment, the priority of protecting the individual) had deep cultural roots dating back to the pre-written era. Comparing the moral universe of the Ten Commandments and the expressive maxims of Russian folklore, the authors show that the proverb acted not just as a means of transmitting everyday wisdom, but as a kind of moral and legal code, which had normative power long before the advent of legislation. The popular word appears as a living carrier of historical memory and legal archetypes, which reflected legal guidelines deeply rooted in the collective intuition of justice.

**KEYWORDS**: Russian proverbs, folklore legal consciousness, criminal law, Ten Commandments, moral guidelines, legal culture, presumption of innocence, folk wisdom, legal evolution, justice.

**MIRZOEV GASAN BORISOVICH** – Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor; Rector of the Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev; President of the Guild of Russian Lawyers. (e-mail: advocat@gra.ru).

**AMINOV DAVID ISAKOVICH** – Doctor of Law, Professor; Director of ANO «Research Center for Forensic Science and Research.» (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

**V.A. ZHABSKY, T.G. SIROTKINA**

## MIGRATION SITUATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS IMPACT ON CRIME

**ABSTRACT**. Migration is a socio-demographic process that affects all spheres of life of the «receiving» state, including the crime situation. The Russian Federation, due to its geographical location, as well as economic opportunities and historical ties, remains one of the largest centers of attraction for migrants. In this article, the authors consider the migration situation in the Russian Federation at the present stage. Current migration crime statistics are presented. The study of the relationship between migration processes and crime is impossible without using a multifactorial approach based on an understanding of the specifics of migration flows. The purpose of the article is to analyze the impact of the migration situation on the state and structure of crime in our state. The study identified criminogenic factors associated with the migration situation: socio-economic marginalization, cultural and legal «gaps,» corruption in the field of migration, the formation of «migration cells.» The scientific significance lies in the measures proposed by the authors to stabilize the migration situation in our state and its impact on crime.

**KEYWORDS**: migration, migration processes, crime of migrants, migration situation, migrant, crime prevention, migration legislation, migration accounting.

**ZHABSKY VALERY ALEKSANDROVICH** – Professor, Department of Criminology, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, Doctor of Law, Associate Professor (e-mail: vzhabskii@mail.ru).

**SIROTKINA TATYANA GENNADIEVNA** – Lecturer, Department of Criminology, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, Candidate of Law (e-mail: tanysir97@yandex.ru).

**M.E. KLYUKOVA, I.O. ANTONOV, A.YU. VERIN**

## SOME TACTICAL FEATURES OF THE INTERROGATION OF VICTIMS AND ASSESSING ITS RESULTS IN CASES OF FRAUD IN MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS

**ABSTRACT**. The authors analyzed the main tactical features of the preparation and conduct of interrogation of victims in criminal cases of fraud in the field of marriage and family relations. The article reveals the content of the main tactical techniques for interrogating victims in criminal cases of this category. Some areas of possible improvement of tactical support for interrogations of victims and assessment of their results in criminal cases of fraud in the field of marriage and family relations are outlined.

**KEYWORDS**: investigation, crime, fraud, deception, remote fraud, romantic fraud, interrogation, tactics, victim, marriage and family relations, marriage swindler.

**KLYUKOVA MARINA EVGENIEVNA** – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Faculty of Law, Kazan (Volga) Federal University (e-mail: dkme@mail.ru);

**ANTONOV IGOR OLEGOVICH** – Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University (e-mail: igolant@yandex.ru);
**VERIN ANDREY YURYEVICH** – Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Faculty of Law, Kazan (Volga Region) Federal University (e-mail: verinkfu@mail.ru).

**G.S. MISHUGIS-BECKER**

## LEGAL UNCERTAINTY OF EXEMPTION OF CONFIDENTS FROM CRIMINAL LIABILITY

**ABSTRACT**. The article is devoted to the analysis of legal uncertainty arising in connection with the existing mechanism for exemption from criminal liability of persons providing confidential assistance to bodies carrying out operational-search activities (confidants), provided for by paragraph 4 of Article 18 of the Federal Law «On Operational-Search Activities» (FZ on ORD). The author substantiates the thesis about the inexpediency and internal inconsistency of this norm. Its place in the system of legislation, the lack of clear criteria and procedures, as well as conflicts with the principles and norms of criminal law are critically assessed. The main conclusion of the article is the need to exclude paragraph 4 of Article 18 of the Federal Law on OAD as a defective norm that generates legal risks and uncertainty. As an alternative, it is proposed to form a comprehensive legal regulation of the institution of exemption of confidants from criminal liability directly within the framework of the Criminal Code of the Russian Federation.

**KEYWORDS**: confidence, uncertainty, criminal liability, release, special norms, operational-search activity, systematization of legislation, criminal law, conflict.

**MISHUGIS-BEKERGRIGORY SERGEEVICH** – candidate of legal sciences (e-mail: smihs1234@mail.ru).

**E.N. SENINA**

## A RESTORATIVE APPROACH FOR JUVENILE OFFENDERS: CRIMINAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

**ABSTRACT**. The article presents the results of a study of the criminal law and criminological aspects of restorative justice in relation to juvenile offenders. Key problems of institutional inertia and limited application of rehabilitation procedures in Russia were identified. Directions for overcoming them through the development of mediation, prioritization of educational measures and the formation of new social and professional attitudes are proposed.

**KEYWORDS**: restorative justice, juvenile offenders, criminal liability, compulsory educational measures, conciliatory mediation, resocialization, juvenile justice.

**SENINA ELENA NIKOLAEVNA** – Candidate of Law, Director of the Mediation Institute of the Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev (email: eadvocat8@gmail.com).

**I.A. ARTEMENKO**

## FORMATION AND DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL LEGAL AWARENESS OF PERSONS EXERCISING JUDICIAL FUNCTION IN RUSSIA IN THE XV–XVII CENTURIES

**ABSTRACT**. This article discusses the formation and development of professional legal awareness of judges in Russia of the 15th-17th centuries. Referring to the main sources of law of the Moscow state, the author identifies the primary sources of the formation of professional legal awareness of persons exercising a judicial function in the state during this period, analyzes its ideological components. The author concluded that since the 15th

century, the first prerequisites for the formation of a general and professional legal consciousness of society appeared in the Russian state, the formation of which took place under the conditions of the functioning of an estate-representative monarchy.

**KEYWORDS**: general, professional legal consciousness, court, judges, trial.

**ARTEMENKO IGOR ANATOLYEVICH** – candidate of academic degree, lawyer, member of the Krasnodar Territory Bar Association (e-mail: advokatartemenko@mail.ru).

**A.V. DOLGOV**

## PUBLIC LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE AND SPORTS OF PERSONS WITH DISABILITIES IN THE NEW CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: GENERAL CHARACTERISTICS

**ABSTRACT**. In this work, the author reviews the current administrative legislation and law enforcement practice in the field of organizing adaptive physical culture and sports for people with disabilities in the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Kherson region and Zaporizhzhya region.

**KEYWORDS**: public legal regulation; physical education; adaptive physical education; sports; adaptive sports; social guarantees; persons with disabilities; legal integration; Donetsk People's Republic; Lugansk People's Republic; Kherson region; Zaporizhzhya region.

**DOLGOV ALEXANDER VLADIMIROVICH** – graduate student of the Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboedov (E-mail: dolgov-aleksandr@ro.ru).

**P.K. DOLZHIKOV**

## THE RELEVANCE OF CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO DAMAGE, DESTRUCTION, AND LOSS OF MILITARY PROPERTY (ARTICLES 346-348 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

**ABSTRACT**. The protection of military assets in the context of modern geopolitical challenges, including the conduct of a special military operation (hereinafter referred to as the SVO), is of great strategic importance for the country's security. Military property, being the material basis of the state's defense capability, requires special legal protection, which is confirmed by historical experience and current legislative changes. In the article, the author considered measures of criminal law counteraction to damage, destruction, and loss of military property provided for in Articles 346-348 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author proposed to fix the criteria for distinguishing criminal liability for the destruction, damage or loss of military property (Articles 346-349 of the Criminal Code of the Russian Federation) from material or civil liability according to the degree of public danger, the category of military property and its legal status, the presence of guilt, and the amount of damage.

**KEYWORDS**: criminal liability, damage to military property, destruction of military property, relevance of legislative changes.

**DOLZHIKOV PETER KONSTANTINOVICH** – Postgraduate student of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the P. Lumumba RUDN University (E-mail: peter1721@yandex.ru ).

I.S. KAMINSKY

## IT IS NECESSARY TO STRENGTHEN CRIMINAL LIABILITY FOR FOREIGN ECONOMIC CRIMES IN THE EAEU COUNTRIES

**ABSTRACT**. The article analyzes the systemic threats to the economic security of the Russian Federation and the Eurasian Economic Union (EAEU) that have arisen under the conditions of sanctions pressure. Based on the analysis of statistical data and legal conflicts, key problems are identified: the use of the EAEU territory to circumvent sanctions ("gray" imports), large-scale budget losses from non-payment of customs duties and the fragmentation of criminal law regulation. The author substantiates the impossibility of effectively countering these challenges based solely on model acts. In this regard, it is necessary to develop effective ways to legally, including criminally, counteract the negative impact of sanctions on the country's economy. Domestic criminal legislation does not fully take into account the participation of the Russian Federation of the EAEU, although this fact has significantly affected the objective side of foreign economic crimes, and the regulatory framework of the integration association in the field of criminal and administrative responsibility reduces the risks of foreign economic crimes.

As a solution, it is proposed to harmonize the criminal legislation of the EAEU member states through amendments to the current Treaty of July 5, 2010, as well as the introduction of a new special norm into the Criminal Code of the Russian Federation criminalizing violations of the EAEU sanctions bans.

**KEYWORDS**: foreign economic crimes, international regulation, the EAEU, sanctions bans.

**KAMINSKY ILYA SERGEEVICH** – Postgraduate student of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev (ruan), Head of the Department of Access to Foreign Markets and Settlement of Trade Disputes of the Eurasian Economic Commission (e-mail: il.kaminskiy@gmail.com ).

K.A. KARAMYSHEV

## FEATURES OF MANAGING INTELLECTUAL PROPERTY RESULTS

**ABSTRACT**. The article is devoted to the actual problem and peculiarities of managing the results of intellectual property, the use of the results of intellectual activity plays an important role in the social and economic life of society, family and person, and also provides the basic needs of production. The article also identifies the peculiarities of managing the results of intellectual property and considers the procedure for using the exclusive right.

**KEYWORDS**: intellectual property, copyright, right of disposal, creative result of intellectual work, exclusive right.

**KARAMYSHEV KIRILL ALEKSANDROVICH** – graduate student of the Department of Notaries and Civil Law Disciplines, Russian University of Lawyer and Notaries named after G.B. Mirzoev RUAN (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

L.S. CREAMER

## INDIRECT EVIDENCE SYSTEM FOR FAIR PROCEDURAL DECISION MAKING: A SYMBIOSIS OF DIRECT AND INDIRECT EVIDENCE WITH INFORMATION TECHNOLOGY

**ABSTRACT**. The article examines the integration of the circumstantial evidence system into procedural practice in order to ensure fair decisions. The author analyzes the symbiosis of direct and indirect evidence, emphasizing their significance within the framework of modern justice. The article also explores the influence of digital media on the formation of the evidence base and the possibility of

their use in the proof process. The conclusion contains recommendations for introducing the proposed approaches into the legal system.

**KEYWORDS**: circumstantial evidence, justice, information technology, procedural decisions, direct evidence, evaluation of evidence, legal practice.

**CREAMER LEONID SEMENOVICH** – graduate student of the Department of Advocacy and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Advocacy and Notary named after G. B. Mirzoev. (e-mail: leokrimer@yandex.ru ).

**A.V. LUKIN**

## FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW

**ABSTRACT**. The article is devoted to the analysis of the ideological and social basis for the institutions of exemption from criminal liability and punishment. In the process of research, the author comprehensively used general scientific and private scientific methods of cognition. Dialectical, inductive and deductive methods were used with respect to all components of the chosen problem. The system-structural method made it possible to assess the functional essence of the principles available in the current criminal law and unofficial criminal law principles that were proposed in the science of criminal law. The method of comparative analysis made it possible to identify contradictions in terms of arguments about the need to recognize as principles of criminal law those statements regarding exemption from criminal liability and punishment that have not received official consolidation in the Criminal Code of the Russian Federation. The classification and synthesis methods further supported the conclusions and suggestions of the present work.

Due to the fact that among researchers there is no unity either in relation to the types of such «unwritten» principles of criminal law encouragement, or regarding the very possibility of the existence of fundamental criminal law principles that are not provided for by the current criminal law, the author of the article, based on the results of the study, formulates the conclusion that the institutions of criminal law encouragement should be based only on those fundamental principles that are provided for by the current criminal law. This is predetermined by the modern policy of humanizing criminal law.

The article notes that the principle of justice is the legal basis for criminal law encouragement. Exemption from criminal liability, from punishment or the application of other incentive measures to a person who has committed a crime must, in the author's opinion, meet the requirements of proportionality between the severity of the measures of state coercion used and the severity of the crime committed and the public danger of the offender's personality assessed in the aggregate.

**KEYWORDS**: criminal law encouragement, principles of criminal law, exemption from criminal liability, exemption from punishment, inevitability of punishment, humanization of criminal law, saving criminal repression.

**LUKIN ANTON VLADIMIROVICH** – graduate student of the Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev (e-mail: advocate-lukin.com).

**D.A. TASOEV**

## IMPROVEMENT OF STATE POLICY IN THE FIELD OF COMBATING ENVIRONMENTAL CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION

**ABSTRACT**. The article examines current trends in the development of legislation and state policy of the Russian Federation in the field of combating environmental crime. The relevance of the study is due to the growing number of environmental offenses and disasters, emphasizing systemic gaps in legal

regulation. The purpose of the work is to analyze the complex of internal and external challenges to the environmental safety of Russia and assess the adequacy of the regulatory measures taken. Based on the analysis of strategic documents (National Security Strategy, the foundations of state policy in the field of environmental development until 2030, the national project «Ecology») and data on resonant environmental incidents (Norilsk, Kamchatka, oil spill in the Black Sea), key reasons for the criminalization of the environmental sphere are revealed. The authors conclude that modern public policy is moving towards tightening responsibility, expanding international cooperation and introducing new monitoring technologies. However, the effectiveness of these measures depends on an integrated approach, including not only punitive mechanisms, but also preventive strategies, increasing the environmental awareness of citizens and businesses, as well as strengthening interagency cooperation. It is concluded that it is necessary to further systematize the criminal law norms on environmental crimes in order to overcome their fragmentation in the structure of the Criminal Code of the Russian Federation.

**KEYWORDS**: environmental crime, environmental safety, state policy, criminal liability, environmental management, national security, legislation, environmental disasters.

**TASOEV DAVID AKHSARBEKOVICH** – graduate student of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

**S.O. KHUBEZHTY**

## CRIMINAL LAW SIGNIFICANCE OF THE CONCEPT OF MEDICAL ACTIVITY

**ABSTRACT**. The article analyzes the concept of illegal medical activity used under Art. 235 of the Criminal Code. The purpose of this article is to analyze the legal nature of medical activity, identify terminological contradictions in the current legislation, in the context of Art. 235 of the Criminal Code of the Russian Federation, and formulate proposals for improving the regulatory framework to increase the efficiency and fairness of criminal law.

The main focus is on the terminological contradiction between the definition of «medical activity» as a professional activity given in Federal Law No. 323-FZ and the application of this term to unlawful actions of persons. The author argues that the qualification of such actions as «carrying out medical activities» is logically and legally incorrect, since an act committed without a license and professional status cannot meet this definition. As a solution, it is proposed to amend the name and disposition of Art. 235 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to bring the concepts used in this area to terminological unity.

**KEYWORDS**: illegal medical activity, medical intervention, medical service.

**KHUBEZHTY SABA OMAROVICH** – graduate student of the Department of Criminal Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov» (e-mail: nauka-raa@mail.ru).

# Требования к оформлению статей

**1. Представляемая статья должна быть оригинальной по содержанию.** В статье необходимо сформулировать рассматриваемую проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом.

**2.** Редакция журнала заинтересована в публикациях результатов научных исследований, связанных с деятельностью адвокатуры и нотариата, судебной власти, правоохранительных органов, исследований в области истории, теории государства и права и остальным отраслям права, а также в материалах по экономике, социологии и другим гуманитарным наукам.

Кроме этого, в журнале могут быть опубликованы тезисы выступлений на научно-практических конференциях, симпозиумах, круглых столах, обзоры о проведенных научных мероприятиях, рецензии, отзывы на докторские, кандидатские диссертации, монографии, учебники и другие материалы, представляющие научный интерес для наших читателей.

**3. Объем статьи** 6-12 страниц; обзор, рецензия, информация – не более 3 страниц.

**4. При определении объема материала просим исходить из таких параметров**:
– текст печатается на стандартной бумаге формата А-4, через 1,5 интервала;
– размер шрифта основного текста – 14, в Microsoft WORD 2000-2003;
– поля – 2 см;
– название (заглавие) статьи оформляется 14-м жирным шрифтом, межстрочный интервал – одинарный, отделяется от текста сверху и снизу 1 строкой.

**5. Соблюдать при оформлении статьи следующую последовательность**:
– над заглавием (справа) указывается автор (инициалы, фамилия);
– заглавие;
– под заглавием дается краткая аннотация и ключевые слова; сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – полностью, должность, место работы, уч. степень, звание и адрес электронной почты);

**6.** В конце статьи приводится «Библиография» (оформляется в соответствии с действующим ГОСТом, в алфавитном порядке). Затем дается транслитерация русскоязычной библиографии в соответствии с таблицей.

| Буква | Транслит | Буква | Транслит | Буква | Транслит | Буква | Транслит |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| а | a | з | z | п | p | ч | ch |
| б | b | и | i | р | r | ш | sh |
| в | v | й | y | с | s | щ | sch |
| г | g | к | k | т | t | ь и ъ | опускаются |
| д | d | л | l | у | u | ы | y |
| е | e | м | m | ф | f | э | e |
| е | e | н | n | х | kh | ю | yu |
| ж | zh | о | o | ц | ts | я | ya |

На сайте http://www.translit.ru можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу, предварительно настроив программу по нашим правилам: й (y), щ (sch), э (e), ю (yu), я (ya)!

**7. Все указанные позиции под пп. 5 обязательно оформляются и на английском языке**.

**8. Ссылки, сноски проставляются постранично автоматически**, шрифт для сносок – 12, нумерация сквозная. В сносках на авторов источников сначала следует указать фамилию, затем инициалы, обязательно привести название публикации, затем источник – место, год, номер, страница. Постраничные сноски делаются в усеченном варианте (без тире).

**9. Перед библиографическим списком аспирант или соискатель указывает** научного руководителя, сведения о нем (фамилия, имя, отчество – полностью, должность, место работы, уч. степень, звание).

При использовании нормативного акта следует привести полное (без сокращений) наименование, указать его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия – цифрами, месяц – словом, год принятия – четырьмя цифрами). Например: Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

**10. К рукописи прилагаются**:

– сведения об авторе (фамилия, имя, отчество); статус: уч. степень, уч. звание (при наличии), должность и место работы, учебы;

– почтовый служебный или домашний адрес с индексом и телефон;

– рецензия на статью с подписью, заверенной соответствующей кадровой структурой, выписка из протокола заседания кафедры с рекомендацией к опубликованию. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения). Отзыв научного руководителя (для аспирантов, адъюнктов, соискателей). Статья сдается с подписями автора(-ов) на последней странице.

**11. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует** правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и др. форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем. За любые неправомерные заимствования или использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, авторы несут ответственность в соответствии с законодательством РФ. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.

**12**. **Настоятельно рекомендуем авторам** тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания юридических терминов, оформление текста работы и ссылок в соответствии с рекомендуемыми Правилами.

**13. Плата за публикацию рукописей с аспирантов не взимается**.

**14. Автору предоставляется право получить** бесплатный электронный вариант журнала, а также печатный экземпляр журнала при условии возмещения расходов по его пересылке на указанный автором почтовый адрес.

**15. Представленные авторами статьи регистрируются**, подлежат обязательному рецензированию членами редакционного совета журнала или приглашенными редакцией учеными, научная специализация которых близка к теме статьи. Авторам предоставляется возможность ознакомиться с содержанием рецензий. При наличии замечаний рукопись возвращается автору на доработку.

**16. Авторы передают редакции исключительное право** на использование произведения и размещение его в электронной версии журнала.

**17. В случае невыполнения предъявляемых к оформлению статьи требований редакция имеет право отказать автору в публикации**.

**18. Журнал выходит** 1 раз в три месяца (март, июнь, сентябрь, декабрь). Срок выхода статьи 3 месяца.

**Рукопись направляется в редакцию по адресу**:

105120, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1, Российская академия адвокатуры и нотариата (с обязательным приложением электронной версии) и может быть направлена по электронной почте: nkosarenko@yandex.ru в Microsoft WORD 2000-2003 (файлу присваивается имя по фамилии автора с указанием «для журнала», «в материалы конференции», например: Кузнецова Г.П., для журнала).

**Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по телефону редакции:** +7-495-917-38-80, Косаренко Николай Николаевич.

**В аннотации к статье** в журнале «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата» необходимо указать актуальность темы, результаты исследования, теоретическую и практическую значимость и новизну. Объем 0,7–1 страница.

ОБРАЗЕЦ ПРИЛАГАЕТСЯ

***Аннотация**. Актуальность темы. На основе проведенного исследования автор предпринимает попытку выявить нормативный механизм, регулирующий взаимодействие хозяйствующих субъектов и разработанный государством в целях предотвращения монополизации экономической деятельности, поскольку существуют серьезные проблемы недобросовестной конкуренции, в частности, в сфере гражданской авиации, что обусловливает иной подход к исследуемой проблематике.*

*Методы исследования. В ходе проведения исследования применены исторический, сравнительно-правовой, формально-догматический методы, метод комплексного анализа, статистический метод.*

*Результаты исследования (выводы). Научное исследование позволило выявить декларативность эффективности существующих на сегодняшний день механизмов обеспечения конституционного запрета на монополизацию отдельных видов экономической деятельности и обосновать на научной основе необходимость совершенствования нормативной базы и устранения выявленных автором недостатков, приводящих к нарушению баланса интересов различных субъектов предпринимательской деятельности в области правового регулирования гражданской авиации (коммерческих перевозок) и, как следствие, к уменьшению доступности авиационных услуг для населения.*

*Теоретическая и практическая значимость. Сделанные выводы могут быть использованы в учебной литературе по конституционному и транспортному праву, а также в качестве рекомендаций для правотворческой деятельности.*

*Новизна. Автором предложен оригинальный подход к совершенствованию нормативного механизма осуществления конституционного запрета монополизации экономической деятельности и недобросовестной конкуренции на примере правового регулирования сферы гражданской авиации.*

**РЕДКОЛЛЕГИЯ**

# МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ АДВОКАТОВ (МАРА)

Основана в 2015 году

Ассоциация юристов «Международная ассоциация русскоязычных адвокатов» (МАРА) – некоммерческая корпоративная организация, созданная в организационно-правовой форме ассоциации, основанной на добровольном членстве юридических и физических лиц: юристов, адвокатов, нотариусов и правозащитников различных стран.

Ассоциация учреждена Международным советом российских соотечественников и Гильдией российских адвокатов при поддержке Администрации Президента РФ, МИД России, Россотрудничества, Федеральной палаты адвокатов РФ и Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом.
В создании ассоциации также приняли участие иностранные представители более 80 государств.

Важнейшей задачей ассоциации является сотрудничество с соотечественниками, занимающимися юридической практикой за рубежом с использованием в работе русского языка, а также с международными, национальными, региональными правозащитными союзами и ассоциациями. Предметом такого взаимодействия является защита интересов Российской Федерации, российских граждан и юридических лиц в судебных, государственных, административных и иных органах иностранных государств.

**Основными целями и предметом деятельности Ассоциации являются:**

- координация деятельности и осуществление представительства интересов членов Ассоциации;
- защита прав и законных интересов российских соотечественников, проживающих за рубежом;
- организация защиты интересов Российской Федерации в случае межгосударственных конфликтов;
- организация юридической помощи компаниям и фирмам от недружественных поглощений, представительства сторон по хозяйственным спорам, взысканию долгов и убытков, делам о банкротстве, сопровождение разного рода сделок;
- организация юридической помощи по уголовным делам, в т.ч. в сфере экономических и хозяйственных отношений;
- содействие укреплению сотрудничества Ассоциации с юристами, некоммерческими правозащитными организациями, адвокатскими сообществами в странах СНГ и других государствах;
- расширение и укрепление международных, профессиональных и культурных связей;
- оказание экспертной помощи и поддержки при обсуждении законопроектов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и зарубежных государств, касающихся законных прав и интересов российских соотечественников;
- пропаганда призванных мировым сообществом принципов и стандартов защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом;
- изучение и распространение передового мирового опыта правозащитной деятельности, а также обмен опытом работы русскоязычных юристов разных стран;
- подготовка письменных заключений и консультаций, независимых правовых экспертиз и исследований различных законопроектов и нормативных правовых актов;
- содействие в разработке законодательства о гарантиях правовой защиты соотечественников.

**Президент** – Мирзоев Гасан Борисович;

**Первый вице-президент** – Неборский Михаил Юрьевич.

**Адрес:**
Россия, 105120, Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1.

**Приемная президента:**
Тел.: +7-495-917-82-48, факс: +7-495-917-30-67;
Web.: www.iarl.pro E-mail: info@iarl.pro